Борис Олейник

НЕИЗВЕСТНЫЙ Горбачев

КНЯЗЬ ТЬМЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор этой книги, Борис Ильич Олейник, писатель, публицист и политический деятель, хорошо знал Михаила Горбачева. В «перестройку» Б. Олейник являлся депутатом Верховного Совета СССР, заместителем председателя Палаты Национальностей Верховного Совета СССР.

Будучи человеком глубоко верующим, православным, Борис Олейник еще тогда заметил, что период правления Михаила Горбачева странным образом соответствует библейским пророчествам о пришествии посланца Антихриста. В стране одно за другим происходили события, трудно объяснимые с точки зрения обычной логики: страшная чернобыльская катастрофа, гибель теплохода «Нахимов»; лоб в лоб сталкиваются поезда, одна за другой взрываются шахты. Наконец, взрывается Карабах, детонируя цепную реакцию кровавых гейзеров в Тбилиси, Оше, Сумгаите, Баку, Южной Осетии, Вильнюсе, Тирасполе.

В то же время Горбачев постоянно вел переговоры с западными лидерами за закрытыми дверями. И переговоры эти происходили странным образом и в странных местах. Общественность никак не могла взять в толк: чего это, к примеру, Горбачева потянуло встречаться с Бушем… на Мальту? На Мальту, имевшую зловещую славу острова, где гнездились разные рыцарские ордена, поклоняющиеся сатане…

Описывая биографию и политическую деятельность Михаила Горбачева, автор приходит к выводу, что он был предназначен князем тьмы для разрушения России.

- Борис Олейник, Филипп Бобков, Валентин Павлов
  - Горбачев. Князь тьмы Борис Олейник

Борис Олейник, Филипп Бобков, Валентин Павлов
Неизвестный Горбачев. Князь тьмы

Горбачев. Князь тьмы Борис Олейник

Предисловие

Был горячий, веселый день конца мая 1987-го.

После раскаленной до предела стеклянной банки номера «России» даже пропитанный гарью московский ветерок казался благом.

Я стоял у северного блока гостиницы, лицом к кремлевским стенам в ожидании коллеги «с колесами». Всесоюзный съезд общества «Знание» близился к завершению, но я счел уместным освободить его от своего присутствия до окончания работы, поскольку моя скромная персона вызывала раздражение не только президиума, состоящего почти сплошь из академиков, но и властных верховных сфер.

Накануне, выступая в прениях, я всего лишь призвал «говорить правду, и только правду», какой бы горькой она ни была. Не умалчивать ее, ссылаясь на высшие государственные интересы.

Разве это секрет, что и после чернобыльской беды мы все еще не дали ответа на множество острых проблем атомной энергетики? Что на Украине, в одном из наиболее населенных регионов, занимающем лишь около 3 процентов территории страны, размещено почти четверть общесоюзных мощностей АЭС? Что вскоре нам придется решать проблему захоронения миллионов тонн радиоактивных отходов? К лицу ли нам, отцам, закрываться от пытливых глаз наших детей зонтом секретности? Уж коли ныне, с высоты космической орбиты, можно прочитать полосу «Правды» с призывами к гласности, то уж «заметить» АЭС труда не составляет. К слову, не у нас же, а у них, в частности в США, впервые после аварии на АЭС возник кризис доверия к станциям.

По нынешним меркам подобная смелость вызовет разве что снисходительно извиняющую улыбку. Но по тем временам (а это был 87-й), когда цензура строжайше «просеивала» все, что касалось Чернобыля, эти и другие приведенные мной факты вызвали настоящую истерику. Теперь уже могу открыть, что цифры касательно Украины, впервые обнародованные на съезде, кроме других источников, я позаимствовал и из статьи Б. Е. Патона, именно из того ее фрагмента, который был изъят цензурой.

Естественно, это задело не только Центр, но и киевские верхи, которых, по обыкновению, сразу же проинформировали проворные доброхоты. Так что оставаться до окончания съезда, согласитесь, не было резона.

* * *

Итак, я стоял у входа в гостиницу «Россия». Поскольку спешил к поезду, внимание мое было приковано к стрелкам часов. Но все же боковым зрением я заметил какой-то игрушечный, ярко раскрашенный самолетик, который то появлялся почти над головой, то пропадал из виду. Раза два он как бы приноравливался сесть на мосту, что слева от гостиницы, и снова взмывал вверх.

Время от времени возле меня останавливались случайные прохожие, буднично спрашивали: не знаю ли, что это за самолет? Я так же буднично отвечал, что не ведаю, но, возможно, это какой-то рекламный полет. Так подумалось, ибо чего-то другого не мог предположить.

Наконец самолетик, сделав еще один круг, сел прямо… на Красной площади. Метров за 150 от меня. И за 50 – от Мавзолея. Из кабины выпорхнул юркий, худощавый юноша, кажется, в белом костюме или комбинезоне.

В этот миг и причалил коллега «с колесами». Он тоже заметил самолет и шутливо спросил, что это, мол, за истребитель? Забрасываясь в кабину, я в тон ему повторил свою версию.

И только в поезде, на следующее утро, за несколько километров от Киева, слух уколола фраза из вагонного репродуктора. Я даже не разобрал слов, но, видимо, недремлющее подсознание автоматически отреагировало на нечто, и вправду выходящее за весь предыдущий жизненный опыт.

Не успел я осознать услышанное, как вдруг вскочил сидевший напротив меня грузный, уже почтенных лет сосед по купе и растерянно выдохнул:

– Вы что-нибудь понимаете?!

– Да вот, не совсем уловил…

– Только что передали: какой-то немецкий самолет, не замеченный ПВО, сел… где бы вы думали? Возле Кремля, у самого Мавзолея!

Меня буквально подбросило:

– Господи, да я же видел, как он садился!!!

Возле нашего купе уже сгрудились пассажиры изо всего вагона. Как сквозь вату, к моему сознанию пробивались сначала встревоженные, а потом и все более гневные голоса:

– Но это же черт знает что…

– Ну дожились…

– Такого позора я не переживу… Мы даже в сорок первом…

– Вот так-то, папаша. Вы в сорок первом отстояли Москву, а мы ее вчера сдали… – попытался съюморить бодрый парняга, но его зашикали.

Словно сквозь туман, ступил на перрон. Странное чувство – не то безволия, не то безысходности – овладело мной. Я впервые почувствовал себя маленьким, слабым и незащищенным…

* * *

Уже на привокзальной площади, уловив какой-то гул, непроизвольно съежился и опасливо посмотрел вверх: не заходят ли?.. Как в сорок первом, когда над нашей беженской валкой заходили в пике – с тем особенным, прерывисто-волчьим воем – немецкие штурмовики. Но и тогда не было этого чувства тоскливой безысходности: нас защищали пусть и фанерные, но такие родные истребители. Они отчаянно вступали в бой со стервятниками, горели, но все же защищали. Защищали нашу надежду на избавление.

И даже в сентябре 41-го, когда в какой-то полувоенной автоколонне нас вместе с матерью взяли в плен фашисты, – даже тогда надежда на избавление не угасала.

Однако в тот день 87-го и надежда, которая умирает последней, угрожающе пошатнулась. Может, именно в то утро впервые поколебалась и моя беспредельно наивная вера в Вас, Михаил Сергеевич?

Но мне, принадлежащему к поколению, за каких-то три десятилетия пережившему крушения трех идолов и трех переписанных в угоду им «историй Отечества», чисто по-человечески не хотелось потерять веру в четвертого. Ибо, по законам предков, по всем писаниям и предписаниям человеку уготовано выдержать три искуса, а дальше уже грозит потеря точки отсчета и ориентиров.

Увы, человек только предполагает, а располагает… И то, в чем не хотелось, да – признаюсь – и ныне еще не хочется убеждаться, с того, рустовского «налета» неотвратимо вело к осознанию непоправимого.

И в этой книге я обязан в меру своих сил и возможностей вскрыть смысл и последствия Ваших деяний, ибо, волею судеб и я был причастен к ним.

Не в моих правилах посылать стрелы в спину уходящему, но мы с Вами, Михаил Сергеевич, уже не просто частные лица, а составные, и, если хотите, катализаторы того процесса, который привел не только нас – все общество к нынешнему состоянию. И

невзирая на ранги, несем личную ответственность перед современниками и грядущими поколениями.

Следовательно, мое – не только мое. В той или иной мере это сомнения, разочарования, мучения, самоосуждения многих и многих соотечественников, сограждан и современников.

А впереди еще подрастающая поросль, которая теперь, по вполне естественным возрастным причинам, не знает, чем ей придется расплачиваться за все ВАШЕ, МОЕ, за все НАШЕ…

И если я буду касаться Вас лично, то не только как личности, а прежде всего как феномена. Следовательно, все оценки, какими бы они горькими ни были, распространяются и на меня в одинаковой степени. Как ни тяжко осознавать, но я иду на это сознательно, как на обряд очищения…

Горбачев – известный и неизвестный

Мы помним, как хорошо Вы, Михаил Сергеевич, говорили, исподволь приближая нас к общечеловеческим ценностям. Естественно, мы (я имею в виду писателей, творческую и научную интеллигенцию) были на Вашей стороне в борьбе с ортодоксами. Не все, разумеется, но авторитетное большинство. Мы пытались помочь Вам и Вашим сподвижникам в преодолении самого упорного узла сопротивления новациям – психологии, выработанной десятилетиями пропаганды приоритетов революционной необходимости. Очень уж нам хотелось быть «цивилизованными»! А если без иронии – налицо были все признаки если и не угасания, то, по крайней мере, явно ощутимого торможения в движении «нашего паровоза». Надо было что-то менять, причем – немедленно.

Трудно Вам давалась эта переоркестровка ценностей, но Вы упорно переписывали партитуру замшелых стереотипов.

Да, трудно Вам было неимоверно. Со временем, правда, Вы втянулись в этот изнурительный марафон, отработали речевой ряд, но на первых порах…

Ваша нечеловеческая выносливость удивляла и восхищала.

Выступления, встречи, совещания, конференции, интервью в залах и на площадях. Правда, в некоторых фрагментах Вы начали повторяться, но сие мы относили за счет ретроградов, которым надо было упорно напоминать, вдалбливая новое мышление.

Очевидно, кто-то из непростаков Вам подсказал тему борьбы с алкоголизмом. Я подчеркиваю – не из простаков, ибо этим призывом Вы привлекли на свою сторону сразу две мощные общественные силы: женщин, как наиболее страдающих от сего зла, и не менее влиятельный слой – интеллигенцию. Не скажу, что всю, может, даже не большую, но зато – самую активную, национально заангажированную часть ее, которая смотрела в будущее. Будущее же виделось весьма сумрачным, если учесть количество потребляемого алкоголя, побившее все дореволюционные и послевоенные «рекорды». Словом, интеллигенция, сознающая свою гражданскую ответственность за сохранение здоровой наследственности нации, тоже стала под Ваши знамена.

Но, по нашему обыкновению, идея вскоре была скомпрометирована крайностями, вплоть до вырубки виноградной лозы. Грешили прежде всего на Лигачева. Меня тоже покоробила его фраза, брошенная сгоряча, кажется в Армении: мы, мол, не посмотрим на национальные традиции. Но я не

верил, не верю и никогда не поверю, чтобы Егор Кузьмич когда-либо давал прямые указания на уничтожение виноградников.

Так или иначе, а образ «врага» (тут еще и Гдлян с Ивановым весьма своевременно постарались по другой линии) в лице Егора Кузьмича был создан и мастерски аппликирован на ту часть интеллигенции, которая, став под Ваши хоругви, искренне боролась за здоровье населения. Причем, тонко сместив понятия, ей приписали – что бы вы думали?! – великодержавные замашки.

Странно Вы повели себя в этой ситуации. По элементарной логике, знаменосец и автор идеи вроде бы должен отстаивать своих сподвижников. Вы же как-то незаметно ушли в сторону, оставив их в качестве мишеней для измываний «прорабам перестройки».

Может быть, именно тогда родилось что-то похожее на сомнение в Вашей искренности? Но в те времена моя вера была еще настолько избирательной, что я мог сомневаться в ком и в чем угодно, кроме Вас.

Это уже потом… А до того… до того я Вам, как и многие другие, верил безраздельно. Тем более что Вы приняли участие и в моей судьбе, которая одно время висела на волоске.

* * *

Мои взаимоотношения с властями на Украине складывались по-разному. Как и многие другие, попав в крестовину особого внимания в 60-е, я с тех пор то выныривал, то скатывался вниз, вплоть до неоднократного снятия с работы. А одно время после голосования против исключения известного во всем мире правозащитника Ивана Дзюбы из Союза писателей – я «загремел» так, что почти два года был «на творческих сухарях», само собой – без права печатания и выезда.

…Давно намекали посвященные, что на меня упорно «капают» Щербицкому, или ВВ, как его именовали. Причем не только письменно («националист» или, по крайней мере, «национал-коммунист»), но и устно, доверительно, чуть ли не в семейном кругу. Если первые доносы еще можно было как-то попридержать (а честных людей и в ЦК было немало), то доверительные, сказанные на ушко, доходили до адресата. Но я надеялся: ВВ, как человек опытный, рассудительный, разберется что к чему.

Вскоре мне как-то под вечер позвонил старый друг и полунамеками предложил «пройтись». Рассказал следующее. На Политбюро, помимо других дел, рассматривался регламент и

предполагаемые выступающие то ли на предстоящей сессии Верховного Совета, то ли на партийном пленуме. Все шло как обычно. Но тут среди предполагаемых ораторов кто-то назвал мою фамилию. И вдруг, всегда сдержанный и осторожный в выражениях, ВВ буквально взорвался. Он кричал: я же говорил, что этому человеку (т. е. мне. – *б. о.*) нельзя давать слова, вы что – не слышали, что он болтает?! И не только здесь, но и там! (сиречь в Москве. – *б. о.*). Мне же говорил имярек (он назвал фамилию одного из моих коллег. – *б. о.*), что Олейник серьезно свихнут на нацпочве! (При этом многозначительно повертел перстом у виска.)

Ошарашенные участники того заседания буквально съежились. Моего старого друга особенно встревожило то, что сей «диагноз» был выдан Щербицким не в узком кругу членов ПБ, а в присутствии заведующих отделами.

На сей раз даже мне, тертому, стало не по себе: я вполне осознавал, что фраза насчет свихнутости, брошенная, возможно, сгоряча, для особо рьяных прихлебателей могла послужить прямым указанием со всеми вытекающими… Какая-то машина «касается» бортом… «Скорая». Соответствующий укол… А дальше Вы уже сами знаете. И не исключено – навсегда.

На второй день я был в Москве: в этой ситуации промедление и вправду смерти подобно. Думаю, что окружение Щербицкого не ожидало от меня такой прыти. Но больше всего их шокировало и ввело в уныние то обстоятельство, что я сумел в тот же день передать письмо с изложением «истории вопроса». Я ни на кого не «капал», а просто сообщил «диагноз», поставленный мне Вашим сподвижником. И оставил за собой право подать в суд на ВВ.

Вы отреагировали сразу же, наивно спросив через своего помощника, что, мол, предпринять? Я ответил: а ничего, просто ставлю Вас в известность о происшедшем, дабы упредить возможную фальшивку из Киева. И не ошибся: утечка информации была настолько мгновенной, что уже на следующий день, по прибытии в Киев, я это почувствовал. Меня буквально обхаживали и чуть ли не заискивали передо мной люди из окружения ВВ.

Видимо, это обстоятельство, так сказать в форме компенсации за моральный ущерб, в какой-то мере содействовало и тому, что среди других я попал в число соискателей депутатского мандата от КПСС. То есть в «красную сотню», как изволила заметить не по-женски развязная Старовойтова, которая почему-то самозвано присвоила себе право выступать сразу от имени нескольких народов и партий.

Хотя и мне было не совсем ясно, зачем создавалась эта сотня? Неужели Вы боялись «пролететь» на выборах по нормальному округу? Да ведь тогда еще «руководящая» была настолько сильна, что избрание обеспечивалось на все сто с лишком процентов!

Говорю это не задним числом, подлаживаясь под нынешнюю конъюнктуру: еще в период избирательной кампании на вопросы, как отношусь к сей модели, я оценивал ее однозначно негативно, что можно легко проверить. Но я еще настолько был очарован Вашей приверженностью демократии, что, повторяю, мог усомниться в любом, кроме Вас. Да еще после упомянутого инцидента…

* * *

Тем временем демократия разворачивалась вовсю. Воочию начали проявляться и некоторые странности ее. Сначала думалось, что они объясняются то ли нашей юридической неграмотностью, то ли Вашей забывчивостью или, скорее, покладистостью перед нажимными действиями волевых натур из числа лидеров новой волны.

Я, к примеру, так до сих пор и не уразумел «Закона о выборах». Вроде бы в истоках его был заложен принцип однократности: проигравший в одном округе уже не имел права баллотироваться в любом другом. Да и избирателям в качестве кандидатов рекомендовалось ориентироваться на людей, знаемых ими не понаслышке, работающих с ними, а не на варягов.

Изрядная путаница произошла и со средствами на избирательную кампанию. Вроде бы все взыскующие должны иметь равные условия. Но на поверку оказалось, что это далеко не так. «Партократы», нередко используя свое служебное положение, по командно-административной привычке привлекали средства подчиненных им городов и весей.

Не лучше выглядели и их оппоненты из лагеря радикалов. По нескольку раз проваливаясь в разных регионах, они устремлялись со своими командами в очередной округ и, используя непросвещенность избирателей, силовой прессинг вплоть до угроз, а то и прямые подкупы, пробивали своих.

К слову, эти командос щедро оплачивались и рублями, и неизвестно откуда взявшейся инвалютой.

В этом шабаше правового и морального нигилизма весьма странную – опять же! – позицию заняли Вы, Михаил Сергеевич. В очередной раз – сбоку, во всем своем величии демократа, «не замечая» Вами же осуждавшихся нарушений элементарных,

общепринятых норм. «Дошло уже до того, товарищи…» – сокрушались Вы в очередной раз и… забывали.

Вы-то «забывали» или делали вид, что запамятовали. Но многие запоминали. Отдельные всплески недовольства Вашей уступчивостью медленно, но верно перерастали в ропот, на первых порах – глухой.

Словом – воленс-ноленс – но Вы как главный архитектор и А. Н. Яковлев как главный теоретик «перестройки» настолько запутали предвыборную кампанию, что в депутаты не мог попасть лишь тот, кто этого не очень хотел. Зато каждый из новой волны, поставивший своей целью заиметь мандат избранника, получил его.

Демократия демократией, но есть ведь общепринятые, элементарные морально-этические критерии, по которым определяются показания или противопоказания иметь статус народного избранника. Ибо есть и такие чисто личностные качества, приобретенные или врожденные, которые в более или менее цивилизованном обществе являются непреодолимой преградой на пути к властным структурам.

Неужели Вам и Вашим многочисленным службам не был известен постнулевой моральный облик некоторых особей, остервенело рвавшихся на олимп? Тогда я еще сомневался. Ныне – уже не сомневаюсь: Вам все было известно.

* * *

Но вот состоялись выборы. Собрался I съезд народных депутатов СССР. Следовательно, представилась возможность в пределах кремлевского зала изучить весь срез нашего многонационального общества буквально за какие-то дни: мы ведь привыкли считать, что депутаты, как зеркало, отражают реальное состояние всех слоев и прослоек нашего народа.

Однако уже первые несколько дней резко поколебали этот стереотип. Ибо если предположить, что состав новоизбранного депутатского корпуса отражал действительность, то в таком случае весьма заметная часть нашего общества страдает, мягко говоря… психической неуравновешенностью. Но сие даже и в горячечном бреду невозможно представить! Следовательно, депутатский состав ни в коей мере не отражал состояние общества на 1989 год, а коли уж и был зеркалом, то весьма искривленным.

Как-то, после тяжелейшего, истеричного заседания Верховного Совета, Анатолий Иванович Лукьянов, смахивая

щедрый пот с чела, сокрушенно покачал головой и полушепотом бросил: «Несчастные люди! Медики доверительно сообщили, что среди депутатов, как бы сказать помягче, многовато людей с неустойчивой нервной системой. Но что поделаешь?! Несчастные люди…»

Американцы, хорошо осведомленные по части нашего депутатского корпуса, беспечно похохатывали: «Да бросьте вы сокрушаться! У нас подобных личностей не меньше, если не больше. Правда, с той существенной разницей, что в Америке они занимают свою определенную, нижнюю нишу. У вас же они почему-то оказались на верхних этажах».

Сначала и я склонился к этому расплывчатому «почему-то» и не менее пассивному «оказались». Но со временем все больше убеждался в том, что не все здесь случайно. Кому-то именно такой состав депутатского легиона был крайне необходим для далеко идущих целей.

Но это уже погодя, и не я один пришел к подобному заключению. А тогда, да и гораздо позже, я еще наивно списывал вину на всех, кроме Вас. Ныне мне до боли стыдно за свои наивные возгласы: «Неужели нельзя было предположить?!» Скорее даже не стыдно, а обидно, что я так долго не верил своей интуиции.

Ибо… верил Вам. Верил, даже когда в так называемой «Воскресной моральной проповеди» на ЦТ в конце декабря 1989 года растерянно обвинял чуть ли не всех (и себя тоже!) в том, что «за последние десятилетия не раз менялись стратегические направления», что повсеместно «нарастают прагматизм, карьеризм, жестокость, раздраженность, жадность»… и когда в той же самой проповеди «размышлял» о самой вере: «В чем смысл этого феномена? Может, это – чувства? Но ведь чувства изменчивы. Может, это состояние души? Но и оно меняется под влиянием тех или иных чувств. Скорее, это все-таки некая норма, принятая всеми: обществом, человеческой общностью в целом и лично каждым. Стремление определить нечто как святыню, которая не подлежит размыванию. Если вера завизирована совестью – она истинна».

Вот так говорилось и думалось. Если с позиций сегодняшних моих и общих познаний проанализировать эти слова, то можно заметить, как подсознательно сам себя и сограждан своих успокаивал, что моя вера в одну из тогдашних «святынь» истинна и непоколебима.

* * *

Глубоко ошибаются те, кто в крайнем раздражении обвиняет Вас в предательстве всех без разбора. Да, Вы подставили несколько своих «команд» и самых, казалось бы, ближайших соратников. Но почему-то всякий раз сия горькая чаша обходила нескольких человек, неуязвимо переходивших из одной, заложенной Вами, в очередную, намеченную к закланию, команду. Александр Яковлев, Вадим Бакатин, Евгений Примаков, Гавриил Попов, Георгий Арбатов, Анатолий Собчак, Юрий Афанасьев и еще несколько их собратьев помельче – эта связка оставалась нетронутой при всех микропереворотах и перетрясках «кадров».

Главная ошибка Ваших самых яростных изобличителей состояла в том, что они в благородном гневе не замечали «домашних заготовок» и принимали за чистую монету Ваши схватки на миру с упомянутыми выше непотопляемыми.

Они (и я вместе с ними) даже не предполагали, что уколы, наносимые Вам теми же Яковлевым, Поповым, Собчаком или Афанасьевым, – всего лишь розыгрыш для профанов. И даже искренне защищали Вас от их наскоков.

Как-то А. Н. Яковлев, расслабившись после карнавального «путча», назвал своих и Ваших противников «шпаной».

Оставляю приоритет на сей понятийный аппарат за академиком. Но совершенно очевидно, что как раз Вамто и нужны были «несчастные люди» на парламентском уровне, самая настоящая парламентская «чернь». Нет, не в том оскорбительном социальном понимании, не с тем презрительным ярлыком. «Чернь» в том духовно-нравственном смысле, как писал об этом русский мудрец Иван Ильин в «Аксиомах власти»:

«Люди становятся чернью тогда, когда они берутся за государственное дело, движимые не политическим правосознанием, но частною корыстью… Чернь не знает общего интереса и не чувствует солидарности… Она совершенно лишена сознания государственного единства и воли к политическому единению…».

Но именно «чернь», как известно, ради своих выгод, своей корысти умело выискивает себе опекунов, добровольно принимает послушание перед ними, впрочем, если нужно, успешно маскируя его («чернь на выдумки хитра…»).

* * *

Итак, собрался Съезд народных депутатов, впервые – как это назойливо подчеркивалось – «избранных демократически».

Интересное это было и глубоко поучительное действо! И зрелище.

Несколько дней я как писатель буквально утопал в роскоши познания, изучая лица, повадки, систему жестов, игру эмоций, амбиций, наигранных истерик, заранее подготовленных экспромтов, демонстрацию «смелости» мыслей, своеобразный викторианский речевой стиль, граничащий с полублатным арго; навязчивую пренебрежительность в одежде – вплоть до маек с визиткой «Мальборо»; раскованность в общении с президиумом и даже с Самим, переходящую в рискованную фамильярность: иные депутаты, переваливаясь через стол президиума – разрезом пиджака к залу, для равновесия игриво отбрасывали ногу.

Упаси Бог, сие не касается большинства нормальных депутатов, которые опасливо посматривали на упомянутое выше агрессивное меньшинство. Эти (заимствую из излюбленного блока радикалов – «эта страна»), так вот эти с первых минут работы съезда сразу же определились в ловко сбитую стайку. Чувствовалось, что они заранее прошли соответствующий тренинг: сразу же оккупировали трибуну и микрофоны и, пользуясь неопытностью большинства, «повели» съезд.

…Не знаю почему, но первым мое внимание привлек Анатолий Собчак. Броский, в элегантно сшитом костюме, выше среднего роста, без излишних «соцнакоплений», он чувствовал себя хозяином положения. Аттестованный как «известнейший юрист», он перманентно маячил у микрофонов, подправляя и регламент, и самого Председателя, не говоря уже о коллегах, по адресу которых отпускал колкие реплики.

Острый на слово, с хорошей реакцией, с иронической улыбкой, еле скрывающей пренебрежительное высокомерие к сирым, он поначалу многих буквально очаровал.

Мне всегда импонировала – и в друзьях, и в противниках – этакая раскованность и, простите, подкупающая нахрапистость, когда и знаешь, что человек врет в глаза, но настолько искренне, с такой веселой самоуверенностью, что вызывает… симпатию.

Думаю, не открою особых «творческих секретов», когда скажу, что в писательском арсенале заложены своеобразные «кассеты» со стереотипами определенных, хорошо изученных им типажей. И если в поле внимания оказывается новая, незаурядная личность, он подсознательно подыскивает из своего запасника схожий с «новобранцем» по психоантропным характеристикам тип, по которому, уже изученному, пытается предугадать или рассчитать, что можно ожидать и от новенького.

Наблюдая за Анатолием Собчаком, я все больше натыкался в своем запаснике на известный образец, который с легкой руки

моего гениального земляка триумфально шествует по всему миру.

Вот он в очередной раз, юрко обходя коллег, решительно продвигается к микрофону. Следует очередная филиппика – то ли по адресу выступившего перед ним, то ли по поводу президиума. Учинив эскападу, он так же уверенно возвращается на свое место, лукаво подмигивая себе: а ну, мол, как ты, дорогой коллега, будешь отмываться?

Анатолий Александрович абсолютно невозмутим, когда его, тут же, «на миру», уличают в передергивании фактов, неточностях, а то и в прямом вранье. Похохотав вдоволь, разведя руками – мол, что поделаешь, бываат, – он с такой же невозмутимостью готовится к очередному броску на микрофон. Поражают его глаза на миловидном лице: трудно уловимые, поскольку смотрят… врозь.

Да, он отталкивает и одновременно чем-то привлекает, как и бессмертный Хлестаков. Но гоголевский герой симпатичен тем, что, отчаянно привирая, подсмеивается над властями предержащими. То есть его грешки искупаются грехами городничего и иже с ним, на которых Хлестаков честно играет.

Другое дело – Анатолий Александрович. В отличие от своего визави он сам принадлежит к властям предержащим. Избранник и доверенное лицо народа. И если уж он «темнит», то объегоривает не власть, ибо сам – власть, а – простите за пафос – народ, избравший его. То есть сам народ оказывается в роли как бы его сообщника по обману… народа.

Какую опасность таят в себе подобные особи, свидетельствуют посттбилисские события. Ведь именно Собчак, возглавлявший комиссию по расследованию трагедии, обвинил во всем армию, обелив боевиков Гамсахурдиа как белокрылых ангелов. Именно тогда господин Собчак открыл дорогу режиму, который принес грузинскому народу страдания и человеческие жертвы, многократно превышающие тбилисский инцидент.

* * *

Господин Горбачев! Как натура тонкая и хорошо читающая с листа характеры, Вы ведь отлично «прочитали» А. Собчака от запятой до титлы. Если уж не столь опытные заметили одну ярко выраженную особенность Анатолия Александровича – начинать посылкой, которую в конце того же абзаца дезавуировать, – то Вы ведь видели Собчака в самых глубинах сокровенного.

И вот незадача: видели и знали, но почему-то он всегда

оставался неуязвимо при Вас, между тем как других Вы сдавали повзводно. А не потому ли, Михаил Сергеевич, что, подобно уже названным неприкасаемым, Анатолий Собчак как тип Вам и, как ни парадоксально, Борису Ельцину был нужен?

Однажды, в минуту откровения (истинного или деланого), Вы признались, как, прогуливаясь с имярек по своим «Воробьевым горам», поклялись разрушить «эту прогнившую систему». Но коль скоро Вы не просто дети авторитарного режима, а зодчие и ревностные охранители его, то уж досконально знали, что разрушить режим, не ликвидировав партию, весьма и весьма сложно. (Оговорюсь: Вы и Ваши сообщники всегда лукаво «путали» Политбюро, ЦК, областных и районных кадровых аппаратчиков с миллионами партийцев, которые имели единственное преимущество: вкалывать и «за того парня», да еще платить партналог, отрывая от своей скудной зарплаты на содержание всего этого таинственного ордена, возглавляемого магистром, сиречь Вами, Михаил Сергеевич.)

Но вернемся к главному.

Теперь-то Ваш давний замысел понятен: для разрушения, как и для созидания, Вам нужны были соответствующие кадры, которые, как справедливо заметил Ваш духовный предтеча, решают все.

И Вы их продвинули во все структуры общественного организма. Сделав, по своему обыкновению, вид наивного неведения касательно того, что основные «кадры»-то были аттестованы далеко за пределами нашего бывшего многонационального отечества.

Но об этом мы, непосвященные, узнали лишь в 1991 году на так называемом «закрытом» заседании Верховного Совета, где документ под многократным грифом «секретно» о так называемых «агентах влияния» отважился через 14 лет обнародовать Крючков. (Никак не отвяжусь от мысли: а не эта ли информация подтолкнула влиятельных лиц ускорить переворот?)

* * *

Как ни парадоксально, но мы, отчаянно и сильно поверившие Вам, и Вы, эксплуатируя нашу веру, стремились на первых порах, по существу, к одному и тому же – кардинально изменить авторитарную, жестко регламентированную систему, демократизировать ее на универсальном праве личности, на разделении законодательной, исполнительной и судебной власти. Особенно же нас, националов, привлекала Ваша приверженность

к самоопределению наций, к обретению народами СССР реального суверенитета и независимости. В не меньшей мере совпадали Ваши и наши стремления к многомыслию, многопартийности, к снятию с КПСС «руководящей роли» и преобразованию ее в парламентскую партию. Более того, мы шли дальше Вас, требуя осудить поименно верхний партэтаж и заседавших в нем членов тайного ордена за кровавые репрессии, за организацию голода 33-го. И не только осудить, но и решительно разорвать генетическую связь с компрадорской партбуржуазией и, очистившись от скверны, создать Партию социальной справедливости и защиты всех трудящихся.

Правда, последнее требование, с которым и я не единожды выступал на всех уровнях, почему-то всегда холодно встречалось и Вами, и Вашими сообщниками – самыми радикальными демократами.

Но – о горе нам, профанам! Мы по своей наивности и не подозревали, что наша истая вера в перестройку эксплуатировалась для совершенно иной (а мы-то верили!) цели. Да и откуда нам, сирым, было знать, что «перестройка», казавшаяся отечественным и лично Вашим изобретением, была спланирована… не у нас?!

Думается, «массам» небезынтересно будет узнать непредвзятое мнение коллеги из американского журнала «Тайм» за 24 февраля 1992 г.

Карл Бернстайн, взяв интервью у 75 представителей рейгановской администрации и Ватикана, пришел к выводу, что еще 7 июля 1982 года в результате встречи между Рональдом Рейганом и папой Иоанном Павлом II было достигнуто направленное против СССР, Польши и других стран Восточной Европы соглашение о проведении тайной кампании с целью ускорить процесс распада коммунистической системы (к этой статье мы возвратимся позже).

Хочешь не хочешь, Михаил Сергеевич, но возникает вопрос, а не… успели ли «агенты влияния» еще до 1985 года пройти отличную школу и получить тренинг и четкий, транскрибированный план действия, вплоть до того, как проводить у нас избирательную кампанию и как, используя неточности и зазоры в Законе о выборах (а эти щели были заранее оставлены ими же), юридическую непросвещенность населения, как благодаря всем этим и прочим другим «уловкам-89» добыть депутатские мандаты для «своих»?

Если это так, то именно хорошо осведомленные в предвыборной неразберихе и продвинули горючий материал из самых низов, который, вроде бы стихийно, а на деле

регулируемый «своими», расшатывал бы Верховный Совет и всю общественно-политическую структуру. Именно этот материал, ангажируемый из состава аутсайдеров общества (бывших узников, среди которых были не только истинные узники совести, но и без таковой; так называемых вечных неудачников; особей разных колеров – вплоть до небесно-голубого; обиженных бывших партократов и просто типов с реактивной психикой), и должен был составить ударный батальон. Его задача: «от имени самого-самого народа», но под рукой осведомленных пробить брешь в системе, в которую без боя вошли бы профессионалы. Роль комвзводов и вся черновая работа возлагалась на представителей своеобразной рабочей и люмпен-интеллигентской аристократии.

* * *

Пожалуй, еще жестче обозначил эту чернь с разрушительным инстинктом Достоевский. Не принимая его резкости, типа «сволочь», я все же должен процитировать писателя, не нарушая авторского права:

«В смутное время колебания или перехода всегда и везде появляются разные людишки. Я не про тех так называемых «передовых» говорю, которые всегда спешат прежде всех (главная забота) и хотя очень часто с глупейшею, но все же с определенною более или менее целью. Нет, я говорю лишь про сволочь. Во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе, и уже не только безо всякой цели, но даже не имея и признака мысли, а лишь выражая собою изо всех сил беспокойство и нетерпение. Между тем эта сволочь, сама не зная того, почти всегда попадает под команду той малой кучки «передовых», которые действуют с определенной целью, и та направляет весь этот сор куда ей угодно, если только сама не состоит из совершенных идиотов, что, впрочем, тоже случается… В чем состояло наше смутное и от чего к чему был у нас переход – я не знаю, да и никто, я думаю, не знает… А между тем дряннейшие людишки получили вдруг перевес, стали громко критиковать все священное, тогда как прежде и рта не смели раскрыть, а первейшие люди, до тех пор так благополучно державшие верх, стали вдруг их слушать, а сами молчать; а иные так позорнейшим образом подхихикивать» (Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 10. Бесы. Изд-во «Наука», Ленинград, 1974, стр. 354).

Я решительно против того, чтобы одним миром мазать всех «передовых». Среди них были и есть люди чести, которые

искренне и благородно стремились обновить идущее под уклон общество, дать каждому народу, каждой нации законное право самоопределиться и реализовать свое естественное, Богом данное право на государственную независимость.

Но есть ли гарантия, что среди этих, «передовых», не было и не имеется особей, преследовавших совершенно иную цель, которую с холодной жестокостью определил Петр Верховенский: «Вы призваны обновить дряхлое и завонявшееся от застоя дело… Весь ваш шаг пока в том, чтобы все рушилось: и государство, и его нравственность. Останемся только мы, заранее предназначавшие себя для приема власти: умных приобщим к себе, а на глупцах поедем верхом… Мы организуемся, чтобы захватить направление; что праздно лежит и само на нас рот пялит, того стыдно не взять рукой» (там же, стр. 463).

Так есть ли гарантия, что среди благородных «передовых» не пребывают верховенские? Положа руку на сердце, объективно оценивая сегодняшние реалии, вынужден ответить: нет таких гарантий. Ибо «заранее предназначавшие себя для приема власти» уже рушат нравственность, и едут верхом на наивно поверивших им, и, «захватив направление», не берут, а хапают обеими все, «что праздно лежит». И стоит ли распространяться по поводу того, кто оказался в роли «глупцов», на которых сегодня «едут верхом»?!

Ведали ли Вы об этом? По хорошо имитированной растерянности вроде бы и нет. И мы верили Вам, поскольку просто не допускали, чтобы, зная о вопиющих нарушениях закона о выборах, о прямых подтасовках на избирательных участках, об угрозах физической расправы в случае «неправильного голосования», о множительной технике, типографиях и валюте, поставляемых напрямую из зарубежных спецфондов в помощь радикалам, – и вправду невозможно представить, чтобы Генсек не отреагировал.

Действительно – невероятно, чтобы, зная это… Невероятно, но все упорнее склоняешься к мысли, что Вы об этом ведали, Михаил Сергеевич!

Особенно горько сознавать, что благородные порывы, высокие идеи духовного обновления, обретения национального достоинства и реального суверенитета, истинной демократии – эти высшие ценности, за которые сажали и гноили в темницах, в частности Ваше и мое поколение «шестидесятников», – из этого святого знамени был сшит маскхалат для утаивания совершенно иных замыслов.

* * *

Итак, уже в первые дни съезда начали исподволь проступать контуры некоей артели. Правда, сначала она действовала по возможности скрытно: все разработки и разборки осуществлялись за пределами Кремлевского дворца, на частных квартирах. На самом же съезде в качестве пробойного механизма был выпущен Юрий Афанасьев.

Показательная личность! Комсомольский выпестованец 50—60-х годов, он рос не по дням, а по часам, продвигаясь по иерархической лестнице. А вскоре как раз приспичило со взаимообменом «кадрами» между Францией и бывшим СССР.

В отличие от нынешних, в те времена учение за кордоном не являлось особо престижным. Посему большинство по всевозможным причинам (дома ведь ждала парткарьера!) отнекивались. Словом, коллеги тайно сговорились и выдвинули в Париж наименее (по их мнению) перспективного – Юрия Афанасьева…

Все это прошло незамеченным и для многонационального общества, и науки в частности. Как и у кого он там стажировался, но возвратился Юрий Николаевич совершенно другим человеком. И до этого не отличавшийся изысканностью стиля, он после Парижа и вовсе распоясался. К лицу приклеилась постоянная брезгливая гримаса. Голос потяжелел вкупе с фигурой.

Но больше всего поразил бывших коллег бросок Афанасьева в карьере. Не особенно преуспевающий в науках, элементарно компилирующий «марксо-ленинские источники» (полистайте его диссертации); вернейший апологет соцсистемы, он заимел доктора наук, потом и целый историко-архивный институт. Словом, за ним угадывалась чья-то мощная рука, все время подталкивающая вверх и манящая из-за рубежа, где он стал завсегдатаем.

Взгляды, позиция и понятийно-категориальный аппарат Афанасьева настолько быстро менялись и обновлялись, что он взошел на трибуну съезда уже в третьей инкарнации – от партократ-соцдемократа – до прямого антисоветчика. За порогом еще звучало эхо его «марксо-ленинского» голоса, а с Кремлевской трибуны он уже побивал и Маркса, и Ленина, и депутатов как «агрессивное большинство», стоящее на пути демократизации.

Таков вот Юрий Николаевич – бывший комсомольский функционер и партократ, а ныне грозный радикал.

Итак, определился треугольник острием вниз, или – как в бывшей останкинской заставке – острием в зрителя.

А на самое острие, как указывалось выше, был командирован Юрий Афанасьев. Вот этот треугольник и оформился в «Межрегиональную депутатскую группу» (МДГ). В этакую, как

пытались представить профанам ее оформители, невинную, даже не фракцию, а чуть ли не кружок по интересам. Так сказать, «стихийно возникшую» ячейку.

Наивное, неопытное большинство депутатов так и восприняло сие образование.

Но уж кто-кто, а Вы-то должны были знать (как впоследствии и мы уразумели), что это далеко не безгрешная артель. И образовалась она до 1985 года.

Ведь и слепому ясно: создать буквально за несколько дней так профессионально оформленную связку, со всеми признаками корпоративного ордена, могли только профессионалы. А что это не просто кружок случайных людей, а ядро будущей партии, свидетельствует блестящая информированность входящих в связку о месте и времени действия, согласованность и безупречная синхронность акций и, наконец, жесточайшая дисциплина и суровая подчиненность низа – верхам.

Я с горечью наблюдал, как один из депутатов-земляков, талантливый ученый, честный, неуступчиво принципиальный, со своей ярко оригинальной позицией, попав в межрегионалку, вдруг сник и посерел. При каждом голосовании он боязливо, из-под руки, озирался, спрашивая глазами одному ему известного «мессира»: какую кнопку нажать? Иногда, по забывчивости, сам определялся, но, спохватившись, опять сверялся с ним глазами – и нервно-поспешно менял кнопку.

А нервничать-то было от чего и почему: треугольник имел отлично отлаженную разведсистему, весьма разветвленную сеть стукачей и соглядатаев… Там составлялись и хранились досье на всех более или менее видных оппонентов по многобалльной системе: кто, как и за что голосовал, кто как, за что, против чего и кого из «своих» выступал.

Образец подобного вопросника и другие инструкции на сей счет, в частности и за подписью Аркадия Мурашева, вы найдете в архивах почившего в бозе Верховного Совета. Если, конечно, тот же Мурашев или Баранников вкупе со Степанковым не произвели изъятие.

* * *

Одним из главных поставщиков компромата стало… поименное голосование. Представляете, как можно благородное дело превратить в подленькое соглядатайство и сексотство, когда оно попадает в грязные руки?! Наивно полагая, что действует согласно своей совести, большинство депутатов и не подозревало,

что кто-то, вырвав из контекста предварительных дебатов результаты голосования и отделив их от мотивационных причин, по сим «поименным» заводит на них дела.

А коль скоро пресса, радио и телевидение уверенно и целеустремленно оккупировались «своими», то результаты поименного голосования использовались в целях всесоюзного шантажа и травли депутатов, осмелившихся иметь позицию, отличную от демократов новой волны. Причем травля шла с поразительной согласованностью домашними и забугорными рупорами.

Михаил Сергеевич, если я об этом знал, то Вы-то уж – тем более.

На что же Вы рассчитывали, демонстративно, как бы в бессилии разводя руками и уверенно сдавая одну за другой не только позиции, но и своих соратников, повзводно и поротно?

Если принять правила игры, то есть поверить в Ваше неведение, тогда как же расценивать, просто по-человечески как понять все дальнейшее?

Пасынок войны, познавший все тяготы военного времени и повоенной разрухи, сын потомственных хлебопашцев, внук репрессированного «под кулака» деда, Вы ничем не отличались от моего поколения пятидесятых – шестидесятых годов. Босоногое детство, отцовский пиджак и картуз. Рано познавший соль труда. Не в теории, а на практике: селяне приобщаются к земле с детства.

Школа. Мечты, мечты… Мы тогда еще, не в пример сегодняшним детям бизнеса, – мы тогда еще мечтали о чем-то высоком, о подвигах и, по нынешним скептическим временам, прочей романтической чепухе.

Да, мы были романтиками: «раньше думай о Родине, а потом – о себе», что ныне и вовсе вызывает гомерический хохот. А мы гордились своей Родиной, остановившей эпидемию фашизма. Мы гордились отцами – живыми и мертвыми, – победившими дотоле непобедимого врага. Мы вместе с безутешными матерями плакали над похоронками. И, как свои личные, гордо носили пилотки со звездочками.

Мы хотели быть офицерами и весело шли в армию. Мы хотели учиться не только для себя, но и для народа, для Отечества.

Да, мы были романтиками, бравируя в институтах и университетах в отцовских галифе и гимнастерках – самыми престижными «парами» тех лет.

А потом уже каждый созидал свою судьбу сам, «без лапы», – Вы, например, пошли по комсомольской и партийной линии. Вы

росли динамично, Вас было видно издали, и в этом ничего нет зазорного или позорного: талант и в «этой стране» ценился. Да, Вам было нелегко пробиваться сквозь пластмассовую, облепившуюся в некоторой части – но многократно меньше, чем нынешние радикалы, – скоррумпированную, хорошо защищенную номенклатуру. Еще труднее пробиться сквозь мощное силовое поле, ограждавшее от постороннего глаза тайны партордена, в святая святых его – Политбюро. Но, благодаря своей целеустремленности, таланту, воле, прекрасной реакции и чутью на новое, Вы прорвались и в этот закрытый заповедник. И мы искренне радовались, переживали и, как могли, споспешествовали Вашему трудному восхождению на самый пик олимпа – на пост Генсека.

Мы были с Вами, когда решался вопрос: кто же – Гришин или Горбачев? Ибо за Вами уже четко определился имидж прогрессивного человека, дерзнувшего в корне обновить общество. Но самое главное – с пониманием относившегося к острейшим национальным проблемам. Да, пожалуй, на первых порах Вы все эти горячие точки четко обозначили и заявили. И команда соратников определилась: Егор Лигачев, Николай Рыжков, Эдуард Шеварднадзе, Борис Ельцин. Потом подтянулись Александр Яковлев, Евгений Примаков, Анатолий Лукьянов, Леонид Абалкин, Владимир Крючков, Дмитрий Язов, Нурсултан Назарбаев, Владимир Ивашко.

Нас объединяло стремление обновить, изменить, перестроить… Но более чем уверен: ни мы, низовые, ни даже верхние на олимпе – Егор Лигачев, Николай Рыжков, Анатолий Лукьянов, Нурсултан Назарбаев, Дмитрий Язов, Владимир Ивашко, да вначале и Борис Ельцин – не ведали, что это закончится изменением существующего строя. Подобная мысль была просто недопустима: чтобы в такой кровавой схватке с фашизмом отстоять, а тут «мирным путем»… Уму непостижимо!

* * *

Я здесь не оцениваю строй – плохой он или не совсем плохой, социалистический или феодальный. Я говорю о принципе – об изменении любого строя (т. е. о деянии, которое во всякой конституции – будь то США, Англия, Камерун, Сейшельские острова, Швеция или Болгария – во всех странах квалифицируется как государственная измена).

Так вот, если по-человечески подходить к случившемуся – мог ли бывший пасынок войны, сын своих отца-матери, хлопец от

«земли» – мог ли он заложить Родину, поднявшую его на самую вершину власти, – мог ли он стать отступником ее?

По человеческим понятиям – нет! Он мог ошибиться, но не предать. Мог бы кто-либо из нас даже в бреду допустить, что кто-то задумал под хоругвями обновления восстановить капиталистический строй, который – как ни верти – предполагает эксплуатацию человека человеком?!

Ныне, после глобального шока, осмысливая случившееся, все больше склоняешься к мысли, что мы совершаем еще одну, не менее тяжкую, ошибку, обвиняя только Вас и «Ваших» в содеянном. Не Вы и не Александр Яковлев с присными замысливали и готовили нам этот политический Чернобыль. Более того, даже не ЦРУ или другие спецслужбы замышляли эту чудовищную акцию: они тоже лишь реферировали, детализировали план разгрома да подыскивали и воспитывали действующих лиц и исполнителей.

Да, если поддаться эмоциям, то и вправду похоже, что А. Н. Яковлев талантливо провел операцию по реставрации капитализма в Восточной Европе и Прибалтике.

Но если допустить, что Яковлев взаправду полагал, будто это его заслуга, то и он пребывал в сиреневом неведении.

И Вы, Михаил Сергеевич, хоть и «первый немец» или «первый американец», тоже всего лишь пешка в последнем ряду сатанинской игры.

Но, в силу занимаемого положения, Вы – хотели того или нет – сыграли первую роль троянского коня, обитатели которого внедрились в сердцевину нашего духа. В результате содеяно то, чего не в силах были совершить на протяжении столетий самые коварные, изощренные и жестокие враги человечества, включая фашизм.

И самый тяжкий грех, вольно или невольно ложащийся на Вас, – даже не в реставрации капитализма (тут перестройщики явно промахнулись – капитализм западного образца у нас не пройдет!), а в политическом разврате, когда Вы на глазах мирового сообщества поочередно отдавались то заокеанским, то западноевропейским лидерам.

Возможно и вопреки своей воле, но именно Вы открыли путь тем, кто с ног на голову перевернул исконные понятия совести, чести, достоинства, верности Родине, долгу и присяге, канонизировав как добродетели первой категории – ренегатство, жульничество, коллаборантство, нигилизм, клятвопреступничество, наглое воровство, продажничество, торговлю идеями, идеалами и национальными святынями, оплевывание истории, унижение воинов Великой Отечественной

и ветеранов труда. Тем, кто натравил народ на народ, на чьих руках кровь Карабаха и Цхинвала, Баку и Сумгаита, Тирасполя, Шуши, Вильнюса и Оша – всех без исключения горячих точек межэтнических схваток.

Отравив духовную ауру, они сделали нормой самое отвратительное – апологию предательства. И уже откровенные – не только по нашим, но и по законам всех цивилизованных стран – шпионы и предатели становятся героями. Типажи, подобные изменнику Родины Гордиевскому, делятся своими «воспоминаниями» как… борцы против застоя. Далеко не голубой мздоимец Артем Тарасов преподносится как невинный предприниматель. Наконец, Борис Ельцин амнистирует взяточников, опять же откровенных шпионов, вплоть до убийц. А чего не сделаешь ради того, чтобы освободить в тюрьмах и лагерях место для своих политических противников?!

И самое кощунственное – этих подравнивают к самому Андрею Сахарову как… правозащитников!

Да, при Вас, именно при Вас, Михаил Сергеевич, предательство стало нормой. И не только в нашей обгаженной стране. Страшно признаться, но дело повернулось так, что вся страна, все мы волей-неволей стали… предателями по отношению к нашим друзьям и в бывшем социалистическом содружестве, и в арабском мире. Долго же нам придется искупать грехи, прежде чем проданные и преданные разберутся, что к чему, и простят невинным!

* * *

…Вспоминаю свою первую поездку – еще до выборов в январе 1989-го – в многострадальный Спитак, после апокалипсического землетрясения. Сразу же по возвращении из Армении среди других попал на встречу творческой и научной интеллигенции с Вами.

В Ереване меня предупреждали, что мое намерение предложить введение в Карабахе прямого президентского правления вызовет гнев Генерального. Но я все-таки – в зловеще звенящей тишине – обнародовал его на встрече. По Вашему весьма сумрачному виду и по тому, что в отчетах средств массовой информации мое выступление было искажено до неузнаваемости (из него начисто выскоблили главную мысль), и я утвердился в том, что предупреждения имели смысл.

Оговорюсь: знаю, как болезненно остро воспринимает даже намек на президентское правление азербайджанская сторона. Да

ныне и я бы воздержался от этого, но тогда, в январе 89-го да еще и в 90-м, мне казалось, что подобная модель с выводом на центр всех структур управления областью – на строго оговоренное время – развела бы враждующие стороны и охладила страсти.

Но Вы все время уклонялись от ответа, уступали право дать его то Примакову, то еще кому-то. В конце концов из документа были изъяты все более или менее конкретные предложения нашей делегации, изучавшей проблему Карабаха на месте. Таким образом, делегация оказалась между двух огней: армянская сторона обвинила нас в проазербайджанской позиции, азербайджанская – в проармянской.

Мы-то что – переживем, но переживут ли целых два народа, которые, уже и забыв о предмете раздора, просто истребляют друг друга в безотчетной, слепой ненависти?

А ситуация в Прибалтике? Первый раз я побывал там, когда и Вы удостоили своим посещением Литву, где уже раскручивался бурный водоворот страстей. По логике событий, самое время было принимать политическое решение: договариваться с противостоящими сторонами об экономической независимости республики с обязательной и однозначной защитой «некоренного» населения.

Вы же по нескольку раз на дню меняли свои позиции. То ортодоксально отстаивали статус-кво: мол, и речи не может быть о независимости; то подыгрывали радикалам: берите хоть сейчас эту самую независимость. И до того запутались, что уже и вовсе начали терять контакт с аудиторией.

Но Вы всегда умели переакцентировать внимание на других. Как-то в очередной раз выпутываясь, Вы вдруг перед камерами телевидения обратились ко мне: «Вот сидит мой старый друг Борис Олейник…» Я, конечно же, мысленно расшаркался, еще не подозревая, как тонко меня примкнули к «сподвижникам». Причем на контрапункте, ведь я еще в первые дни первого съезда однозначно поддержал прибалтов в их стремлении к экономической независимости.

* * *

Но особенно остро я ощутил подставку, когда мы с группой депутатов летели гасить уже и вовсе взрывоопасную ситуацию в Литве в январе 1991 года. Прибыть предполагалось не позже 13 января. Но кто-то распорядился остановиться в… Минске на ночлег. Таким образом, мы очутились в Вильнюсе лишь утром 14 января.

И только там, продираясь к парламенту сквозь 60-тысячную толпу, бросавшую нам в лицо: «Убийцы!», я начал кое-что понимать.

Трагическая картина несколько прояснилась после беседы с Ландсбергисом и просмотра видеокассет, запечатлевших события той трагической ночи. Оказывается, именно в ночь с 13 на 14 января, когда мы ночевали в Минске, и произошла кровавая схватка, унесшая человеческие жизни.

Сопоставляя события, я теперь могу утверждать, что кто-то заранее знал о готовящейся провокации и, дабы поставить делегацию перед свершившимся, притормозил ее прибытие. Ибо, прибудь вовремя, мы бы, вне всякого сомнения, бросились гасить пожар.

Однако и ныне считаю, что хоть и с опозданием, но мы предотвратили худшее, грозившее обойтись уже сотнями человеческих жертв.

Обстановка в Вильнюсе с утра до 22.00 14 января была крайне взрывоопасной. Противоборствующие стороны жестко, если не ожесточенно, стояли каждая на своем. Растерянный Ландсбергис, созвавший около 60 тысяч литовцев на свою защиту, пытался удержать нас в парламенте, опасаясь штурма.

Мы объяснили, что – напротив – чем скорее вступим в переговоры с военными, тем лучше и для него, и для всей Литвы, и для военных, и для нас.

Военные, доведенные до крайней степени раздражения, ибо на протяжении последних недель (так они объясняли) их травила не только вся пресса, радио и телевидение, но и местные жители, обзывая оккупантами, забрасывая камнями военный городок, брутально оскорбляя, – были неуступчивы. Чувствовалось, что в войсках в отчаянье готовы на все. И без того взрывную атмосферу накаляли жены офицеров, надрывно требовавшие защиты.

Разделяя их боль, я все же пытался выяснить у военных, кто дал команду штурмовать телецентр? Отвечали – сами солдаты двинулись выручать депутацию от русского населения, которая направлялась с петицией к парламенту, но была избита.

Мы все же требовали показать приказ на подобные действия и назвать: кто конкретно из центра дал его? Генералы в который раз удалялись в сопредельную комнату на совещание.

А тем временем мы курсировали от военного городка к Ландсбергису и обратно. Тревога нарастала. И только в 22.00 наконец свели обе стороны в нашей резиденции, отменили готовящийся приказ о комендантском часе и режиме. Народ постепенно начал расходиться из-под стен парламента.

Слова бессильны передать весь накал того тяжкого дня. Не

решаюсь давать и оценки действиям сторон. Напомнил же об этом зловещем фрагменте лишь для того, чтобы еще раз твердо сказать: не могли сами военные, без хотя бы устного разрешения центра, выйти из городка. Теперь, опираясь на опыт пребывания во всех горячих точках, так уж ли я буду далек от истины, если предположу, что и эта трагедия разыгралась не без Вашего ведома, Михаил Сергеевич? Как и в Карабахе, как и в Сумгаите, как и в Баку, как и в Оше, как и в Фергане, как и в Тирасполе, как и в Тбилиси, как и в Цхинвали?.. Поверьте, я страстно хочу ошибиться, но ведь сценарий один и тот же: происходит трагедия, о которой Вы, как правило, «не ведаете». И только потом, всплеснув руками, посылаете «пожарную команду», прибывающую с запланированным опозданием. На тлеющие угли, на пролитую кровь, на похороны жертв.

А Вы опять, как голубь мира, невинно парите с оливковой ветвью над руиной. И опять – «ничего не ведаете».

Ну а как же быть с донесениями агентуры кагэбэ, которые задолго до трагедий ложились Вам на стол?

Правда, Вы преимущественно пребывали за кордоном, где вас как «Посла мира» чествовали и обхаживали, вручали всевозможные премии. Но, Михаил Сергеевич, – даже школьнику ясно, что и там, за кордоном, Вы знали все, что делается в оставленной Вами родной стране. Хотели бы Вы или не хотели, но знали, ибо такой у Вас пост.

…А посему сакраментальный вопрос – почему же Центр всегда медлил? – теперь уже отпадает сам собой. Ныне совершенно ясно, что это входило в чьи-то замыслы – «изменить общественно-политический строй». Конечно, подобное квалифицируется по старой Конституции как измена Отечеству. Смею еще раз заверить Вас, что и по старой, и по новой, и по американской, и по шведской Конституции аттестация та же самая.

* * *

Отступничество у нас стало нормальной практикой, и Вы с легкостью подставили нашего давнего союзника – Ирак. Я ни в коей мере не обеляю Саддама Хусейна (с которым Вы, кстати, накануне «по-братски» обнимались), учинившего агрессию. Это – непростительное нарушение международного правопорядка. Но где же были мы с Вами, когда намедни в таком же стиле США буквально раздавили Гренаду, а вскоре и Панаму?!

Михаил Сергеевич, Вы же не единожды сокрушались по

поводу того, что оппоненты в политической борьбе исповедуют лукавый принцип двойных стандартов. Позвольте спросить: сколькими же стандартами мы пользовались, развязывая войну в Персидском заливе? Причем даже не удосужившись разорвать с Ираком договор о дружбе и сотрудничестве. Такого коварства в мировой практике надо еще поискать!

Но Вы опять же приняли позу наивно несведущего, предоставив неограниченное право нашим представителям в ООН выступить, по существу, за развязывание войны с Ираком. И опять невинно развели руками: мол, впервые слышу. Каким же поразительным контрастом на фоне молчания всех радикалов и правозащитников по поводу агрессии США в Гренаде и Панаме, каким многозначительным контрапунктом прозвучал слаженный, истеричный хор тех же самых демократов, наперегонки осуждающих Ирак! Заметьте: не Саддама Хусейна, а Ирак, народ которого десятками тысяч методически, в упор расстреливали союзники всеми самыми жестокими видами оружия!

Но еще более странно то, что на партийном Пленуме, собравшемся в разгар «умиротворения» Ирака, даже не предполагалось дать хотя бы оценку происходящему.

Включенный в редакционную комиссию, принялся изучать проект Политического заявления. К своему изумлению, я не нашел в нем даже упоминания о трагедии в Персидском заливе! На мое предложение отразить нашу позицию в связи с этой бойней члены комиссии не отреагировали. В связи с чем я оставил своих коллег в «загашнике», а сам пошел в зал заседаний и подал записку на предмет выступления.

Очевидно, соглядатаи уже успели проинформировать президиум, о чем я собираюсь говорить: несколько моих записок остались без внимания. И лишь после того, как в очередной раз пообещал, что сам, без приглашения оккупирую микрофон, мне его предоставили. Я сказал, в частности, следующее: «… Нынешнее состояние дел в нашей стране непозволительно рассматривать вне контекста событий, происходящих в мире. А они, эти события, уже обагрены кровью.

…Сегодня во весь свой зловещий рост встала проблема, на которую мы обязаны дать незамедлительный ответ, если, конечно, еще не поздно.

Элементарная порядочность предполагает говорить правду всегда, даже когда это невыгодно глаголящему. Сей принцип должен подвигнуть коммунистов в открытую сказать о последствиях «Бури в пустыне», которая грозит перерасти в ураган третьей мировой войны. По экологическому же урону ее сегодня уже можно считать началом небывалой мировой

катастрофы. Коммунисты, не сбиваясь на поиски персональных виновников, должны честно признать, что наши действия были, мягко говоря, в этой ситуации не всегда оптимальны. Да, агрессии Саддама Хусейна, как и любой другой, – нет прощения. Развязавший ее должен понести самую суровую кару, даже после того, как он освободит оккупированный Кувейт. И мировое сообщество в лице ООН незамедлительно начало осуществлять эти карательные акции, самой действенной из которых стала блокада. Неукоснительное исповедывание ее, уже ощутимо давившее на Ирак, моральное всемирное осуждение агрессора и другие политические действия, казалось, вселяли надежду на локализацию конфликта. Будем откровенны, ведь и мы, вплоть до рокового часа, не верили, что война разразится. Не верили, ибо, согласимся, для мирного урегулирования были использованы далеко не все рычаги.

В этой связи достойна самого пристального внимания и анализа та поспешная сверхактивность, с которой американская сторона побуждала союзников из всех вариантов принять как единственно возможный, не имеющий альтернативы, – военное вмешательство. Все это, естественно, преподносилось под благородным флагом защиты общечеловеческих ценностей. И кто осмелился подвергнуть сомнению эту высокую идею?!

Но ведь мы знаем, что США, при всей приверженности к общечеловеческому, никогда не забывали о своих национальных интересах. Причем не стесняясь определять угрозу им в любой точке планеты и, как правило, – за тысячу миль от своей территории.

Позвольте, а у нас что – нет своих жизненных национальных интересов? А ведь в то время, как американцы наблюдают за театром военных действий с дистанции в несколько тысяч верст, СССР превратился, по существу, в прифронтовое государство, поскольку война развернулась всего за 260 километров от его границы. Позволительно ли забывать и тот фактор, что значительная часть населения нашей страны мусульманского вероисповедания? Но даже если бы этот фактор отсутствовал, то не кощунственно ли говорить о ценностях общечеловеческих, если ради них бросается на смертную Голгофу жизнь сотен тысяч ни в чем не повинных иракцев, израильтян, да и союзников? Меня поражает, мягко говоря, смелость иных государственных деятелей, которые, поудобнее опираясь одним сапогом о Гренаду, а другим – о Панаму, с профессорской назидательностью вещают нам о тех же общечеловеческих ценностях, о нарушениях прав человека и прочее…

Или тут действует принцип: «Что дозволено Юпитеру, то не

дозволено быку»? Но ведь подобная, признанная нами избирательность свидетельствует о том, что мы априори согласились с особой, юпитерской ролью одной стороны, любые действия которой не подлежат анализу со стороны покорно бредущих на заклание быков, в стадо которых кто-то упорно пытается загнать и нашу страну!

Я, переживший вторую войну, не хочу, чтобы далекие потомки, роясь в свалке экологической катастрофы, нашли под пеплом обгоревшие декларации о национальном суверенитете, которые так и останутся лишь декларациями. А посему я призываю Коммунистическую партию вместе со всеми общественными движениями потребовать от Верховного Совета, Правительства и Президента обратиться к мировому сообществу с призывом любыми средствами остановить военные действия в Персидском заливе. Для этого надо немедленно созвать чрезвычайную сессию ООН и на Совете Безопасности единодушно проголосовать за прекращение методического расстрела целых народов. Одновременно надо создать национальные и международные экспертные комиссии, которые бы уже сегодня определили, чем грозят человечеству катастрофические нарушения экологического равновесия в Персидском заливе. Ибо для нас, переживших Чернобыль, промедление в этом смысле – воистину смерти подобно».

По всему было видно, что Вам весьма не понравилось сказанное. И даже шокировало, поскольку это было произнесено впервые на таком высоком уровне и прозвучало более чем диссонансом в слаженном хоре радикалов. Министр Бессмертных пробормотал что-то невнятное. Но многие поддержали мое предложение включить в Политическое заявление Пленума последний, V пункт, гласящий: «Выражая глубокую озабоченность опасным развитием событий в зоне Персидского залива, Пленум призывает государственное руководство страны предпринять необходимые дополнительные шаги перед международным сообществом и Организацией Объединенных Наций для прекращения кровопролития, упреждения невосполнимого ущерба окружающей среде и перевода военного конфликта в русло политического решения в духе резолюций Совета Безопасности ООН». («Правда», 4 февраля, 1991 г.)

Странно, не правда ли: самый молодой «партократ» вынужден напомнить многоопытным цековцам – во главе с самим Генеральным секретарем! – об «упущении», за которым стояло тотальное уничтожение целого народа. Напоминать государственным мужам, что коль Америка считает не зазорным отстаивать свои интересы в любой точке земного шара, за многие

тысячи миль от себя, то неужели у нас отсутствуют национальные интересы хотя бы за какую-то сотню миль от нас?

* * *

Словом, что это был сговор с темными силами – теперь уже не вызывает сомнения. Единственное, что еще надлежит уточнить: когда и в каком явочном регионе этот тайный сговор был окончательно парафирован? Сие вычислить не так-то просто, поскольку, как правило, после протокольного видового ряда Вы почти со всеми лидерами в дальнейшем договаривались «за закрытыми дверьми». Конечно, эта форма в международной практике не исключается, но – простите за тавтологию – как исключение. В Вашей же деятельности она стала правилом. И вот теперь иди знай, о чем Вы сговаривались за спиной непосвященных соотечественников от имени… соотечественников? Простите, Михаил Сергеевич, но эти «закрытые встречи» дают простор для всевозможных, даже фантастических догадок.

Наша общественность никак не могла взять в толк, чего это, к примеру, Вас потянуло встречаться с Бушем… на Мальту? На Мальту, имевшую зловещую славу острова, где гнездились разные рыцарские ордена, где и ныне пребывают тайные штаб-квартиры темных сил.

А может, именно потому и влекло Вас туда, Михаил Сергеевич? Да еще эта мистерия с кораблями! Что, на суше не было гарантий от подслушивания, а переплеск волн и шум воды, как известно, – самый надежный защитный экран от лишних ушей? Похоже, Михаил Сергеевич…

Похоже, что сговаривались Вы с Бушем о чем-то таком (не прорабатывалась ли, как подозревают многие, и Форосская модель?), о чем-то таком богопротивном, что само Небо несколько раз во гневе разбрасывало корабли!

Позже член ВС Российской Федерации, председатель Комитета ВС России по свободе совести протоиерей В. С. Полосин с горечью заметил: «…в одной массовой газете в конце 1991 года была помещена фотография, на которой Борис Николаевич Ельцин запечатлен в облачении рыцаря-командора Мальтийского ордена, принимающего в Кремле жезл и другие знаки различия, а также оккультный орден ассирийской богини Бау. Но ведь известно, что Мальтийский орден издавна считается центром всемирного масонства. Между прочим, Б. Н. Ельцин – второй после императора Павла I высший отечественный

государственный руководитель, кто бы открыто появился в одежде командора Мальтийского ордена. К сожалению, не нашлось в команде Б. Н. Ельцина человека, который бы поведал ему о судьбе Павла I».

Свидетельствуя свое глубочайшее уважение к протоиерею, осмелюсь, однако, спросить: уверен ли он, что Б. Н. Ельцин «второй»? Имею в виду не его «второе пришествие» в облачении рыцаря-командора, а тайное посвящение? Осмелюсь предположить, что – не второй и не десятый из числа соотечественников. Уверены ли мы, что на упомянутой Мальтийской встрече, кроме всего прочего, Михаил Сергеевич не удостоился быть «посвященным»? (В этой связи позволю себе не согласиться с теми, кто упорно «разрешает» только представителям одной нации быть масонами. К вящему их удивлению, скажу, что сие – дело интернациональное, и в ложах, как в лодиях, плывут и чистопородные славяне. Думаю, что и мои оппоненты согласятся: по крайней мере, Ельцин и Горбачев – не евреи.)

Как-то, уже после Фороса, Вы обронили насторожившую фразу: мол, о случившемся в августе 91-го года всю правду никто, кроме Вас, не знает и не узнает. Выходит, все, что Вы и Ваши ближние рассказывали нам о «путче», это не настоящая правда? Значит, Вам есть что скрывать?

Но тут уже моя очередь поражаться Вашей самозабвенной наивности. Да узнают, Михаил Сергеевич, узнают – даже о том, чего и Вы… не знаете! Если уже не узнали…

* * *

Словом, перед последним Пленумом ЦК КПСС, назначенным на июль 1991 г., в основном завершилось разрушение «прогнившей системы». Панорама открылась апокалипсическая: горел Карабах, истекал кровью Цхинвал, грозно зияла рана расколотой Молдавии, по разгромленному Союзу, между пылающими головешками, брели сотни тысяч беженцев с угасающими глазами, в которых умирала надежда.

Весь этот ужас сопровождался волчьим воем блюстителей «чистоты расы», истерически призывающих изгонять, а то и убивать всех «некоренных». Землю сотрясали низвергаемые памятники, вокруг шабашили, творя ритуальный танец каннибалов, ослепленные безотчетной ненавистью особи с перекошенными лицами невменяемых.

Между этими руинами шныряли откровенные хваты типа

Артема Тарасова, которые под прикрытием кооператоров-посредников жадно набивали сундуки награбленным у растерянного народа. А в меблированных номерах новые хозяева жизни предавались разврату с «маленькими Верами». В подземных переходах какие-то амбалы двадцати-тридцати лет с характерной хрипотцой предлагали публике иллюстрированные зарубежные и отечественные пособия по технике половых сношений, включая и мужеложество.

Короче: «процесс» успешно шел к завершению. Оставалась единственная преграда на пути к полной победе «перестройки и нового мышления» – оставалась еще партия.

Более двух лет она была отстранена от активной деятельности. Но, сознательно затягивая реформу, ее коварно выставили под плевки радикалов всех мастей и прежде всего под удары перевертышей. Эти, еще вчера «беспредельно преданные», избивали ее с особым пристрастием.

И все же она еще дышала. Более того, готовилась к своему съезду, обнародовав проект новой программы, которая, при всем ее несовершенстве, выводила партию на качественно новую, на парламентскую модель.

Это, пожалуй, больше всего и всполошило радикалов, местных и дальних.

Ибо – раньше или позже – реформировавшись, она осудила бы всех перерожденцев – сверху донизу, изгнав их из своих рядов.

Но – главное – учтя прошлые ошибки, пошла бы в низы и встала на защиту людей труда от поползновений воров и спекулянтов, которые сегодня прибирают к рукам нажитое народом добро, превращая соотечественников в батраков. Поощряя разные формы собственности, политическое многоголосие (осточертел этот «плюрализм»!), неукоснительно исповедуя принцип защиты прав человека, партия, однако, не допустила бы реставрации капитализма.

Но это, похоже, сводило насмарку главный замысел. И президент в очередной раз был срочно вызван за границу (ныне все четче проступает подозрение, что Ваши закордонные вояжи, преподносимые как наши «инициативы», не планировались ли там, куда Вас время от времени вызывали?). А в последний раз, перед августом, Вы уж и впрямь срочно были затребованы в Лондон (16–19.VII.91 г.) – на сдачу страны «семерке».

* * *

Похоже, что за границей лучше Вас знали обстановку в

руководимой Вами стране. И подтверждение тому – предпоследний Пленум ЦК КПСС (апрель 1991 года).

Начало его работы прошло более или менее спокойно, в раскачке. На второй же день цекисты, не особенно церемонясь, навесили Вам все: и развал страны, и разгром партии, и предательство национальных интересов, и межнациональную резню.

Вам это, конечно, порядком надоело. И Вы решили спрыгнуть с поезда на ходу. Отряхнуться – и как ни в чем не бывало оказаться впереди и в стороне.

Момент был самый подходящий: цекисты уже не выбирали выражений. Один из них (А. М. Зайцев, первый секретарь Кемеровского обкома партии) и вправду разошелся: «…У коммунистов и трудящихся зреет мнение, что партия приносится в жертву проводимому государственному и правительственному курсу, который осуществляется от ее имени. Положение катастрофическое, антикоммунизм и капитализация экономики сегодня стали реальной политикой в Советском Союзе. Соотношение сил не в пользу партии. Сначала ее разложили идеологически, затем организационно, а сейчас хотят добить материально. Михаил Сергеевич, я бы хотел сказать, почему все-таки шахтеры добиваются Вашей отставки. Наверное, интересный вопрос. Это, я думаю, у них профессиональное. Когда в шахте авария, то они оперативно, в чрезвычайном режиме и при четкой дисциплине ее ликвидируют, зная, что, если они этого не сделают, – дальше взрыв, катастрофа. И, видя, что страна находится в аварийном состоянии, а Вы мер не принимаете, они и требуют другого лидера, который не допустил бы катастрофы. Поэтому, Михаил Сергеевич, если можете, используйте свой последний шанс».

Уцепившись за последние «советы» и оборвав Ивашко, который уже закрывал утреннее заседание, Вы вдруг закатили истерику и даже разыграли благородный гнев. И… подали в отставку.

Простите мою нескромность, Михаил Сергеевич, но я был один из тех, кто если не разгадал, то уловил смысл игры: улизнуть с поста Генсека, подставив рядовых коммунистов под очередной расстрел. Сначала – моральный, а потом и физический.

…После перерыва заседание началось без Вас, но я, исходя из своего куцего опыта, предполагал, что Вы где-то поблизости, в хорошо радиофицированном кабинете, внимательно слушаете и следите через своих информаторов за всем происходящим.

Наконец дали слово. Я, в частности, сказал: «…последовали

рискованные заявления об отставке, а вы знаете, что в такой напряженный момент это чревато непредвиденными последствиями. Уже хотя бы потому, что свято место пусто не бывает. А ведь хотят многие…

Если мы сегодня протокольно хотим оформить развал партии, пожалуйста, можно сделать. Но я лично делаю замечание Михаилу Сергеевичу Горбачеву, пока что без занесения в личное дело (мне, как правило, всегда заносили в личное дело), что так не делается. Сначала мы должны навести вместе с ним порядок в доме, найти восприемника, воспитать его и выяснить в этом зале, примем его или нет.

Я уже говорил, что наша страна первая в мире, которая впервые осуществила заветную мечту Бакунина, князя Кропоткина, моего земляка Нестора Ивановича Махно: то есть мы уже шестой год идем по пути анархистского выбора, правда с элементами социализма.

Но когда Президент взялся за выполнение антикризисной программы, которую, уверен, поддержат даже оппоненты, то мы должны ему помочь. И потребовать, чтобы он употребил президентскую власть и навел порядок, не нарушая демократии. Если мы и он не хотим, чтобы пришел кто-то третий и объявил: «Граждане, Отечество в опасности», предварительно щелкнув затвором».

Уверен: сквозь несколько ироничный тон выступления Вы почувствовали, что уловка расшифрована. И больше всего, осмелюсь предположить, Вас встревожила именно последняя фраза – предостережение относительно щелкнувшего затвора.

Да, Михаил Сергеевич, Вы обладаете интуицией, которая особенно обостряется при грозящей опасности. И буквально на глазах меняете цвет мыслей и действий применительно к создавшейся обстановке.

На втором перерыве меня разыскали посыльные и препроводили в кабинет, где Вы меня встретили чуть ли не по-братски. Не знаю, заметил ли присутствовавший при сем секретарь ЦК Строев, но я уловил сквозь обворожительную улыбку… стальной проблеск на дне Ваших темных глаз. И – контрапунктом – слова: «Спасибо, Борис Ильич… А то уже черт знает что! Просто оскорбляют» и т. д. в том же «товарищеском» ключе. Короче, Вы вынуждены были дать уговорить себя отозвать отставку.

* * *

Очередной, и, как оказалось, последний, Пленум должен был окончательно уточнить проект новой Программы партии и дату съезда.

Проект Программы, конечно, страдал описательностью. И все же очертание новой модели просматривалось: партия переходила на качественно иную, чем доныне, на биологическую основу парламентской.

Наиболее слабой стороной проекта, на мой взгляд, было то, что размывалось самое главное в преддверии рыночной стихии – защита людей труда.

Года два я на всех уровнях выступал за то, чтобы, сублимировав энергию качественно обновленной партии, сориентировать ее на утверждение идеи социальной справедливости. Готовился по сему поводу выступить на Пленуме. И, конечно же, не только советовался с единомышленниками, но и агитировал их поддержать мое предложение – разорвать навязываемую нам политическими оппонентами генетическую связь с перерожденцами, создать независимую комиссию, которая бы поименно определила вину каждого из верхнего этажа в тяжких преступлениях перед всем народом, и коммунистами в частности. Словом, начать с чистого листа, с возрождения принципа социальной справедливости – принципа исконного и вечного, который бы реально воплотила в своей деятельности партия. В этой связи я и хотел предложить новое ее название – Партия Социальной Справедливости.

…Вдруг, буквально накануне Пленума, мне предлагают возглавить парламентскую делегацию… в Парагвай. Я было запротестовал: поскольку это вообще первая – не только за советскую, но и за всю историю взаимоотношений двух стран – делегация на таком уровне, то ее мог бы возглавить и человек поопытней в дипломатических премудростях. Мне ответили, что это решил Сам.

Попытался объяснить чисто по-человечески: мол, только что возвратился из трудных и небезопасных поездок – почти без перерыва – в Молдавию и Владикавказ. Однако снова курсивом подчеркнули: это решил сам Михаил Сергеевич.

Прокралось сомнение: а может, мое присутствие нежелательно на Пленуме? Поэтому я счел своим долгом обозначить собственную позицию другим способом. Накануне отъезда сдал в «Правду» статью, которая была напечатана 25 июля 1991 г., в день открытия Пленума. В ней, в частности, говорилось: «…социальная справедливость была, есть и пребудет вечным идеалом человечества и одновременно вечным двигателем прогресса как материального, так и духовного.

В одной из предыдущих статей я и предложил уточнить название КПСС как Партии социальной справедливости, что, по моему мнению, наиболее соответствует ее изначальному предназначению.

Естественно, сразу же обозначились яростные оппоненты, обвинившие меня в попытке размыть стратегическую цель, чуть ли не «унизить» КПСС до уровня профсоюзов. Что еще раз подтвердило: охранители и ревнители идейной девственности пребывают под глубоким наркозом старых, герметических структур. Ибо Социальная Справедливость – это и есть краеугольный камень самой коммунистической идеи.

Поскольку же справедливость требует защиты, предлагаю уже сегодня при всех партийных организациях – снизу доверху, вплоть до ЦК – создавать комитеты социальной защиты (КСЗ), как малоимущих, так и грядущих безработных, которые так же неизбежны, как и сам рынок».

* * *

…Как оказалось, мне надлежало прибыть в Чили, потом – в Аргентину с полным набором протокольных визитов, вплоть до президента Менема, с предписанием – вручить ему личное послание нашего Президента и, желательно, – получить ответ. И лишь после всего этого прибыть в Парагвай. В общем, поездка растягивалась и затягивалась.

О том, что именно на этом Пленуме ожидалось отречение Генсека, свидетельствует тот факт, что первые сообщения иностранных агентств были однозначны: произошло давно ожидаемое – Горбачев отказался от социалистического выбора и признал весь предыдущий опыт нашей страны ошибочным. Да и во всех странах нашего пребывания журналисты буквально терроризировали делегацию вопросом: коль Генсек отказался от соцвыбора, следовательно, он оставляет свой партийный пост?

Но потом сообщения о Пленуме стали мягче, размытее. Почувствовалась даже какая-то растерянность: вроде бы сохраняется статус-кво.

Думаю, произошло следующее. Вспомним, как после так называемого «путча» радикальная пресса, невольно выдавая себя, возопила: надо же, как коварно повели себя партократы на пленуме! Прикинулись агнцами, дабы усыпить бдительность, и безропотно приняли все, что предлагал Генсек. Словом, сговорились.

Следовательно, радикалы, как, не исключено, и сам Генсек,

жаждали совершенно иного исхода. Ожидали фронтальной атаки на Горбачева, после чего он с легким сердцем наконец-то хлопнул бы дверью и таким образом реализовал и свою заветную мечту!

Не вышло. Ибо даже самые правые и самые левые из партократов почувствовали, чем это грозит, если и не стране, то им самим. И покорно во всем согласились.

После возвращения из «загранки» стремился как можно скорее попасть в Киев. Однако – по долгу службы – обязан был сдать отчет о поездке, передать личное послание Президента Аргентины Менема нашему главе и прочее. Но поскольку отчет мы составили еще в полете, я надеялся завершить все дела за один-два дня.

В Совете Национальностей меня встретили чуть ли не с объятиями:

– Наконец-то хоть одна живая душа появилась…

– Да неужто некому поруководить вами?!

– Господин-товарищ Олейник, кроме всех шуток – некому.

– А где же?..

– Президент, вы хотите сказать? Купается в Черном море. Председатель Верховного Совета? Ловит рыбу на Валдае. Председатель Палаты Национальностей? Тоже невдалеке от президента смывает усталость в Черном море…

– Тогда, конечно, другое дело! Хоть раз поруковожу многонациональным отечеством. Итак, начнем с перестановки мебели… А потом – кадров. А потом…

Шутки-шутками, но что-то меня насторожило. И, пожалуй, прежде всего – синхронное отсутствие в Кремле двух первых лиц, категорически недопустимое по элементарной технике безопасности в любой, даже в «этой стране».

Случайно ли сие одновременное отсутствие президента и председателя ВС? Подсознание сигнализировало: что-то здесь не так…

Но на поверхности все выглядело благобеспечно: аппарат работал еще по доперестроечной инерции более или менее четко. И это несколько сглаживало остроту тревоги. Наконец, после очередного звонка Рафика Нишановича из Крыма я получил «добро» на побывку в Киев.

* * *

Дома меня ждало несколько раз продублированное приглашение из Запорожья: там уже вторично собирались секретари горкомов партий со всей Украины на предмет

учреждения движения «Братство». Цель его: объединить не только партийцев, но и всех независимо от политических взглядов, возрастов и вероисповеданий, кто стоит за истинное обновление общества, за единство во имя интересов людей труда – социальную справедливость.

Перед отъездом зашел в ЦК Компартии Украины – уточнить идею запорожцев. Там на меня посмотрели с тревожной опаской: мол, ничего подобного не слышали. Но, повременив, уточнили: не те ли это «революционеры», которые пытаются создать параллельную партию?

Я ответил в том смысле, что если мы сами ничего не делаем по реформе и обновлению партии, компрометируя ее бездеятельностью, если не владеем обстановкой, то хотя бы не мешали другим выбираться из ямы.

…Участники совещания с болью говорили о том, что их бросили на волю стихии: выбирайся, кто как может. Поэтому, устав ждать импульсов сверху, секретари горкомов решили действовать сами. «Мы не пытаемся создать, как нас обвиняют, параллельную партию, – утверждали они. – Мы просто намерены принимать активное участие в обретении суверенитета, в защите людей труда от рыночной стихии, в достижении национального согласия. Но если центр и дальше намерен бездействовать, будем вынуждены снизу вести работу по созыву чрезвычайного съезда, на котором поставим вопрос и о переводе КПУ на платформу парламентской, и об изменении ее названия. Пока же ограничимся созданием движения «Братство», открытого для всех: и партийных, и беспартийных, и верующих, и атеистов». На том порешили, избрав инициативную группу.

…Августовским утром 1991 года меня разбудили и сбивчиво уведомили, что в стране введено чрезвычайное положение. Первая моя реакция была весьма безмятежной: мол, мы и так уже шестой год живем при полнейшем безвластии, то есть в более чем чрезвычайном положении. Но не на шутку встревоженные лица будителей сняли полусонную игривость.

Включили радио. В первый день передавали Заявление Председателя ВС Лукьянова по поводу нового Союзного договора.

Подчеркиваю – в первый день. Поскольку в следующие – Заявление передавалось уже отдельно от блока распоряжений гэкачепистов.

Как выяснилось позже, Анатолий Иванович решительно опротестовал, чтобы оно предваряло документы ГКЧП, ибо готовил его раньше и ни в коей мере не в связи с чрезвычайкой, к которой не имел отношения. Как опытный юрист, Лукьянов первым разгадал, кто и зачем организовал этот «путч».

…Хотел бы внести некоторые уточнения. Радикалы и примазавшиеся к ним после на всех перекрестках гремели о том, что они-де сразу же сориентировались и встали на защиту Президента и демократии. Более того, чуть ли не весь народ бросился защищать Белый дом.

Ну зачем же так, господа! Подавляющее большинство люда ничего толком не знало. Я, к примеру, услышав, кто подписал документы ГКЧП, где, в частности, говорилось, что президент по состоянию здоровья не может управлять страной, не сразу усомнился в правдивости сказанного. А кому же тогда верить, если не вице-президенту, премьер-министру, министру обороны, начальнику канцелярии, председателю КГБ – самым близким не только по службе, но и лично Горбачеву, который подбирал их, пробивая через парламент, а Янаева буквально внес на руках в свои апартаменты.

Единственное, что настораживало: по закону чрезвычайное положение вводится только с дозволения Верховного Совета. Следовательно, нас должны созвать незамедлительно. Позвонил в Киев: нет ли предписания явиться?.. На всякий случай дал координаты в Запорожье. Глухо. Связался с Москвой: ответили сбивчиво, в том смысле, что пока ничего не ясно.

Стоп: да ведь назначен Пленум ЦК КПСС! Позвонил туда – никто не отвечает. Принимаю решение: добираться до Москвы самотеком. Кто-то из запорожцев засомневался: стоит ли рисковать, поскольку столица наводнена танками и бронетранспортерами. Я отшутился тем, что за два года «посещений» горячих точек танки и солдаты для меня стали делом привычным, а бронетранспортер – самым оптимальным средством передвижения.

* * *

Летели мы из Запорожья вместе с депутатом Виталием Александровичем Челышевым. Я, как мог, успокаивал коллегу: осунувшийся после бессонной ночи, он чисто по-человечески, остро переживал за судьбу президента. Но особенно нас угнетало полнейшее неведение: как это произошло, кто за всем этим стоит? Что это – путч, переворот? Если переворот – то дворцовый или полный, военный? А может, и вправду у Горбачева срыв: ведь перед отпуском он работал по-черному, каторжно и почти не выходил из режима зарубежных поездок? Все могло случиться…

Благополучно добрался до Кремля. По пути, правда, встречались танки, но они, не в пример своим грозным сородичам

в горячих точках, как-то мирно жались к обочинам.

Первым мне встретился Рафик Нишанов. Всегда сохраняющий присутствие духа даже в самых сложных парламентских перипетиях, он выглядел неимоверно уставшим и даже растерянным.

– Ничего не понимаю, – развел руками на мой вопрос о смысле происходящего. – Еще буквально два-три дня назад я разговаривал с Михаилом Сергеевичем (Рафик Нишанович тоже, как уже упоминалось, отдыхал в Крыму по поводу предполагаемого подписания нового Союзного договора. – *б. о.*). Как всегда, деловой разговор. Правда, прощаясь, Михаил Сергеевич пожаловался на здоровье: что-то насчет радикулита. Не придав особого значения его словам – ведь он же не железный и, естественно, устал, – я пожелал ему доброго отдыха. А теперь не дозвонюсь, говорят, телефоны отключены… Ничего не понимаю…

– А где же Анатолий Иванович?..

– Да вот только лишь возвратился из отпуска, кажется, с Валдая… У него там сейчас людей – невпроворот.

В кабинет зашел Лаптев. Иван Дмитриевич, в отличие от Рафика Нишановича, был настроен решительно.

– Надо что-то делать, а то они его там придушат, если уже не придушили! – отчеканил Иван Дмитриевич как бы в эфир.

Мы незаметно переглянулись с Нишановым.

Не ведаю, что подумал в этот миг Рафик Нишанович, но у меня промелькнула кощунственная мысль: Иван Дмитриевич, по крайней мере, догадывается о чем-то таком, о чем нам и не снилось. Пока.

А тем временем я безуспешно пытался дозвониться в ЦК: ведь на 2 августа предполагался созыв Пленума. Глухо. Наконец кто-то взял трубку и ответил, что Пленум… отменен. Мне стало совершенно ясно: партию умышленно подставили под моральный расстрел.

Раза три я пытался прорваться к Анатолию Ивановичу Лукьянову. И каждый раз помощник, растерянно разводя руками, извиняющимся тоном сообщал: у него люди.

* * *

Собственно, мне уже и без Лукьянова ничего не стоило замкнуть логический круг: готовится (или уже идет) полнометражный государственный переворот. Только с той ли стороны?.. Дабы окончательно удостовериться, я предпринял на то время несколько рискованный шаг: попробовал связаться с

одним из помощников президента. Сказали, что он в отпуске, под Москвой на даче. Решил ехать к нему.

Руководствовался простейшей, школярской, логикой: если гэкачеписты и вправду задумали, по утверждению И. Д. Лаптева, придушить президента, то уж его помощника должна «пасти в оба» соответствующая служба. Следовательно, и меня – тоже.

Но машина прошла без сучка и задоринки: трасса была почти пустая. Хвоста, по крайней мере в обозримом пространстве, не наблюдалось. «Очевидно, подключится на даче». Но и там было чисто.

Единственное, что, по утверждению помощника президента, изменилось: некоторые обитатели дач, ранее милевшие к нему особой лаской, начали опасливо сторониться. А в остальном – вроде бы ничего.

Я знал этого человека давно. Молодой, талантливый ученый, лишь накануне защитивший докторскую, он по своей предыдущей деятельности и службе напрямую соприкасался с нашей литературной братией. Мои коллеги были ему многим обязаны: он и защищал их от наскоков партократов, и помогал с квартирами, и продвигал остановленные цензурой книги. По мере восхождения не менялся: был всегда доступным, по-товарищески верным, не ломал шапку перед начальством, твердо отстаивал свои жизненные принципы. В общем, мужик крепкий и чистоплотный.

Я счел своим человеческим долгом в этот небезопасный час хоть чем-то помочь ему. Договорились, что останусь на ночлег. Мыслил: если придут, то пусть уж берут обоих. Как депутату и вице-председателю палаты, полагал наивно, мне все же должны дать возможность хотя бы связаться с моим кремлевским руководством, а заодно и сообщить, где мы и что с нами.

Никто не приходил и, естественно, «не брал». Послушав и официальное радио, и радиостанцию защитников Белого дома, которая истерически пыталась доказать, что она ведет передачи из подполья, мы вышли на улицу.

– Ну, теперь, кажется, все ясно, – сказал помощник.

– Не все, конечно, – отозвался я. – Но то, что совершен переворот, – ясно. Остается выяснить судьбу (или роль?) Горбачева.

На том мы и расстались.

* * *

…В Кремле царил если не сплошной кавардак, то настоящий

водоворот. Оттеснив растерянных аппаратчиков, повсеместно хозяйничали молодые «барбудос» со значками народных депутатов России и без таковых. На заседании президиума – то же самое: юные «защитники Белого дома» взяли ситуацию в свои руки. На чей-то вопрос, почему они здесь, объяснили: это – расширенный президиум с привлечением «инициативной группы».

Зашел Анатолий Иванович Лукьянов, почерневший и осунувшийся. Но держался с достоинством. Поскольку ему уже априори составили corpus de licti, он предложил вести заседание председателям палат.

От Лукьянова вымогали ответа: почему он не созвал если не съезд, то хотя бы Верховный Совет сразу же после объявления ЧП? Допрашиваемый объяснил, что дата очередной сессии Верховного Совета была согласована заранее, а предыдущий опыт свидетельствует, что депутаты, разбросанные по всему Союзу, вплоть до Средней Азии и Дальнего Востока, все равно не успели бы собраться.

Я не обмолвился, употребив термин «допрашиваемый». Лукьянова допрашивали по всей форме, более чем с пристрастием, с оскорблениями личности вплоть до «наперсточник». Чувствовалось, что «барбудос» были кем-то четко проинструктированы в выполнении социального заказа: во что бы то ни стало убедить общественность в том, что Лукьянов – координатор заговора. Помимо проволочки с созывом ВС, его напористо обвиняли в том, что Заявление о Союзном договоре предваряло документы гэкачепистов. Помните, я говорил выше, что в первый день так и было, но по настоянию самого Лукьянова его впоследствии отделили от распоряжений ГКЧП? Возникает вопрос: кто же именно таким образом смонтировал подачу материалов?

Теперь уже и школяру ясно: этот кто-то был внедрен в группу «заговорщиков». И он не только информировал команду Бориса Николаевича, паче того, сие лицо и подталкивало восьмерку на «решительное действие», о коем сообщало… в Белый дом. А там уже под него готовились соответствующие указы, обнародованные сразу же после «победы демократии».

Кто же он, двойник? Поговаривают, возможно, В. Крючков. Думаю, что это издержки инерционного мышления: раз главный кагэбист, следовательно – агент.

Хотя некоторые детали и озадачивали. Откуда, скажем, у Крючкова такая уверенность в том, что, как он заявил после ареста, меня, мол, суд оправдает?

Удивляет и существенная разница указов (от 22.VIII.91 г.)

Горбачева об освобождении от должности В.С. Павлова и В. А. Крючкова.

Касательно первого он звучит так: «В связи с возбуждением Прокуратурой СССР уголовного дела в отношении Павлова В. С. за участие в антиконституционном заговоре Павлов Валентин Сергеевич освобожден от обязанностей премьер-министра СССР».

А по второму – весьма обыденно, чуть ли не как в связи с переходом на другую должность: «Крючков Владимир Александрович освобожден от обязанностей председателя Комитета государственной безопасности».

Не правда ли, весьма настораживающая разница? Но это – внешние признаки, и не исключено, что они кем-то, как и в случае со статьей Лукьянова, специально так выстроены, чтобы «засветить» именно Владимира Александровича.

Может быть, генерал К. Кобец? Похоже, хотя бы потому, что последний был главным заказчиком предприятий, изготовляющих деликатную аппаратуру. Поэтому не исключено, что вся группа могла быть «под колпаком» подслушивания. Подозрение усугубляет сам генерал, заявивший в «Московском комсомольце» за 31 августа: «У меня в сейфе утром 19-го уже лежал отработанный план противодействия путчистам. Он назывался план «Икс»… Мы заранее определили, какое предприятие что должно нам выделить: где взять железобетонные плиты, где металл и т. д.». Но если и вправду генерал был одним из «посвященных», то все же не он главный. И даже не Шапошников. Они всего лишь исполнители.

Однако то, что двойник был, – не вызывает ни малейшего сомнения. Помните, Михаил Сергеевич, Вашу встречу в парламенте России сразу после возвращения из Фороса? Помните, как Иван Силаев с солдатской прямотой, подняв большой палец, бахвалился: мы, мол, все знали, поскольку там был «наш человек»? Не в отместку ли за расшифровку сей тайны Силаева потихоньку убрали с глаз общественности (иди знай, что он еще выболтает), отправив подальше за кордон?

Двойник, конечно, раньше или позже будет «засвечен». Но вот кто исполнил роль Азефа – это узнать посложнее. Думаю, ни у кого не вызовет сомнения, что в партии, столь длительное время пребывавшей у власти, в ее верхнем, корпоративном этаже – не мог не появиться сей зловещий тип.

Чаще всего на эту роль определенные силы прочат одного из Ваших ближайших соратников. Мол, по всем признакам подходит: и по биографии, и по служебным характеристикам, и – главное – по действиям.

Но Михаилу Сергеевичу, даже имея «семь пядей во лбу», не

по плечу было бы за несколько лет развалить такую мощную державу (здесь обойдемся без оценок – хорошая или плохая она, а возьмем лишь принцип) – даже гению не удалось бы содеять этот разгром без… Вас. Хочется того или нет, но пятая колонна так тонко высветила и подставила Вас, что именно Вы в сознании определенной части общественности выглядите отступником всех времен и народов. Согласен я или не согласен, но передаю Вам то, что наличествует.

* * *

…Итак, главная задача «барбудос» – сделать Лукьянова координатором неудавшегося «переворота». На прицел было взято сразу два зайца: убрать Лукьянова как наиболее авторитетного аппаратчика и юриста, а опорочив его, пришпандорить клеймо «врагов демократии» на реноме всего руководимого им Верховного Совета.

Радикалы спешили, чутко сознавая, что время работает против них. Они чувствовали, что после шока общественность «догадается», кто на самом деле совершил государственный переворот.

Но как раз спешка и подвела их. Вспомните, Михаил Сергеевич, как на известном «слушании» в Верховном Совете России Вам насильно всучили так называемую «стенограмму» заседания гэкачепистов, составленную, мол, кем-то из «своих» (читай: агентов), и буквально принудили озвучить ее перед телекамерами всего мира. Помните? Думаю, не забыли Вы и то, что среди имен, «поддержавших гэкачепистов», была и фамилия С.Хаджиева, который, как оказалось, вообще не присутствовал на указанном «тайном совете». Да уже один этот факт однозначно свидетельствовал, что мы имеем дело с отъявленными фальсификаторами, если не провокаторами! Следовательно, все другие обвинения и компроматы ельцинской команды стоило подвергнуть сомнению в их правдивости.

Но куда там! Справившись с легким замешательством, вызванным проколом с Хаджиевым, «защитники Белого дома», даже не извинившись, продолжали по нарастающей диктовать через все каналы массовой информации списки людей, которых они – без суда и следствия! – причислили к заговорщикам. Чтобы как-то смикшировать, что эти списки были заранее заготовлены, «победители» решили задним числом привлечь к их составлению общественность: огласили контактные телефоны, по которым каждый мог сообщить фамилии не только прямых участников, но

и сочувствующих гэкачепистам. Однако ощущение наглой безнаказанности – победителей не судят! – в очередной раз подвело радикал-демократов: они раньше времени саморазоблачились. Даже самые крайние – левые и правые – были потрясены: ведь это же призыв к всеобщему легальному доносительству и стукачеству, на которое не отважился сам Берия!

Эти проколы, начиная с большого пальца Силаева, фальсифицированной стенограммы и кончая призывом к доносительству, насторожили не только парламентариев, но и простых людей, вследствие чего «победители» начали терять в темпе. А ведь команда «стражей демократии», не в пример гэкачепистам, раскручивала классический переворот: по заранее заготовленным спискам долженствовало арестовать самых видных своих противников, подвести интернированных под статью 64-ю (измена родине), а далее уж – дело техники. «Победители» особые надежды возлагали на всеобщую истерию, при которой можно было бы легко применить даже старый метод «при попытке к бегству». Не исключались и «самоубийства». К этому, например, открытым текстом и прямым силовым давлением склоняли Анатолия Ивановича Лукьянова.

Однако и тут «поборники правового государства» несколько просчитались. И поскользнулись именно на том, чем кичились: мол, «путч» не удался, ибо люди, вкусившие от демократии и прав человека, – это уже совсем другой народ, чем прежде, – он осознал себя хозяином и силой.

Должен огорчить «демократов» – как раз потому им и не удался в полной мере переворот с планируемым кровавым исходом, что народ-то оказался совсем иным, чем они предполагали. И те сотни тысяч писем, скрытых от общественности «глашатаями гласности», в которых народ стал на сторону – нет, не гэкачепистов, а идеи спасения общества от полного развала, и строптивость при голосовании в парламенте по поводу снятия депутатской неприкосновенности, и резкое осуждение всеобщего доносительства притормозили волонтеров Белого дома.

Они успели лишь подвести к саморасстрелу Бориса Пуго, создать «благоприятную» атмосферу, в которой маршал Ахромеев сам себе надел петлю на шею, да подтолкнуть к роковому окну Кручину и восьмидесятилетнего старца Павлова. Правда, оставалась еще надежда на постепенное изведение гэкачепистов, упрятанных в одиночки Матросской Тишины (не правда ли, символическое название? Помните, из старого кинофильма: «тише, тише, за яблочко, за яблочко…»). Этот старый метод тоже,

очевидно, был опробован, поелику вскоре после ареста то у одного, то у другого узника резко ухудшалось здоровье. Но народ был уже начеку, разобравшись, с кем имеет дело, и взял под главный контроль Матросскую Тишину. Так что и сие предприятие не вышло.

* * *

Может, и на сей раз Вы скажете, что ничего не ведали? Лучше не надо, Михаил Сергеевич… И, ради Бога, не смешите мировое сообщество фантастическими россказнями о том, что Вы чуть ли не по детекторному приемнику слушали «Свободу»: у Вас была связь, вплоть до космической.

Правда, мы, непосвященные, еще какое-то время недоумевали: но откуда же обо всем этом знали в стане Ельцина?! Ибо кто же поверит, что Борис Николаевич, по-матросски рванув тельняшку на груди, с этакой разухабистой смелостью влез бы на броневик и «призвал народ к сопротивлению», если бы он не чувствовал себя в полной безопасности?! Кто поверит, чтобы некоторые другие старые политволки, осторожные и не отличающиеся, мягко говоря, особым мужеством, чтобы они пошли защищать Белый дом от танков, не имея твердых гарантий личной безопасности?!

Словом, материала для шоковой расправы с противниками явно не хватало. А тут еще вышла неувязка с ЦРУ. «Известия» от 28.08.91 сообщили: ЦРУ 17 августа представило госдеятелям США доклад о том, что путч готов. Вдобавок, пытаясь, очевидно, подбодрить и успокоить «защитников», американские друзья на радостях выдали с головой своих российских сообщников, уведомив их, что передвижение войск, обязательное при классическом перевороте, не было замечено. А коли так, то кто же тогда совершил путч? – засомневались не только парламентарии, но и пролетарии. От кого и кто защищал Белый дом? И как случилось, что не планировавшаяся ранее сессия ВС России была созвана как раз к «путчу»?

(Хочу быть однозначно правильно истолкованным. Не опускаюсь до уровня зоологических антисоветчиков, особенно из числа «наших», обливающих нас аспидно-черной краской, тем более – до крайностей Рейгана, квалифицировавшего бывшую Советскую страну как «империю зла». Ибо, если принять вызов на уровне Ронни, – можно зайти очень далеко. К примеру, опуститься до обвинений Америки в первородном грехе: ведь она изначально стоит на скальпах коренных индейцев, почти

поголовно уничтоженных «пионерами» – предками нынешних соотечественников Рейгана. Но я – в отличие от моих оппонентов – никогда не позволяю себе принуждать к покаянию нынешних американцев за грехи своих предтеч. Если же и говорю о виртуозно проведенной настоящим Белым домом «перестройке», упоминая при сем Рейгана, Буша и их команды, то с уважением и даже… доброй завистью.

Они, не в пример нам, байстрюкам, – истинные сыны своей системы, настоящие патриоты страны. И действуют согласно своим национальным интересам. Следовательно, все мои упоминания и посылки, касающиеся Америки, ее спецслужб и фондов, ее руксостава, не несут негативного оттенка. Я просто хочу на их примере показать, как надо отстаивать свои национальные интересы. Конечно, обжегшись на Венгрии, Чехословакии и Афганистане, мы не возьмем худшее из американской практики, как-то: скальпирование целых народов, агрессию в Гватемале, Вьетнаме, Гренаде, Панаме и других узлов ложно понятых американцами национальных интересов. Но хорошее – возьмем.)

* * *

Так кто же защищал? Кроме посвященных из окружения Ельцина, были и самотечные люди, и некоторые депутаты обоих парламентов, наивно поверившие в воззвания так называемой подпольной радиостанции. Но ведь заметную часть «защитников» составляли – и это уже не секрет – особи, споенные дефицитной водкой, в изобилии поставляемой воротилами теневой экономики. Теневики, перепуганные тем, что новые власти наступят на хвост, не жалели ничего, вплоть до пачек денег, которыми рэкетиры оплачивали «патриотическое» буйство толпы.

Это – «защитники». А кто же «нападающие»? Кто загнал в безоружные танки наших безоружных сыновей и предательски подставил их, растерянных и ничего не понимающих, под улюлюканье, свист, грязные оскорбления и рукоприкладство пьяной оравы? Язов? Крючков? Но ни тот ни другой, как и в Тбилиси или Вильнюсе, и пальцем не пошевелили бы без высшего позволения.

Скажите, к примеру, зачем Вам было превентивно составлять себе алиби? Помните приведенную выше реплику Нишанова о том, что Вы ему жаловались на неважное состояние здоровья? Так вот, если запамятовали, то позволю напомнить: не одному Нишанову, а многим, в частности и С. Гуренко, за несколько дней

до «путча», да еще и 19-го, и 20-го, и даже 21-го позванивая (и это при «полном отключении связи»!). Вы как бы между прочим подбрасывали информацию о своем «плоховатом здоровье». И в то же время с внучкой… купались в бархатных волнах «самого синего в мире» моего Черного моря. (К слову, один из Ваших ближайших помощников, живописуя страдания «Форосского узника», чуть ли не под автоматами изолированного от всего мира с суши и моря, проговорился: «Когда Михаил Сергеевич пошел с внучкой купаться…» – да и осекся.)

С какой же целью создавалась утечка информации о состоянии здоровья? Не с той ли, чтобы подготовить обоснование для восьмерки утверждать, что «по состоянию здоровья президент не в силах исполнять свои обязанности»?

Следовательно, если бы удалось гэкачепистам протянуть через парламент решение о чрезвычайном положении со всеми последствиями, Вы, «поболев» немного, опять возвратились бы к исполнению президентских обязанностей. И с чистой совестью заявили бы: да, печально, но факт. Конечно, если бы я был здоров… Ну что ж, будем исправлять положение.

Это один вариант. А второй… В случае провала Вы бы оказались (что и произошло) опять же ни при чем. И опять же – «чистым». Да еще и неконституционно отстраненным.

А знаете, кто спутал карты? Нет, даже Вы, Михаил Сергеевич, не догадаетесь! Все дело смазал… Анатолий Иванович Лукьянов. Ибо если бы он сразу же созвал Верховный Совет (на что, возможно, и рассчитывали), то большинство под вольтовой дутой – «Отечество в опасности!» – могло проголосовать за введение ЧП. И знаете, кто пуще всего этого боялся? Опять же не догадаетесь! Паче всего боялись немедленного созыва ВС те, кто особенно истерически обвинял А. И. Лукьянова… в промедлении с созывом Верховного Совета! И – уверен! – именно они через свои каналы постарались, чтобы ВС собрался с опозданием, после ВС России, созванного ими заранее…

* * *

Да, в который раз даже отечественные разрушители не учли традиционного для нашей страны периода раскачки. Теряя темп, совершая прокол за проколом, наступавшие постарались компенсировать свои просчеты мощно организованной истерией через захваченные ими средства массовой информации. В лучших традициях Геббельса нанизывая одну ложь на еще более кощунственную (чего стоит лишь обвинение всей КПСС в

сговоре!), прибегая к дешевым мистификациям, «победители» ускоренно пытались наверстать упущенное.

Вспомним мистификацию с Вашим «освобождением», с полуночным возвращением «Форосского узника», «вырванного из застенков узурпаторов». Жалкое это было и постыдное зрелище: Вы – в какой-то курточке, вроде бы растерянный и вроде бы подавленный. Подобострастные, чуть ли не коленопреклонные изъявления любви тех, кто еще вчера требовал отставки, кто буквально оплевывал Вас и чуть ли не крыл матом.

Господи, как у Вас только повернулся язык, униженно благодаря сих «освободителей», отметить «выдающуюся роль Ельцина в спасении демократии»?! Ну, можно простить части околпаченного обывателя, но Вы-то, Михаил Сергеевич, отлично знали, что сей беспредельный радикал из самых отъявленных партократов только потому и устремился в «отцы русской демократии», что Вы помешали ему достичь самой вожделенной мечты – стать членом Политбюро ЦК КПСС!

И даже ныне, подвизаясь на поприще «колониста» в закордонных газетах, Вы, фрондируя, фактически «поддерживаете Ельцина».

И это после упомянутой «встречи» – допроса в ВС России?! Когда он, развалившись в кресле, грубо оборвал Вашу путаную «исповедь» и перед телекамерой, на глазах просвещенного мирового сообщества, преподнес «сюр-р-приз»: попирая все международные правовые нормы, надругавшись над элементарной этикой, подписал Указ о запрещении партии. «Ну и ну!» – многозначительно покачали головами даже закордонные антикоммунисты. «Во дает!» – с радостным испугом отреагировали отечественные радикалы. «С испугом», ибо задумались: а кто «следующий»? И после того, как в декабре прошлого года он спешно «эвакуировал» Вас из кремлевского кабинета?..

* * *

Но я отвлекся от лейтмотива. Итак, теряя в темпе, совершая один за другим проколы в компромате, местные коллаборанты постарались компенсировать свои просчеты за счет нагнетания истерии по поводу сплошных «врагов народа», простите – «демократии», за счет с размахом организованных мистификаций. О первой из них – ночной встрече «Форосского узника» – я уже говорил. Но самой омерзительной была вторая: похороны «героически погибших» трех невинных юношей. Упаси Бог, я не

кощунствую, употребляя кавычки: гибель любого человека, в любом состоянии и при любых обстоятельствах – это трагедия и невосполнимая потеря не только для родных и близких – с уходом человека космос теряет целый неповторимый мир. Я просто цитирую выражение демпропагандистов, которые силились прикрыть грязное дело белыми одеждами благородства и отвести прямую вину за нелепую смерть этих трех молодых людей.

Ныне все знают: это произошло не по вине таких же безвинных парней в солдатских гимнастерках. Тем более кощунственно, что сатанинское шоу организовали если и не прямые, то, по крайней мере, косвенные убийцы.

Тяжелая кара падет на головы «спонсоров» этого леденящего спектакля на крови, длившегося, в нарушение всех обрядов – в частности, православного и иудейского – на протяжении нескольких часов! Несколько часов (!) жестоко и безжалостно истязали родных и близких, которые, выплакав все слезы, почерневшие от горя, как потерянные тени брели почти через всю Москву за гробами, уже ничего не смысля. Да еще с остановками, которые, по сценарию спонсоров, превращались в перманентные митинги над усопшими, коих, по законам предков, долженствовало предать земле!

Апогеем же этого шабаша было появление перед народом Ельцина, театрально произнесшего «отеческое покаяние»: «Простите меня, что не смог защитить, уберечь ваших сыновей». Если уж и после этого не разверзлась земля, то, видимо, только потому, что Господь решил отложить возмездие до Страшного Суда! Но трижды согрешили Вы, Михаил Сергеевич, не только не остановив сей блуд, но и как президент «освятив» его своим присутствием!

* * *

…Вот в такой удушливой атмосфере, пропитанной ложью, зараженной коварством отпетых политических интриганов, парализованной нагнетаемым страхом, под истерические крики фашиствующих молодчиков «Бей коммунистов!», под крысиное шуршание доносов на «врагов демократии», в инфернальном отблеске автоматов Калашникова – и собрался Верховный Совет, предваряющий последний Съезд народных депутатов ныне уже бывшего СССР.

Казалось, тот же состав депутатов, тот же зал, но как все качественно изменилось! Ранее собиравшиеся в курилках для

откровенного обмена мнениями, ныне депутаты стали весьма осторожны в разговорах. Прежде чем произнести слово, внимательно, исподлобья присматривались друг к другу, как бы прикидывая: не донесет ли? Подумалось: вот так и начинался 1937-й – с потери взаимного доверия. А тем временем на трибуне правили пир победители. Невзирая на отдельные, еле слышимые призывы не учинять «охоту на ведьм», не обвинять списками и поименно до суда, самые ретивые, уже донося, требовали провентилировать буквально каждого депутата, с кем и где он был и чем занимался «до 17-го», простите, в период с 19 по 21 августа 1991 года?

Сначала, разумеется, первую скрипку играли «защитники Белого дома». Но вскоре, как я и предполагал, пошли в бой «товарищи с мест», сперва примазавшись, а потом и оттеснив «победителей». Каждый из них спешил «засвидетельствовать свою лояльность», убедить собравшихся, как он в низах без раздумий встал на защиту демократии, как рвался в Москву… И доносил, доносил, доносил…

Подумалось: насколько же глубоко в генетический код въелся комплекс 37-го! Но ведь именно на него и рассчитывали те, которые, еще недавно будучи партократами, сами «давили» инакомыслящих. И садистски потешались, когда допрашиваемый терял человеческое достоинство и шел на все ради спасения своей шкуры.

Но, к счастью, не все пали ниц. Среди вопиющих о «России, вставшей с колен!» и в то же время по-демократически ползающих перед новыми хозяевами – островками вставали в полный рост человеческого достоинства те немногие, которые пошли против течения. Они-то и спасли честь и свою, и всего Верховного Совета: Сажи Умалатова, Александр Крайко, Николай Энгвер, Анатолий Денисов – «безумству храбрых поем мы песню!».

Но общая атмосфера была не то что тягостно-тоскливая, а какая-то нечистоплотно-разлагающаяся, вызывающая тошноту. Уже само присутствие в этой загрязненной ауре как бы приобщало и тебя к творящейся на глазах всего мира подлости.

* * *

Меня буквально физически удерживали от выступления. Одни рекомендовали повременить до съезда. Другие советовали воздержаться, поскольку в этом разгуле охоты на ведьм «высовываться» почти равнозначно угодить в списки «врагов

демократии». Третьи намекали о личной безопасности.

Я, конечно, не причисляю себя к героям, но и среди трусов не бывал. Не лишен и умения идти на компромиссы, однако до той последней, красной черты, за которой начинается распад личности как таковой. У этой черты меня всегда удерживал, удерживает и будет удерживать (в моем возрасте уже поздно меняться) не страх перед общественным мнением (я знаю, как и кем оно зачастую создавалось и создается), а то состояние, когда я сам себя перестану уважать.

Но, возможно, я бы и повременил до съезда. Однако выступление народного депутата, редактора самарской газеты «Волжский комсомолец», подтолкнуло меня к той самой последней черте, за которой, отмолчавшись, я перестал бы сам себя уважать, после чего уже и «личная безопасность», и «общественное мнение» теряют для меня всякий смысл. Вот те слова, коими меня толкнул юный сталинец к последней черте:

«Третий вопрос, который мы обязаны включить в повестку дня, – об организации открытого судебного процесса над преступной государственной организацией – так называемой Коммунистической партией… Прецедент в истории есть: суд над национал-социалистической партией на Нюрнбергском процессе».

Я выступил где-то под вечер 26 августа. Конечно, Михаил Сергеевич, мои нынешние оценки событий и личностей идут от дня сегодняшнего, когда уже все или почти все ясно. И на мою однозначность в суждениях, как бы я ни пытался объективно проанализировать свое душевное состояние того периода, все же «давит» день сегодняшний.

Да, тогда и я, и многие другие еще только глухо подозревали Вашу причастность к печальным событиям. Въяве же нам страстно не хотелось верить этому. И потому, жалкий с позиций нынешнего дня, фарс с Вашим ночным возвращением «из Форосской темницы» тогда воспринимался с искренним состраданием: нам просто было жаль Вас как человека, попавшего в беду. Да еще с женой и внучкой. И это, понятно же, отразилось и на… выступлении (подаю выдержки из него). Думаю, что сие не лишне, ибо выступление (кроме эфира) организованно замолчала вся пресса без исключения.

* * *

Итак: «Уважаемые коллеги! Эти три роковых дня подтверждают стих Екклесиаста: «Время разбрасывать камни и время собирать камни, время обнимать и время уклоняться от

объятий». Только безумцы могли рассчитывать на то, что народ, познавший свободу, пойдет в объятия тоталитаризма.

В этом трагическом и героическом контексте ЦК КПСС и часть его Секретариата продемонстрировали полную несостоятельность. Сожалею, Михаил Сергеевич, что на том злополучном Пленуме, когда в ответ на выпады некоторых его участников Вы решили подать в отставку, я был одним из тех, кто упрашивал Вас остаться на своем посту. Вы тогда сказали: с таким ЦК я не могу работать. События подтвердили, что с таким ЦК, который в тяжкие дни даже не удосужился узнать, где же и в каком состоянии Генсек, делать нечего.

Конечно, у многих могут найтись оправдательные причины. Лично я считаю искать таковые ниже своего достоинства. Как бы там ни было, я несу моральную ответственность за несостоятельность ЦК, который должен уйти с политической сцены, естественно вместе со мной, тем самым подтвердив и мое личное мнение о том, что в нашей партии с конца 20-х годов существовало две партии. Одна – в лице ее верхних эшелонов, самозвано присвоивших себе право вещать от имени партии. И другая – по существу, вся партия, добывающая хлеб насущный, уголь, металл и о которой вспоминали верхи, когда наступал час уплаты взносов, или когда составлялись поименные списки на расстрел в 1937 году, или когда надо было идти в смертельную атаку: «Коммунисты, три шага вперед!».

И снова же эти верхи подставили дважды расстрелянную партию под третий расстрел, пока что моральный. Когда же прекратится это издевательство?

Что касается Президиума Верховного Совета. Это, по существу, структура без статуса, выполняющая роль технического секретариата, готовящего повестки дня: ни рыба ни мясо…

Естественно, во всем должны разобраться законные органы. Заранее квалифицировать действия кого бы то ни было, включая и Анатолия Ивановича, не следует даже на Верховном Совете. Не выискивая оправдательных причин, хочу сказать, что я несу моральную ответственность за случившееся…

Итак, даже без домашнего анализа считаю долгом чести подать в отставку. Мне это тем более безболезненно, поскольку партия распущена и я наконец смогу осуществить мечту: добиваться переименования партии, насчитывающей миллионы членов, в Партию социальной справедливости. Я не отрекусь от нее. А потому хотел бы обратиться к коллеге из Самары.

Уважаемый коллега! Нюрнбергский процесс потому и состоялся, что в братских могилах, на полях сражений лежат коммунисты, которые сделали возможным провести этот

Нюрнбергский процесс. В противном случае у Вас бы не было на что ссылаться.

А теперь хочу обратиться к победителям. Больше всего бойтесь тех витязей, которые примазываются к вам. Они, привыкшие торговать, оттеснят вас, благородных рыцарей, и пожнут плоды ваши, и сделают все, чтобы победители раскололись и пошли друг на друга. Это будет, ибо это уже было. Примазываясь, они начнут демонстрировать свою запоздалую лояльность президентам, вам, победители, старым испытанным способом – доносом на не успевших написать доносы.

Уважаемые коллеги! Победа состоялась, но не дай Бог, чтобы эта победа превратилась в поражение. Разрушающая толпа – это стихия, это не кумулятивный снаряд, который можно послать на Петровку или в Кремль. Он бьет поквадратно и в чужих, и в своих. Давайте сохранять спокойствие. Никаких списков – это противоконституционно…

* * *

А теперь мне хотелось бы поговорить касательно запрета партии. Все свидетельствовало о том, что очередной партийный съезд обозначил бы конец всевластного корпоративного ордена. Так что же мешало Вам, Михаил Сергеевич, на съезде в установленном порядке огласить свое отречение?

Страх, Михаил Сергеевич. Давайте уж будем откровенны: страх! Причем идущий сразу от двух энергоисточников, между которых Вы очутились, или, скорее, сами загнали себя.

Во-первых, страх перед съездом. Вне всякого сомнения, на сей раз Вас бы отстранили от должности Генсека, даже если бы Вы и «забыли» подать в отставку. Уверен, что была бы создана комиссия для изобличения всех тех преступлений, которые именем партии совершили перерожденцы. Можно не сомневаться, что дошел бы черед и до партийного суда.

Вот как раз этот поворот больше всего тревожил и страшил Вас и Ваших. Именно это в значительной мере и подвигло перерожденцев ускорить не реорганизацию, а ликвидацию партии как потенциального судьи и одновременно свидетеля обвинения.

Да, но почему же Вы все-таки заранее, еще в относительно спокойный период, не решились подать в отставку? Вот тут и возникает каверзный вопрос: не потому ли не решились, что решали-то не Вы, а… другие? Причем решали те, что «далеко от Москвы»?

И – отдадим им должное – правильно решали, исходя из

собственных национальных интересов, поскольку лучше нас знали реальную обстановку, а следовательно, и все негативные для себя последствия Вашей отставки. А посему и не разрешали Вам спрыгнуть на ходу, ибо в таком случае партия реорганизовалась бы, то есть обновилась организованно. Сие же никак не вкладывалось в расчеты того берега: им надо было ликвидировать. А это мог – без бунта и смуты – сделать единственный на то время человек, то есть Вы, Михаил Сергеевич.

Почему же той стороне требовалось именно разгромить партию? Боязнь строя, «экспортирующего революцию»? Но весь мир знал, что в тогдашнем состоянии этот строй уже ничем не угрожал: он был начисто ослаблен, наглухо скомпрометирован и культовскими извращениями, и партперерожденцами, расшатанный, обезоруженный и дезориентированный «перестроем» и агентами влияния, которые довели его компрометацию до нулевой отметки. Знали это стратеги на том берегу получше нас, но им нужен был идеологический жупел, чтобы достичь вожделенной, исконной цели – в одночасье развалить «империю».

Но зачем, спросите, понапрасну тратить энергию и валюту, если шел естественный процесс формирования независимых государств? К тому же и у нас, и там прекрасно знали, что этот процесс необратим? Ибо бывший союзный парламент сам наработал законы, которые вели, по существу, к ликвидации унитарного Союза по пути к Сообществу Суверенных Государств.

Вы что, думаете, на том берегу не знали об этом необратимом процессе? Да ведали лучше нас с Вами! Но именно естественный ход их пуще всего и пугал. Ибо если бы все шло по-людски, естественным путем, то рождались бы действительно независимые государства. Подчеркиваю: действительно независимые, с нормально функционирующей экономикой, конечно, с определенным, но не с нынешним катастрофическим спадом производства, поскольку пульсировала бы сердечно-сосудистая система бывших союзных связей и коммуникаций. Сиречь это были бы достаточно сильные государства, чтобы не попасть – не только в экономическую, но и политическую – зависимость от той же… Америки.

Худо-бедно, но партструктуры, еще по инерции хранящие остатки кое-какой дисциплины, смягчали обвальный разрыв и хаос. Что, понятно, не входило в планы и национальные интересы того берега. Им требовалось в одночасье перерезать все артерии, доведя организмы рождающихся государств до экономического полуобморока, чтобы еще тепленькими прибрать их к своим рукам.

* * *

Вот и вся разгадка, Михаил Сергеевич, почему Вам не разрешили уйти с поста Генсека, прежде чем Вы не ликвидируете партию.

Вы, конечно же, по своей привычке отмахнетесь: мол, «до того уже дошло, товарищи (ныне – господа, естественно), что меня обвинят чуть ли…». Поэтому хоть мне это и неприятно, но я вынужден Вам напомнить одну программу одного человека:

«Окончится война, все кое-как утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем… все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей.

Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников… своих союзников и помощников в самой России.

Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства мы, например, постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием, что ли, тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино – все будут изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху…

Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель… Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого… Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов – все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом.

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит… Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать

духовные корни большевизма, опошлять и уничтожать основы народной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением, выветривать этот ленинский фанатизм. Мы будем браться за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них шпионов, космополитов. Вот так мы это и сделаем».

Неужели не вспомнили, Михаил Сергеевич?! Да это же Даллес, да-да, тот самый, который сказал это еще в 1945 году, разрабатывая план реализации американской послевоенной доктрины против СССР.

А теперь оглянитесь окрест: не правда ли – почти один к одному мы с Вами наконец исполнили заветную мечту американского стратега, то есть реализовали его программу? А Вы еще и до сих пор, пребывая (или, скорее, прикидываясь, что пребываете) в иррациональном мире, доказываете, что «перестройка» – Ваше изобретение! Когда даже Бейкер черным по белому заявил: «Мы истратили триллионы долларов за последние сорок лет, чтобы одержать победу в холодной войне против СССР», то есть реализовать программу того же Даллеса!

Хотите или нет, но в первом ряду «победителей» оказались и Вы, Михаил Сергеевич.

Я не боюсь прослыть консерватором и твердо стою на том, что не надо было так опрометчиво жадно заглатывать блесну, брошенную с того берега, и конвульсивно, суетливо-поспешно рвать жилы и артерии экономических связей, чтобы теперь, обессиленными, почти вслепую искать друг друга, косо-криво, на скорую руку возобновляя их.

Ныне радикалы голосят: мы, мол, не знали, что нас так подведет заокеанский хозяин и его споспешники в богатой Европе, вовремя не предоставив нам обещанных субсидий.

Да ложь все это! Конечно, профаны, наивные и романтически возбужденные (в их числе и я, грешный), по крайней мере на первых порах, не ведали… Но посвященная верхушка со счетами в загранбанках ведала, что творит. Она прекрасно знала и знает, что Запад никогда не будет субсидировать полную независимость новых государств, ибо это не входит в стратегию их национальных интересов. Да и резон ли им, истратившим триллионы на «победу», усиливать побежденных?

Так что не ностальгия по перерожденским 0,3 %, взявшим себе псевдоним «КПСС», и не тоска по развалившемуся унитарному образованию обязывают меня называть вещи своими именами. Мы ведь с Вами, Михаил Сергеевич, вроде бы стремились к одному и тому же – к Содружеству Независимых

Государств. Правда, с той существенной разницей, что, скажем, я – в числе подавляющего большинства – в меру своих скромных сил и возможностей стремился это сделать естественно и по закону; Вы же с Вашими – обвально и по… Даллесу. Что ж, на сей раз вышло по-Вашему, точнее – по Даллесу.

Осознаю, что подобные утверждения многим – по причине снятия «образа врага» – покажутся по меньшей мере старомодными. Но меня это меньше всего волнует: правда ведь никогда не была модной.

Потому что – Правда.

* * *

Итак, я еще 26 августа 1991 года подал в отставку по всем параметрам. И – уверен – если бы сему примеру последовали и многие другие, события могли бы пойти по другому руслу. Но – все мы люди, все мы человеки: кто-то еще надеялся на лучшее, кому-то не хотелось расставаться с депутатским значком и жильем в Москве, иные просто испугались, третьи решили сражаться до конца. Я не осуждаю никого: каждый поступает согласно своим жизненным принципам. И соваться со своим уставом в чужой монастырь по меньшей мере бестактно.

Если чисто по-обывательски идти по линии материальной, то мне, бесспорно, было легче, чем другим, принимать решение: на протяжении двух лет я оплачивал почти половину гостиничного пребывания впустую, поскольку в основном колесил по горячим точкам, а если выпадали редкие свободные выходные – стремился в Киев.

Московская карьера мне, как украинскому поэту, – тоже противопоказана, посему я отказался от квартиры, которую на первых порах предлагали в Первопрестольной. Не принял я и других заманчивых ангажементов, хотя меня, между прочим, упорно «сватали» и в «Литературную газету», и даже в Союз писателей, и в журнал (бывший «Советский Союз»), и на редактора предполагаемой газеты «Красная площадь»…

Почему же, спросите, я не последовал примеру своих земляков-депутатов, которые, учуяв неладное, быстро переориентировались на Украину? Да потому – простите за нескромность – что «воспитание не позволяет».

Я привык – плохо ли, хорошо ли – но честно выполнять порученное дело. Мои амбиции не ласкал пост вице-председателя Палаты Национальностей, на который был избран неожиданно для себя, ибо сие место готовилось другому лицу. Но коль уж так

случилось, я счел своим долгом выполнять порученное мне до конца срока, не уклоняясь и от самых опасных предприятий. И – главное – я поверил Вам, Михаил Сергеевич…

Заявление об отставке, как передавали, не нашло поддержки. Да и Рафик Нишанович, которого я уважал и уважаю, просил в это тяжкое время хотя бы номинально присутствовать на заседаниях ВС до съезда. Вот так я, уже внутренне свободный, и «посещал» Кремль.

На одном из них появились Вы, усевшись под красным знаменем. Как обычно, к Вам, за барьер, потянулись ходоки «пошептаться». Кто-то тронул меня за плечо. Один из работников аппарата показал глазами в Вашу сторону: мол, зовет.

Я слишком длительное время не видел своего президента вблизи. Поэтому первое, что меня поразило, – это еле уловимое внешне, но внутренне явственно ощутимое изменение во всем Вашем облике. Всегда подтянутая, пружинистая фактура обмякла. Несмотря на явные усилия держать голову, как всегда, слегка откинутой – взглядом вдаль – плечи заметно ссутулились.

– Присядь, – сказали Вы с рукопожатием (рука была, как всегда, горячая, но какая-то нетвердая). – Что, Борис, выживем?

Последняя фраза пробилась к сознанию не сразу, поскольку мое внимание загипнотизировали совершенно новые, чуждые черты, появившиеся в Вашем лице. Оно как-то неестественно вытянулось… изменило очертание, и я открыл в нем что-то… ассирийское, что ли?

Очнувшись от поразившего меня открытия, я ответил:

– Выживем-то выживем, Михаил Сергеевич, но надо же собрать Пленум ЦК!

Вы как-то странно заерзали, начали перебирать бумаги. А тут еще Иван Дмитриевич Лаптев, ведший заседание ВС и, как всегда, бдительно наблюдавший за Вашим местопребыванием, начал нервно делать мне знаки: мол, возвращайся к своей кнопке – идет голосование.

* * *

Это была моя последняя встреча с президентом. На второй день он подписал свое отречение и самовольно распустил партию, то есть волей-неволей, но ликвидировал существующий строй, получив «в награду» статус «Отступника Всех Времен и Народов».

Как ни парадоксально прозвучит для непосвященных, но в последнее время меня все чаще посещает мысль, что и сам

Горбачев, и его соратники были бы рады… именно такому исходу и «статусу». Можно не сомневаться: определенные силы, играя на эмоциях народа, время от времени будут еще и еще подбрасывать «компромат», дабы довести ненависть к экс-президенту до абсолюта.

– Господи, но с какой целью?! – воскликнет читатель. А если с той, чтобы отвести внимание от главной – зазеркальной тайны, сокрытой в самом появлении на свет Горбачева?

А ведь старый метод – совершивший преступление, грозящее исключительной мерой, сознательно, не таясь, учиняет меньшее по тяжести зло. Расчет: получая срок за последнее, преступник обрывает связь с предыдущим.

И все же: допустимо ли, чтобы человек сознательно и с такой упорной последовательностью сам себя старался преподнести миру монстром, перед которым Азеф и Юлиан Отступник кажутся невинными агнцами?! Сколько ни пытаюсь хотя бы понять мотивационный механизм деяний, приведших не только нас, но и само действующее лицо к апокалипсическому краху, – не могу найти более или менее убедительного объяснения.

Самомнительность, самовлюбленность, непомерная амбициозность, фантастическая переоценка возможностей своего «я»? Не лишено оснований. Однако эти – пусть и гипертрофированные – качества характера личности, даже занимающей самый высокий пост, хоть и играют определенную роль, но лишь до той черты, за которой начинает рушиться сама система. Поскольку последняя, обладая «чувством самосохранения», раньше или позже отторгнет разрушителя.

Отсутствие гена самооценки? Тоже имеет место. Но ведь и этот изъян «прощается» системой лишь до упомянутой черты.

Может, слишком агрессивный «хватательный рефлекс», предрасположенность к необузданному стяжательству? Что ж, у Михаила Сергеевича сие наблюдалось и, похоже, играло не последнюю роль в его бытии. О том, в частности, свидетельствует хотя бы такой эпизод, доныне не известный широкой публике и о котором, возможно, забыл и сам экс-президент.

Напомню. Сразу же после референдума, освятившего независимость Украины, 7 декабря 1991 года (именно в тот день состоялась известная акция в Беловежской Пуще, о чем тогда еще ни журналист, ни, тем более, Вы не знали, поскольку первым был проинформирован Буш (как раз в ту декабрьскую субботу корреспондент украинского телевидения взял у Вас интервью (украинцы его видели и слышали). Но меня заинтересовала одна реплика, произнесенная Вами уже после беседы, «за кадром». Прощаясь и дружески похлопывая по плечу интервьюера, Вы

саркастически заметили: «Можете быть довольны: задания тех, кто Вас послал, Вы выполнили».

Растерянный корреспондент только и сподобился, что развести руками.

Переждав, пока несчастный оклемается от шока, Вы напоследок, в упор отрезали: «Передай тому, кто тебя послал, что если он будет зариться на Форос, то я его заберу вместе с Крымом!»

Только после этого корреспондент (надеюсь, и мы с вами) догадался, что «тот, кто тебя послал» – конечно же, Кравчук. Вскоре и связка «вместе с Крымом» отозвалась эхом, которое еще и доныне звучит над полуостровом, многократно усиленное рупорами РДК. Но оставим политикам выяснять, какая здесь связь. А она – многозначительна.

Меня же интересует то, что даже в этой ситуации дача все-таки была поставлена первой.

Заметьте: это было сказано человеком, еще угнетенным, как он сам заявлял, «путчем» и весьма расстроенным несговорчивостью глав суверенных государств. Казалось бы, в этой напряженной ситуации, когда все разваливается, не до дач. Ан нет, оказывается…

* * *

Печально, конечно. Но история, да и мы, сущие, знаем немало королевских, царских, цековских и прочих радикалов, страдающих манией невоздержанного стяжательства, однако же это не вело к такому обвалу.

Тогда что: отчаянный авантюризм? Неуемное властолюбие, жажда ради лишнего аплодисмента экзальтированной толпы бросаться в рискованные игры, да еще в масштабах целой страны? Чего греха таить: есть и это в Горбачеве. Но, опять же, есть и система, есть, наконец, народ, который – хоть и поразительно терпеливый, но тоже ведь до определенного предела.

По меньшей мере несерьезным считаю намеки на психическую неустойчивость экс-президента. Но если бы даже допустить невозможное, то ведь Леонид Ильич Брежнев целых несколько последних своих лет вообще «не тянул партитуры», однако же государственный механизм худо-бедно, но все-таки функционировал.

Весьма неубедительными мне кажутся и обвинения бывшего чуть ли не в сотрудничестве с определенными спецподразделениями одной из высокоразвитых стран. Хотя все

эти слишком частые встречи в зарубежье «за закрытыми дверями», особенно же «тайные вечери» на Мальте и интимные беседы с глазу на глаз с Иоанном Павлом II, дают некоторые основания усомниться в чистоте помыслов экс-президента. Допускаю, что он мог играть, подыгрывать и даже «заиграться» с рыцарями плаща и кинжала, но чтобы президент такой мощной державы…

Короче, и выше названные явные, и пока еще скрытые личностные качества и деяния бывшего, ввергнувшие нас и его самого в «мерзость запустения», по-человечески не объяснимы.

Но, может, именно в том и вся глубина трагедии, что даже самые лютые враги Горбачева, уничтожающие его последними словами, – даже они оценивают его поведение и действия по человеческим меркам и критериям.

Да и все сказанное мной выше о бывшем Генсеке и Президенте – тоже ведь адресовано ему как человеку.

И – видит Бог – я бы никогда не позволил себе утруждать перо (без меня уже об экс-президенте создана целая библиотека), если бы в поисках мотивационных причин поступков и поведения его не натолкнулся на догадку: а не лежит ли феномен Горбачева… за рубежом привычных человеческих понятий и оценок? И не с целью ли отвлечь от раскрытия сей зазеркальной тайны он совершал поступки, которые по-человечески оцениваются как предел падения?

* * *

…В конце 70-х, особенно в начале 80-х в нашем обществе усилилась тяга к оккультизму. Появились ворожеи, гадалки, прорицатели, контактеры, колдуны, ясновидцы и просто шарлатаны, что характерно для конца и начала каждого столетия.

Уже и научно доказано, что в такие периоды в космосе происходят качественные изменения: завершение старого и начало нового цикла. Корректировка в размещении планет, смещение силовых полей, которые отражаются на психофизическом состоянии и отдельно взятого человека, и целых народов как частицы макрокосмоса.

Все это отражено не только в легендах, преданиях и мифах, но и в светских летописях и хрониках, запечатлевших всеуничтожающие потопы, грозные землетрясения и извержения вулканов, жуткие моры и не менее страшные войны, другие мыслимые и немыслимые глобальные катаклизмы.

Казалось бы, в преддверии каждого нового столетия,

полистав страницы истории, человечество должно соответственно и готовиться к подобным потрясениям, корректируя, согласно предыдущему опыту, и свои действия, и политику. Если и не упреждая, то хотя бы ослабляя роковые последствия. К несчастью, наша психика устроена так, что мы предполагаем любые глобальные обвалы у всех, кроме… себя.

Более того, в будничных хлопотах мы, пожалуй, вовсе не заметили, что являемся свидетелями не только завершения столетия, но и тысячелетия. А ведь наложение этих двух циклопических водоворотов по меньшей мере удесятеряет их воистину апокалипсическую мощь со всеми взрывами и разрушениями привычных состояний. Но и это еще не все. Конец тысячелетия – «это конец мира», если не в прямом, физическом или метафизическом смысле, то, во всяком случае, конец старого, привычного и рождение нового состояния миропорядка, нового смысла вещей, критериев, смена казавшихся незыблемыми правил, законов и предписаний. Наконец, это ожидаемое веками Пришествие Христа. По Святому Писанию приход Сына Божьего завершается Страшным Судом, то есть общемировым переворотом. Но что – затем? Только лишь селекция: одесную – праведники, ошуюю – грешники!

А что если (примем библейское видение) моральные якоря оборваны и действие святых заповедей уже сегодня ослаблено настолько, что Сатана безбоязненно послал исчадие свое на грехопадшую землю? Что если все эти земные катаклизмы и потрясения лишь предвестники глобального сражения Света и Тьмы? Что если этот вечный бой возобновляется с окончанием каждого старого и началом нового века?

Если это так, то нынешнее противостояние по своей мощи превзойдет все предыдущие в десятикратном исчислении, ибо конец века совпал с концом тысячелетия.

Как ни горько, но и верующие, и атеисты должны признать, что князь Тьмы на сей раз готовился к поединку особенно тщательно. К нашей печали, и на сей раз выбрав – уже в который-то раз! – одну шестую суши. И весьма преуспел, ибо его агенты уже давно исподволь разлагают души по наущению Главного Атеиста, изгнавшего из пределов своего учения Бога.

Первое следствие этого прометеевского предприятия – разрушение семьи, осквернение семейного очага, порушение законов предков, воспитание в сыновьях хамов, цинично осмеявших отца своего.

Второе – разрушение храмов и святынь и возведение на их месте капищ во славу новосотворенных кумиров.

И, наконец, третье – оно же и первое и второе – потеря

чувства Родины. Помните изречение одного из агентов Главного Атеиста: «У пролетариата нет своего Отечества. Отечество его – весь мир»?

Все три заповеди уже почти реализованы.

Конечно, как утверждают святые отцы, Вседержитель все знает и все видит, «ибо, – глаголет пророк Матфей, – нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано».

Однако – да простит меня Милосердный, Всепрощающий и Терпеливый – но должен же быть предел и Его терпению! Тем паче, коль мы в своем падении дошли до того, что князь Тьмы уже может в открытую посылать свое исчадие для принятия от нас акта о полной и безоговорочной капитуляции!

Не сомневаюсь, что для радикал-прагматиков широких взглядов все эти мои визии – не больше чем базарное кликушество, средневековое суеверие или паче того – насмешка над разумом, то есть над материализмом. Но, как известно, смеется тот, кто смеется последним. Причем при одном непременном условии: если этот последний будет в наличии. А посему давайте – хоть это и нелегко – через «не могу», но все-таки сдержим хохот и обратимся к реалиям.

* * *

…О комете Галлея особенно оживленно заговорили где-то в конце 1984 г. А уже в 85-м мы ее встречали на нашем небосклоне вместе с… Горбачевым.

Стоит ли «открывать» просвещенной публике известное с незапамятных времен: появление кометы однозначно воспринималось как предзнаменование несчастья всех несчастий. Да если бы только «воспринималось»: мало ли чего не рождалось в головах наших нецивилизованно суеверных прапредков?! Беда в том, что сии суеверные визии подтверждались весьма мрачными, если не трагическими, событиями, следующими в шлейфе зловещей дамы. Полистаем древние хроники, включая и казацкие летописи, и мы в этом убедимся.

И то, что мы еще не всегда можем вразумительно объяснить причинную связь между появлением небес

ной путешественницы и земными катаклизмами, – вовсе не значит, что ее, этой связи, нет. Она была и есть.

…Вспомним тот солнечный день 25 июня 1985 года. Удивительно красивый Киев в зеленой роскоши каштанов, Киев, недавно отпраздновавший свое 1500-летие. Украина принимала

высокого гостя, впервые посетившего ее уже в ранге Генсека. Именно он тогда произнес фразу: «Да, вы живете здесь как на курорте!»

…Через 10 месяцев (ровно через 10 месяцев, день в день) мир потрясла Чернобыльская катастрофа. Весь мир – ибо за всю обозримую историю человечество не было так близко… к своему концу. Да и ныне мы так и не ведаем достоверно, что, кроме ползучей радиации, еще готовит нам 4-й реактор под весьма символическим саркофагом.

Объяснены ли причины этого глобального взрыва? Нет, не объяснены: все донынешние расследования, суды и «виновники» – не больше чем дешевая мистификация. Загремевший в тюрьму в качестве стрелочника бывший директор ЧАЭС Брюханов так и не может объяснить, за что он сидел. Думаю, что и судьи, загнавшие безвинного человека за решетку, тоже «не ведают, что творили».

Ведают лишь те, кто дал указание совершить этот скорый и неправый суд с целью отвлечь внимание от первопричины трагедии…

…Вообще-то в народе, с первых дней явления Горбачева, начали бродить слухи о некоем с метой, который принесет непоправимые несчастья. Однако на первых порах это воспринялось опять же как тривиальное кликушество и осмеивалось «радикалами» (вместе со мной) как порождение темного, нецивилизованного общества «этой страны».

Однако вскоре один за другим, без передышки, начались невероятные происшествия, необъяснимые формальной логикой Асмуса, но от этого не менее жуткие.

Буквально «на ровном месте» тяжелый сухогруз, в упор, при нормальной видимости, таранит теплоход «Нахимов». Гибнут сотни людей. Взрывается фугасом неисчислимой мощности продуктопровод. Гибнет несколько сот человек.

Лоб в лоб сталкиваются поезда. Одна за другой взрываются шахты. Последняя катастрофа возле Краснодона по своим последствиям вообще не имеет аналогов за всю историю угледобычи.

Падают самолеты.

Терпят крушение поезда, корабли и подлодки.

Наконец, взрывается Карабах, детонируя цепную реакцию перманентных кровавых гейзеров в Тбилиси, Оше, Сумгаите, Баку, Южной Осетии, Вильнюсе, Тирасполе. Объяснены ли все эти и прочие потрясения? Не больше, чем чернобыльские.

Тут уж и самые дремучие Фомы неверующие начинают впадать в крайность – из атеизма, минуя Бога, – прямо в мистику. Начинают поговаривать: если это не спланированные диверсии…

Радикалы, естественно, пытались свалить все на коммунистов. Но эта чушь сама собой захлебывается: гибнут ведь не только беспартийные, гибнут и «партократы».

Итак, если это не спланированные диверсии, то что же сие значит?..

Горбачев – меченый и подмененный

В свое время мне попалась на глаза черниговская областная газета «Деснянська правда» (№ 31 за 22 февраля 1992 г.). На четвертой полосе опубликован очерк под заглавием «Где же ты, сын?». И вот что в нем поведано (подаю сокращенный подстрочный перевод):

«Больше всего хотелось бы мне начать этот рассказ с эпизода счастливой встречи матери и сына, с которым она рассталась много лет назад. Этакий хеппи-энд, счастливый конец драматической истории.

К сожалению, не выходит. До счастливого завершения этой истории сегодня так же далеко, как и тогда, до войны, когда неожиданно не стало у Марии Павловны Ермоленко ее Миши. А может, и еще дальше, ибо тогда была надежда: «Отыщу, обязательно отыщу. Мир не без добрых людей…», а теперь будто бы и отыскала, а сын так же далеко. И страдает несчастная женщина, стучится во все двери, шлет письма во все концы и больше всего боится, что сын так и не узнает родной матери.

– Ничего мне от него не надо. Пусть живет и делает что хочет. Я же хочу одного: чтобы он знал мать, а я его. Ибо прожить век и родную мать не знать – это же страшно… Не хочу искать его на том свете.

Ее печальные глаза смотрят на меня с надеждой:

– Может, он прочтет газету…

Светлый рассудок и память, как на ее восемьдесят четыре года – ясны. Как будто вчера, видит она свою далекую юность, родное село Голинка, где родилась и выросла. Приветливую и работящую, засватал ее красивый парень из Гайворона Сашко Ермоленко. В 1929 году родилась девочка Катруся, а через два года, на второй день весны, у Ермоленко появился и мальчик. Нарекли его Михаилом. Говорил сельский батюшка, что это имя значит «кто как Бог».

Прекрасные родились дети. Всю красоту взяли от отца-матери. Только на головке сына родимое пятно было. Когда носила его под сердцем, вспоминает Мария Павловна, большой пожар случился на Черняховке (такая улица была в Гайвороне).

– Я сильно испугалась, схватилась за голову: «О боже!..» Так и пометила своего мальчика. Но под волосиками не видно было. А выше того пятна у него на темечке был такой темный кружочек с густым черным чубом. Тогда тот кружочек исчез, а пятно осталось. То рука моя…

Супружеская жизнь не сложилась. А тут – голод. Чтобы как-то

спастись, решила Маруся с Катей ехать на Донбасс. А маленького Мишу, посоветовавшись, оставила у матери, в Голинке: корова была, как-то прокормятся. Пестуя сыночка, не думала, что держит его на руках в последний раз…

Не сладко было и на Донбассе, но все же легче. Остановилась она в Верхнем, возле Лисичанска. Работала на фабрике-кухне. Чтобы как-то поддержать мать с сыном, посылала в Голинку посылки с продуктами. Писем из дома не было, но это не особенно тревожило: кто же напишет, если мама неграмотная? Но почему, почему ее сердце не чувствовало беды?!

* * *

Когда приехала в отпуск, Миши дома не застала. Мать успокаивала: «Да нигде он не денется, приезжал Иван, забрал погостить. А там ему хорошо, вот посмотри на карточку, каков твой Миша. В костюмчике, туфельках, на головке пилотка-испанка».

Мария обцеловала фотографию, на обороте которой стояла дата: 2 марта 1938 года. Сыночек, солнышко… Господи, совсем взрослый – семь годочков. Спасибо брату, сфотографировал в день рождения.

– Да не реви ты, – упрашивала мать. – Иван его выучит, в городе же лучше… Иван грамотный, не то что мы с тобой…

А она уже все решила. И, взяв Катю, поехала в далекий Таджикистан, где учился на врача младший брат. Казалось, дорога никогда не кончится. Представляла встречу с сыном…

Иван встретил неприветливо:

– Зачем явилась? Ты меня опозоришь!

– Господи, чем?

– Я сказал, что вы умерли.

– Где мой сын?

– Он в таком месте, что конфет имеет вдоволь…

– Где мое дитя?! – рыдала она, сердцем чуя беду.

– Я его сдал в детдом, в Ленинабаде.

Екатерина Александровна вспоминает, что дядя был в военной форме, купил им на дорогу бубликов, посадил на поезд.

Так и поехали с теми бубликами и со слезами, растерянные, несчастные, не зная, куда делся ребенок.

С тех пор она ищет сына. Куда задевал мальчика Иван Лазаренко, не знают ни Мария Павловна, ни Екатерина Александровна. В родные места брат не ездит, хотя до сих пор живет в казахском городе Джадибара. Писем сестре не пишет.

Правда, поздравительные открытки присылает его жена Тамара Яковлевна. Желает счастья, здоровья, благополучия. А счастье закончилось для нее давно…

Из Ленинабадского детдома ответили сразу: у них такого не было. И осталось от сыночка одно-единственное фото: круглолицый мальчик в пилотке-испанке, новом костюмчике и туфельках. И незаживающая рана в материнском сердце. Позже, после войны, она увеличила ту фотографию, и сегодня два портрета семилетнего Михайлика висят в ее комнате. Один над маминой кроватью, второй – над Катиной. Дочка, прожив долгие годы в Грузии, вырастив троих дочерей, отдав их замуж, похоронив мужа и выйдя на пенсию, приехала к матери в Дмитровку. Там, на улице Садовой, в небольшом домике живут они и поныне.

На протяжении пятнадцати лет, вплоть до ликвидации района, работала Мария Павловна уборщицей в райкоме партии. И все годы писала в разные концы, искала сына. Сколько этих писем разлетелось по миру, наверное, и не сосчитать. В детдома, редакции газет, на радио и телевидение, в паспортные столы, милицию, Министерство внутренних дел Таджикистана…

Из газет «Комсомолец Таджикистана», «Комсомольская правда», куда писала несчастная мать еще в пятидесятые годы, из газет в шестидесятые ответы одни и те же: «Письма о розыске близких и родных не печатаем. По вопросу о розыске сына советуем обратиться в местное отделение милиции».

«Дополнительно к нашему письму от 25 июня 1950 года сообщаю, что ваш сын Михаил Александрович – на территории Таджикской ССР проживающим не установлен и ранее содержавшимся в детдомах не значится. В отношении его розыска рекомендуем обращаться в органы милиции по месту вашего жительства. Замначальника отдела УМ МВД Таджикской ССР. Подпись».

О ее беде знала вся Дмитровка.

В красном углу маленькой комнаты под кролевецким рушником висит икона Божьей Матери с Сыном. Не раз она падала перед ней на колени, моля помочь найти сына, ее Мишу…

* * *

Как-то вечером, истопив печку, она сидела перед телевизором. Внучка за столом углубилась в учебник. По телевизору транслировали открытие XXVII съезда КПСС. Она не очень прислушивалась к тому, о чем говорили. Просто смотрела

на людей, которые заседали во Дворце съездов. Неожиданно – словно током ударило: тот, который выступал с докладом, показался ей до боли родным.

– Ой, Миша… Внучка удивленно посмотрела на бабушку:

– Кто, бабуля? Какой Миша?

– Мой Миша…

Слезы покатились из ее глаз. Она не могла уже оторваться от экрана.

– Так это же Горбачев, бабуся! Горбачев, слышишь?

Она не хотела ничего слышать. Ничьих доводов, ничьих слов. Боялась и боится только одного: чтобы не умереть, пока не скажет ему, что нашла его, что она его мать, а он ее сын. Посылала заказные письма в Москву – Горбачеву, Раисе Максимовне, их зятю Анатолию в больницу, где он работает… В ответ получала извещения: письмо передано в общий отдел ЦК КПСС. И все. Приезжали к ней ответственные люди из Бахмача и Чернигова, уговаривали, убеждали, что она ошибается. Она не отрицала: пусть себе говорят, у них такая работа. Переубедить же ее никто не сможет. Слушает Мария Павловна только свое сердце.

Она завела дневничок, в которой записывает все, что происходит в жизни того, в ком она узнала сына:

«Мишу узнала на 27 съезде 86 года.

Миша Президент. 15 марта 90 г.

Заваруха была на даче 19 августа 91 г. на Спаса.

Президент Фонда Миша. 92 г. 1 января».

…Мария Павловна уверена, что ее письма не доходят к тому, кто для нее как Бог. Обрадовалась приезду журналистов: теперь он наконец будет знать о ней.

Теперь в ее комнате над ковриком с оленями висит большой цветной портрет Михаила Сергеевича Горбачева. А со стены смотрит кареглазый мальчик в пилотке-испанке. Они действительно чем-то похожи, тот, которого знает весь мир, и Миша Ермоленко из Гайворона, чья судьба не известна даже родной матери.

…Марья Павловна и Екатерина Александровна провели нас до ворот…

– Приезжайте к нам летом, – приглашали они. – Здесь такая красота. Море цветов… Приезжайте!

К визитерам старая мать привыкла. С тех пор, сказала, как узнала сына, было их немало. Вот и мы приезжали. Поверьте – не за сенсацией. Ничего определенного мы сказать не можем. Но и переубеждать старую мать, что она ошибается, не позволяет совесть. Собственно, что мы знаем о раннем детстве того, кто был нашим первым Президентом? Ничего. Строить какие-то догадки –

недостойно. Точно известно нам лишь то, что живет на Черниговщине в селе Дмитровка человек очень сложной, трагической судьбы. Выпало ей пережить то, что не дай Бог никому.

Есть в этой истории какая-то тайна.

– Ничего мне от него не надо. Пусть живет и делает то, что ему хочется. Но брать грех на душу не могу. Хочу, чтобы он знал мать, а я его. И все. Не искать же мне его на том свете! – слышу ее горестный голос. И знаю: ничто, никакие доводы и разъяснения, никакие разубеждения не остановят ее. Будет искать она сына, пока живет в этом мире.

Простите нас, мама…

Л. Кузьменко».

* * *

Пожалуй, и я бы, как многие другие, отмахнулся: да перестаньте морочить голову! Мало ли в истории было лжецаревичей, сыновей лейтенанта Шмидта и прочих мистификаторов?! Мало ли авантюристов выдавали себя за родственников известных деятелей, ученых, писателей?! Ведь Хлестаковы – как явление – непреходящи.

Бывали и искренние недоразумения. На что уж я – сирый, но и мне, рожденному в 35-м, писали и пишут взволнованные письма типа: «Помнится, в нашей роте служил Олейник Борис Ильич, мы с ним дружили… Но в 42-м, после тяжелого ранения, я потерял его след. А недавно увидел вашу фамилию в газете… Отзовитесь: не тот ли это Олейник, с которым я воевал?» – и прочая.

Не исключено, что и эта женщина, исстрадавшаяся в поисках сына, приняла страстно желаемое за действительное. Но пусть ни у кого не повернется язык осуждать, а тем более «радикально» зубоскалить по поводу ее непроизвольной ошибки.

Однако позволительно спросить: есть ли у кого-либо, вплоть до самого Горбачева, мандат на непогрешимую истину, дабы однозначно, в императиве утверждать, что это… ошибка? И не слишком ли много совпадений, включая и то, что предки Горбачева с Черниговщины? Но главное – кто посмеет усомниться в правдивости исповеди матери, если даже сие – всего лишь фатальное совпадение и Михаил Сергеевич – не тот мальчик Миша, которого потеряла несчастная женщина?

Оставим эту тайну для двоих. Даже в самых запредельных, противоречащих всем устоявшимся понятиях и проявлениях люди

пытались отыскать логику, точку отсчета, перводетонатор цепной реакции, приведшей к тем или иным последствиям. И всегда находили объяснение – не важно, подтверждалось ли оно последующим реальным опытом или становилось достоянием мифов.

Скажем, Святое Писание обвал, подобный нашему, объясняло «тайной беззакония». По учению Отцов Церкви, диавол, воздвигая Антихриста, постарается облечь его явление всеми признаками пришествия Сына Божия на землю:

«Он придет, – говорит св. Ефрем Сирин, – в таком образе, чтобы прельстить всех: придет смиренный, кроткий, ненавистник (как сам скажет о себе) неправды, отвращающий идолов, предпочитающий благочестие, добрый, нищелюбивый, в высокой степени благообразный, постоянный, ко всем ласковый… Примет хитрые меры всем угодить, чтобы в скором времени полюбил его народ, не будет брать даров, говорить гневно, показывать хмурого вида, но благочинною наружностью станет обольщать мир, пока не воцарится».

Воцарение его произойдет быстро и повсеместно, поскольку он будет действовать «силою диавола» (или, как гласит Откровение: «И дал ему дракон силу свою, и престол свой, и великую власть»). Не последнюю роль в этом сыграет и то, что у него будет великое множество сильных поспешников.

«Когда народы, – писал Лактанций, – чрезмерно умножив войско и оставив хлебопашество… все разорят, истощат, пожрут, тогда… внезапно восстанет против сильнейший враг… Это и будет Антихрист». Столь легкую победу последнего святые Отцы объясняют тем, что люди, отринув духовный разум, погрязли в плотское состояние.

Но, достигнув мировой власти (сам Господь называет диавола «князем мира сего»), Антихрист (или «первый зверь») сбросит маску благожелательства и плюрализма и выступит беспощадным гонителем всех верующих христиан, не соглашающихся поклониться ему как Богу. Особенно жестоким гонителем проявит себя самый активный соучастник и ассистент его, который в Писании именуется «вторым зверем». Свидетельствует Иоанн Богослов: «И увидел я другого зверя, выходящего из земли… Он действует… со всею властию первого зверя (т. е. Антихриста) и заставляет всю землю и живущих на ней поклоняться первому зверю… И дано было ему вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил, и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя».

* * *

Вот одно из универсальных объяснений самых необъяснимых – по человеческим понятиям – механизмов и первотолчков обвальных происшествий, которое дает православная Церковь. И, согласитесь, последние пять-шесть лет «перестроя» многими фрагментами, действующими лицами и исполнителями поразительно совпадают с визиями святых Отцов. Конечно, их категориальный аппарат не во всем соответствует нынешнему, расхожему. Да еще смущает премногих, воспитанных на заматерелом материализме, главное действующее лицо – нечистая сила.

Но так ли уж смущает? Может, скорее, пугает перспектива прослыть в общественном мнении адептом мистицизма или, того более, дремучего суеверия? Если в этом проблема, то меня это меньше всего смущает, ибо я не более суеверен, чем англичанин, упорно старающийся «забывать» обозначать числом «13» свой дом, квартиру или, скажем, номер авиарейса. Или те же прагматичные американцы, которые почему-то были весьма встревожены тем, что одна из резолюций Совета Безопасности касательно Персидского залива, предложенная ими, проходила под номером «666». Упреждая замешательство атеистов: «Почему это… американцы?», сообщаю: да просто потому, что св. Иоанн уверяет: «Число его имени (т. е. Антихриста) 666».

Так что не стоит так уж уповать на общественное мнение, тем более что оно, это «мнение», как и нынешний закон о гласности: в чьих руках находится, те и вращают им, как дышлом.

Сколько себя помнит человечество, при любых общественных формациях – от рабовладельческой до так называемого «развитого» или недоразвитого социализма, аж до нынешней, пока что невыясненной, но в которой тем не менее мы живем, – смутные времена, подобные нашему, всегда рождали не только тревожное ожидание «второго пришествия», но и страх перед антиподом Агнца.

И заметьте: не только, так сказать, среди низов, но и в слоях повыше. Я – не о Нострадамусе, Глобах и других ясновидящих. Имею в виду вполне цивилизованных, то есть признанных всем цивилизованным миром, писателях, среди которых – Толстой, Достоевский, тот же Булгаков – «советский» современник.

Словом, не стоит так уж углубляться в анализ прошлого, далекого и близкого, чтобы уразуметь: объяснение шоковых, кризисных, темных для привычной логики событий искони шло по двум параллельным линиям: заматерело-материалистической, научной, но на уровне простой алгебры; и по линии непривычной, на уровне теории относительности, своеобычный вариант которой являет Откровение Иоанна Богослова.

Имеет ли право на жизнь, скажем, последний вариант? Да в том-то и дело, что подобный вопрос уже в сути своей неправомочный, если не бессмысленный, ибо жизни не у кого спрашивать права, поскольку она сама – высшее право.

И если я обращаюсь к Апокалипсису как одной из моделей параллельного объяснения, то лишь потому, что многое из происшедшего и происходящего у нас необъяснимо на уровне материалистическом, то есть привычной обиходной логикой. Естественно, я лишь служебно-инертно передаю то, что доступно лишь тайнозрителю, каковым, по трактовке Отцов Церкви, и является автор Откровения. Единственное, на что – в допустимых мерах условности – отваживаюсь, так это лишь на формулу «как бы и я знаю», со слов Иоанна, знающего, как он утверждает, со слов Самого, ибо – Богослов.

* * *

Итак, позволю себе возвратиться к началу нашего разговора. Мы признаем, что есть люди, которые неосознанно, помимо своей воли, первородно излучают негативную ауру, не по своей вине создавая дискомфорт окружающим. Как, к примеру, осина.

Однако мы знаем и особей, которые по своей воле, сознательно учиняют зло в деянии, то есть – злодеяние. Самые известные из них составили нарицательный ряд: Каин, Прокруст, Герострат, Нерон, Юлиан Отступник… Конечно, преступления их неодинаковой степени, но одинаково непростимы, ибо совершены по воле, осознанно.

К какому типу отнести Горбачева? Если к первому, то его негативное, «осиновое» поле могло отразиться лишь на состоянии или судьбе ближних, включая, скажем, и гэкачепистов. Но ведь безнаказанный пролет Руста через систему ПВО и его вызывающая посадка не где-нибудь, а именно у Кремля (!); одностороннее разоружение и разгром армии; тайная распродажа страны, развязывание войны в Персидском заливе, которая только по счастью не привела к третьей мировой; реанимация капитализма в странах Восточной Европы и Прибалтики; спровоцированная бойня между народами бывших республик СССР, вызвавшая пока что гражданскую войну в Молдавии, Грузии, Армении, Азербайджане, не ровен час – и в Таджикистане, да, похоже, и в России; нарастающий – с непредвиденными исходами – раскол церквей; выдача (или продажа) иностранным спецслужбам всей системы обороны и секретов госбезопасности; циничное предательство бывших

союзников, вплоть до братьев славян; организация августовского «путча» и, наконец, изменение существующего строя путем прямого государственного переворота, в результате чего на волю выпущен дикий, особо хищный вид капитализма, вкупе со всевластием мафии во всех сферах, включая экономические и духовные, вплоть до средств массовой информации…

Все это, присовокупляя безработицу, крайнее обнищание народа, с опасным падением рождаемости, что близко к геноциду, и резким скачком количества самоубийств; с целенаправленным развращением молодежи голым сексом с патологическими извращениями и неприкрытой порнографией и наркоманией; с легализацией проституции, вплоть до поставок «живого товара» в заграничные бордели; со зловещим селевым нарастанием почти безнаказанной преступности, не говоря уже об открытой спекуляции и повальном взяточничестве, поразивших даже правоохранительные и государственные структуры, – все это и прочее не могло произойти стихийно, помимо чьей-то злой воли, и уж никак не под воздействием негативной ауры.

Нет и еще раз – нет! Все факты и события однозначно, непредвзято, объективно свидетельствуют: это прямое следствие злого, воистину дьявольского умысла и предприятия. Фантом, по воле которого произошел этот глобальный чернобыль, не вписывается даже в вышепоименованный паноптикум злоумышленников, поскольку выходит за пределы всего доныне известного.

Но тогда мы должны искать необъяснимое в объяснимом, а объяснимое в необъяснимом, мне, грешному, простительно обратиться к инстинкту, или – на писательском наречии – к интуиции. А она мне нашептывает: а вдруг и я «как если бы знаю», что некая злая воля (не обязательно из преисподней) пометила нечто, уже априори обладавшее «осиновым комплексом», сиречь пусть и невинной, но негативной аурой? Коль это так, то что получится в том случае, если эта пока что статическая минусовая энергия умножится на адский вольтаж энергии упомянутого мирового зла? Тогда почему бы нам не предположить, что от этого умножения может родиться феномен такой разрушительной мощи, которая сравнима разве что с гибельными деяниями… библейского «другого зверя».

Да и сравнима ли?! Ибо если поспешник Антихриста карал свою оппозицию огнем и мечом, то наш фантом, даже не поднимая меча, непроизвольно, уже самой своей энергией, только пассивным присутствием детонировал просто-таки апокалипсические стихийные бедствия, катастрофы и аварии, и необъяснимые взрывы толпы, и изуверские убийства.

И не отсюда ли – Чернобыль, все последующие катастрофы и крушения как экологические, так и политические, не отсюда ли это страшное землетрясение в Армении?! Может, именно так отреагировал космос на появление его в земных пределах?..

* * *

Удивляет другое: неужели нет на Планете человека, который осознает, кто и зачем пришел в мир наш?! Есть, и не один осознающий. И в наших пределах, и за нашими пределами. Но определенные силы, согласные ради уничтожения нас вступить в сговор с самим Сатаной, хранят тайну, уповая, что чаша сия обойдет их.

Но… «горе тем душам, которые скрывают истину!» – гласит Приговор VII Вселенского Собора, который именно сейчас может быть приведен в исполнение.

У зла нет Отечества: весь грешный земной мир – его владение. И если кто-то тешит себя надеждой, что его всеразрушающую энергию можно саккумулировать только на своего противника, то – горе и еще раз горе им! И нам!

Разве ни о чем не говорит тот факт, что сразу же после прибытия Горбачева в Китай разразилось кровавое побоище на площади Тяньаньмэнь?

Разве не после его целований с лидерами бывших соцстран они все или убиты, как Чаушеску с женой, или умерли?

Разве не в момент очередного посещения Горбачева США в Лос-Анджелесе взорвались темные страсти, оставив после себя варварские разрушения и многочисленные человеческие жертвы?

Разве… Разве не строился ударными темпами, правда в сокрытии от народа, одновременно с саркофагом для четвертого блока ЧАЭС, – горбачевский форосский замок, чтобы через 5 лет, после апреля 1986 года, в августе 1991-го, олицетворить… собой новый, общественно-политический чернобыль и с опаснейшими «выбросами» для всей цивилизации?

Разве…

Разве…

Многие многоточия после этого «разве» уже заполнены. И я просто экономлю бумагу. Но ведь нет гарантии, что заполнены полностью, что продолжения не будет…

Не зловещим ли предзнаменованием одновременно прозвучали послеавгустовские слова Горбачева о необходимости спасения СССР от сепаратистов и форосского замка, форосского символа, знака беды – от… Кравчука?

Или слова о его же, горбачевском, возвращенческом «голлизме»?

* * *

Но пока – не о предзнаменованиях. О том, что уже случилось…

Особенно тяжкие испытания пали, помимо Союза, на Индию. Несчастья ее усугубляются ее же… благородством и глубинной тягой к нам. Подсознательное тяготение к нам материализовалось в деятельности отца нации Ганди, по традиции передалось Джавахарлалу Неру, а от него – дочери Индире Ганди и сыну ее.

Обладающие ясновидением и провиднческим гением, индийцы не могли не почувствовать что-то настораживающее в самой фигуре Горбачева. Но врожденное благородство и традиции не позволили им – хотя бы во имя анализа событий – несколько «охладить» пыл. Даже после убийства Индиры Ганди, которое стало мрачным предостережением Неба, даже после этого Индия с распростертыми объятиями встретила его.

Что последовало за этим, мир знает. Но, повидавший виды, переживший не одно злодеяние, даже этот яростный мир содрогнулся: такого страшного, такого изуверства, подобного убийству Раджива Ганди, он еще не видел!

А раскол в православии разве не усугубился после тайных встреч бывшего президента в папских покоях? Причем именно Горбачев, попирая конституционный принцип отделения церкви от государства, обходя Синод, открыл все шлюзы экспансии чужих нам вероисповеданий на исконно православных землях. Не об этом ли предостерегал еще Феодосий Печерский:

«…Не подобает также, чадо, хвалить чужую веру. Кто хвалит чужую веру, то все равно что свою хулит. Если кто будет хвалить свою и чужую – то он двоеверец, близок к ереси. Итак, чадо, берегись их и всегда стой за свою Веру…

Твори милостыню не своим только по вере, но и чужеверным. Если увидишь нагого, или голодного, или в беду попавшего – будь то жид, или другой какой иноверец, или латинянин, ко всякому будь милосерден, избавь его от беды, как можешь, и не лишен будешь награды у Бога, ибо и Сам Бог в нынешнем веке изливает милости свои не на христиан только, но и на неверных. О язычниках и иноверцах Бог в этом веке печется…

Если увидишь, чадо, иноверцев, спорящих с православным и хотящих оторвать его от Православной Церкви, – помоги

православному. Этим ты избавишь овна от пасти льва. Если же смолчишь и оставишь без помощи, то это все равно как если бы отнял искупленную душу у Христа и продал ее сатане…»

Не подобает мне, грешному, касаться таинств веры. Но то, что именно в это смутное шестилетие наметился новый раскол Церкви, который, по всем признакам, может превзойти все предыдущие, отметили и верующие, и атеисты. И начался он 1 декабря 1989 года, когда Горбачев впервые встретился с Иоанном Павлом II. Причем опять же без свидетелей, один на один, даже без переводчиков, поелику понтифик прекрасно владел русским (между прочим, украинским – не хуже).

О чем беседовали Первый атеист – Генсек и Первый представитель Бога на земле, до недавнего времени было сокрыто тайной.

Но ведь нет ничего тайного, что не стало бы явным. И в зарубежье были опубликованы воспоминания экспрезидента об этих встречах, причем с комментариями самого… папы!

О чем они? В частности и о том, что вся «перестройка» не только в СССР, но и в целой Восточной Европе состоялась благодаря… папе. То есть подтвердил Горбачев сказанное в журнале «Тайм».

Показательны и многозначительны признания Горбачева, что в общениях с понтификом он открыл в себе некие доселе неизвестные «спиритические качества», более того, согласие между ними приобрело и вовсе «инстинктивный, интуитивный характер». Папа тут же подхватывает: «Это правда. Между нами произошло что-то инстинктивное, как если бы мы уже были знакомы… Он (т. е. Горбачев) не говорил что верующий, но со мной – я помню – говорил об огромном значении, которое придает молитве».

Следующая встреча Генсека и понтифика – и снова в глубочайшей тайне – состоялась в ноябре 1990 года.

Наконец Горбачев удостоился личного послания Иоанна Павла II.

И что характерно: после каждой из этих встреч резко усиливалось давление католиков на православных.

Даже невооруженным глазом можно уловить прямую детерминированную связь между причиной (встречей) и следствием (усилением межконфессиональной конфронтации).

Но оставлю разбираться в этом деликатном деле теологам и иерархам. Меня же интересуют почти интимные признания высоких сторон: Горбачева – в том, что открыл в себе «спиритические качества», а связь его с папой носила «инстинктивный, интуитивный характер», папы – в том, что с ним

«произошло что-то инстинктивное, как если бы мы уже были знакомы».

Что-то странное и темное, если не сказать – запредельное, звучит в этих «признаниях». Уже сама посылка – «как если бы мы уже были знакомы» – сильно смахивает… на ламаистскую инкарнацию: человек в своем развитии претерпевает многочисленные «воплощения». То есть нынешнее его состояние – не первое и не последнее, а лишь этап в цепи воплощений. Следовательно, до своего рождения он уже был, но лишь в ином воплощении. Тогда позволительно спросить: в какой инкарнации папа… познакомился с фантомом, меченным именем «Горбачев», коль они, по свидетельству его святейшества, «как если бы… уже были знакомы»?

Я не позволю себе неуважительного отношения к папе римскому. Я лишь цитирую сказанное. И если эти цитаты страдают неточностями в переводе, буду рад взять свои слова обратно.

* * *

Но не слишком ли много «неясностей» накопилось со времени появления (вместе с кометой Галлея) в наших пределах Горбачева, чтобы и ныне еще считать эту сплошную цепь переворотов, глобальных катастроф в природе, обществе, в судьбах людей и целых народов простым наложением случайностей?

Не слишком ли плотно «нас окружают флажки роковые все туже»? И не впору ли задаться вопросом: «куда влечет нас рок событий?»

Пусть на это ответят астрологи: они ближе к звездам. Но как быть нам, простым смертным? Пассивно и смиренно, как доныне, ждать своей печальной участи, уповая на Второе Пришествие Господа, Который во всей славе Своей придет и победит зверя? Однако же перед тем, как, по Откровению, «схвачен (будет) зверь и с ним лжепророк» и «оба живые (будут) брошены в озеро огненное, горящее серою», – перед тем ведь состоится… Страшный Суд Христов! И, кроме зверя и лжепророка, будут и «прочие убиты мечом сидящего на коне, исходящим из уст Его». Если идти и далее по Откровению, то возникает вопрос: кто же эти «прочие»? Инопланетяне? Да нет же: «схвачен (будет) зверь и с ним лжепророк, производивший чудеса перед ним, которыми он обольстил принявших начертание зверя и поклоняющихся его изображению». То есть мы с вами, господа-товарищи, и есть те

самые «прочие».

И если еще можно на первых порах как-то простить нам, по неведению поверившим лжепророку, то ныне… То ныне, когда мы ведаем, в какую бездну материального и духовного обнищания нас ввергли поспешники лжепророка; как низко пала цена человеческой жизни и достоинства; как упорно подталкивают к противоприродной черте, за которой смертность превышает рождаемость, то есть к геноциду; как динамизируется своеобразный «естественный отбор», ведущий к ускоренному вымиранию фронтовиков, инвалидов войны и труда; как взращивают из наших детей поколение циничных торгашей, вытирающих адидасы о знамена, под которыми их же отцы и деды сражались и гибли «за нашу и вашу свободу»; когда поощряются предательство, отступничество и ренегатство как норма; когда за деньги продается все – от национальных святынь и родной земли вплоть до чести и совести – то ныне, когда мы все это и более того знаем, но так же, как и в пору «обольщения», тупо бредем за поспешниками зверя, – ныне сие нам не простится.

Я знаю многих и многих, которые, пугливо озираясь, по углам жмут руку немногим отважившимся бросить вызов темной рати, а на миру дрожащими голосками подпевают ее волчьему вою. Неужели они надеются, одновременно подыгрывая зверю и пугливо подмигивая идущим против зверя, – неужели они надеются проюлить сухими между каплями дождя?! Очнитесь: никто не уйдет от меча «сидящего на коне, исходящего из уст Его»!

Пробил роковой час, когда каждый обязан определиться: быть или не быть, сиречь: «делать дела… доколе есть день, пока не настала ночь, когда никто не может делать».

И первое, что предписывает нам Провидение: очиститься. Очиститься от скверны обольстившего нас, разорвать его липкие, просоченные ядом посулы, отринуть от себя лжепророка и указать другим, кто он воистину есть.

* * *

Не тешу себя надеждой замолить грехи свои от соприкосновения с ним, не уповаю, что мне, обольстившемуся его лукавыми прожектами, простится лишь за то, что я, пусть преступно поздно, но все же распознал его суть. Уповаю только на единое: в тот день мне зачтется хотя бы намерение очиститься. Но если позволит судьба помочь хотя бы еще одному обольщенному прозреть, я буду считать свой долг исполненным.

Ибо распознанный зверь уже не так опасен. Если же к этому одному прозревшему присовокупится еще один, еще сотня, еще тысяча и тысяча тысяч – спадет пелена с околдованной обольщениями толпы и образуется круг прозревших, которые увидят в центре его зверя и поспешников его во всей олицетворенности их злодеяний и тайных замыслов.

Этот круг света уже образовывается. И он хоть и медленно, но неотвратимо сужается, оставляя место, где – «озеро огненное, горящее серою».

Но горе тем, кто вообразит, будто зверь уже загнан в озеро кипящее! У него есть мощные поспешники за чертой круга, и они – по неведению или сознательно – но будут искать щель в нашем круге, дабы просунуть ему руку помощи. Об этом надо не только знать, но и делать соответствующие выводы.

Однако горе и тем, что за кругом, стремящимся споспешествовать лжепророку! И хотя мы имеем моральное право на возмездие им, тайно и злорадно предвкушавшим наш обвал, – мы не ступим на их кривую стезю. Нет, мы предупредим, чем закончится для них дьявольская игра, – и тем облегчим душу. А там уже их воля: прислушаться к нашему голосу или и дальше, лукавя, идти об руку со зверем к последней черте.

Не хотел бы очутиться в роли гонца плохих вестей, но я обязан сказать то, что знаю: всех, кто вошел в сделку со зверем – в слабо– или высокоразвитых странах, – ждут испытания, которые выходят за пределы воображения даже таких «гениев перестройки», как Бжезинский. Если мой слабый голос не пробьется к душам их, то пусть прислушаются к словам Преподобного Феодосия Печерского, обращенным к киевскому князю Изяславу: «Берегись, чадо, кривоверов и всех бесед их, ибо и наша земля наполнилась ими».

Не хочу уподобляться тем, кто, разрывая одежды и посыпая главу пеплом, вопит: мол, там, где он оставил отпечаток своей стопы, где присутствовал хотя бы миг, над всеми, с кем он обнимался, над целыми странами, где он побывал, над их народами – нависло крыло беды.

И над теми в Иерусалиме, кто возлагал над метой ритуальную ермолку. Как и над теми, кто канонизировал его «на первого немца». И над теми, кто призывал его помирить арабов и евреев. И над теми, кто награждал его «Зеленым Крестом» – подумать только?! – за спасение экологии.

Говорю все это не ради оправдания, с целью свалить вину на другого или других. Нет – вина моя доказана всей нынешней «мерзостью запустения» нашего общества. Я бы, конечно, мог сослаться на древнюю мудрость: мол, только собору дано

осознать себя собором. Кирпичику же, составляющему его, не дано осознать себя собором. То есть, пребывая в эпицентре событий как малая составная, я не мог – не дистанционировавшись – постичь всю дьявольскую комбинацию происходящего.

Однако это слишком зыбкое, если не жалкое, оправдание. Оно тем более несостоятельное, что я – какой ни есть, но все же писатель. Следовательно, и на меня распространяется формула: «творческое видение равнозначно предвидению».

К глубокой моей печали, именно механизм предвидения и не сработал. Что дает мне все основания вынести самому себе приговор: виновен, ибо не все возможное сделал, чтобы предотвратить этот обвал.

Если же кому-то покажется, что это всего лишь стенания «задним числом» и всуе, то он горько ошибается. Ибо кто даст гарантию, что «процесс уже прошел»? А что если он только начинается? И ведаем ли мы, что нас еще ждет впереди?..

Поэтому во имя тех, кто грядет, я обязан не только признать свою вину во всей этой заварухе, но и, в меру своих сил и возможностей, объяснить ее корни, чтобы грядущие хотя бы не повторили моих ошибок. Дабы уже сегодня ведали, кто есть кто, то есть действующих лиц и исполнителей, ибо они не сошли еще со сцены. Паче того, именно они и планируют это самое грядущее…

Послесловие

Когда эта книга вышла в первом издании, ей тут же были даны оценки ваших апологетов, Михаил Сергеевич, с выгодными себе, скорее подметными выгодами. Но с какой целью? Не с той ли, чтобы превентивно припугнуть и «образумить» автора? К сожалению, споспешники в очередной раз подвели Вас.

Ваши и некоторых Ваших апологетов намеки насчет какого-то особого моего состояния в период работы над книгой выдают с головой авторов сих весьма прозрачных догадок. «Что-то слышится родное» из тех недавних времен, когда неугодных квалифицировали как, мягко говоря, отклоняющихся от нормы.

Скорее мне бы надлежало усомниться в душевном равновесии некоторых моих оппонентов, ибо они приписывают мне то, чего я и не говорил, и даже в мыслях не имел. Да и неких дам, брызжущих полублатным арго, мог бы заподозрить в определенных органических изменениях. Но я, к счастью, никогда не сумею «подняться» до их морально-этического уровня.

Так что лично мое состояние (коль оно Вас интересует), как по тем, так и по нынешним временам, одинаково ординарное, то есть, как всегда, в «полевых условиях»…

Если вы в аналоги себе взяли Галилея (как перед этим де Голля), то сей великий ученый и муж, отступив перед костром, не стал отступником, поскольку «она все-таки вертится». То есть он отступился от костра, но не от объективной истины, следовательно, не остановил Земли вращенье.

Пожалуй, еще раз подчеркну – пожалуй, самый тяжкий грех состоит в том, что именно при Вашем правлении извечные морально-этические критерии перевернуты с ног на голову. Когда отступивший обвиняет непредавшего чуть ли не в отступничестве. Самое поразительное, что «потемнение в умах» охватило и честных, но наивных людей, которые возмущаются: как же мог человек, работавший вместе с Михаилом Сергеевичем, такое о нем написать?

Словно это не Горбачев, а я отступился от миллионов коммунистов. Словно это я, а не Михаил Сергеевич, когда мы выискивали гроши на ликвидацию последствий Чернобыля, цинично строил себе замок в Форосе, на который по нынешним ценам ушли миллиарды. Между прочим, сумма расходов и доныне сохраняется в тайне. Словно это я, а не Горбачев изменил общественно-политический строй. Словно это не Михаил Сергеевич, а я искалечил судьбы миллионов людей. Словно это я, а не Горбачев засадил в Матросскую Тишину своих самых близких

соратников, среди которых и друг юности, чуть ли не однокурсник Михаила Сергеевича. Словно это не экс-президент, а я принял звание «почетного гражданина Берлина», принял после того, как из списка почетных граждан были вычеркнуты великие маршалы и воины, победившие фашизм. Не перевернутся ли в гробах и братских могилах миллионы солдат, павших за правое дело?! Словно это благодаря моей, а не горбачевской непоследовательности взорвался Карабах, сдетонировавший кровавые межнациональные распри. Словно это благодаря мне, а не моему визави пошли по миру свыше миллиона беженцев. Словно это я, а не экс-президент пустил с сумою за черту бедности по меньшей мере 80 процентов сограждан!

* * *

Касательно же того, что я обо всем этом сказал поздновато, объяснюсь посредством исторического аналога.

В IV веке н. э. в Риме уже победило христианство. Флавий Клавдий Юлиан (331–363), будучи в душе отпетым язычником, в борьбе за скипетр прикинулся ревностным христианином и на плечах верующих взошел на трон. И буквально на второй день, сбросив личину, начал гонения на христиан.

Скажите, могу ли я обвинять христиан Рима в том, что они поздно уяснили, с кем имеют дело?

Скажите, могу ли я обвинять миллионы поверивших Горбачеву, который ежедневно крестился «социалистическим выбором»? Кто же на первых порах знал, что он в душе язычник, то есть приверженец совсем другого выбора?

Флавий Клавдий Юлиан вошел в историю под именем Юлиана Отступника. Но ведь содеянное последним несравнимо по глобальности обвала с учиненным Михаилом Отступником.

Похоже, вы намекаете, что я, как бывший большой друг и чуть ли не друг семьи, отступился. Ей-богу, не возьму в толк: или вы действительно пребываете в иррациональном состоянии, или и доныне имитируете таковое?!

Да, я, по наивности, безраздельно уверовав, до конца, даже после Фороса, в меру своих скромных сил и возможностей пытался хоть чем-то помочь Вам как человеку. Но…

Оказалось – и это свидетельствуют бывшие соратники – у Вас никогда не было друзей. Начисто лишенный чувства товарищества, Вы даже ближайших использовали всего лишь как материал, как средство для достижения определенных целей. Материал, который по мере ненадобности с холодной

жестокостью отбрасывали, так же холодно подыскивая новый, подходящий по одному Вам известной целесообразности и конъюнктуре. А уже в финальной части своей деятельности отбросили за ненадобностью «материал», состоящий из 16 миллионов живых человеческих судеб. Скажите после всего этого: можно ли отступиться от… отступника?

Нет, Михаил Сергеевич, Вы ушли за черту Добра. Между нами непроходимое поле, где лежат павшие за Добро, погребенные и еще не преданные земле, от которых Вы отступились, отдав их кости и могилы на поругание нынешним бесам. Вы отступились и от живых, украв у них смысл жизни, прошлое, настоящее и будущее.

И вот один из этих миллионов, смотрю на Вас через поле отчуждения, через долину смерти и в который раз спрашиваю себя, людей, время и космос: «Так кто же Вы и зачем пришли в этот мир?»

Касательно же вымыслов насчет «друга семьи», то это лишь еще раз подчеркивает Ваш моральный статус. Вы же ведь сами в одной из телебесед утверждали, что порог Вашего жилища слишком высок для кого бы то ни было, что Вы никого к себе и близко не подпускали.

А вообще-то ниже мужского достоинства – впутывать хотя бы родных и близких в крутое дело политики. Но, похоже, Вы и семью способны использовать как материал, как средство для достижения определенных целей…

Еще раз скажу: меня уже где-то лет двадцать не волнует, а ныне и подавно не взволнует так называемое «общественное мнение», ибо как журналист ведаю, кем и как оно организовывается.

Естественно, после выхода книги я должен был попасть под «обстрел» определенных рупоров (они сами теперь обозначаются). Нормальные читатели (а их преимущественное большинство, и книга написана для них), конечно же, разберутся, что к чему, и прежде всего в том, что автор лишь использует откровение Иоанна Богослова как параллельное объяснение темных мест в совершившемся и совершающемся.

Надеюсь, нормальный читатель понимает, что и «второй зверь», и давший ему силу необязательно по своему происхождению из ветхозаветных и новозаветных полей, а, вполне возможно, из реального мира сего. Последний тезис вызовет особо яростные нападки. Но умудренный опытом читатель уже сам вычислит: как и в первом случае, эти определенные рупоры одни и те же.

* * *

…Кстати, в «Гласности» были опубликованы раздумья «Здоровье и власть» по поводу одноименной книги академика Евгения Ивановича Чазова. Уж кого-кого, а его-то, многие годы бывшего главврачом Кремля, обвинить в обскурантизме вряд ли кому удастся!

Об этом, к слову, говорит и автор раздумий В. Асколонов: «Человек (т. е. Чазов. – *б. о.*), по самой натуре не терпящий мистики… по ходу повествования он тем не менее неоднократно возвращается к теме судьбы и рока, который, казалось, поражал неумолимо одного за другим советских руководителей. Причем в наиболее ответственный период развития отношений нашей страны с США. Решались судьбы разрядки и разоружения.

Рейган на одной из пресс-конференций посмеивался: только я соберусь в Россию для бесед с их лидером, как тот умирает. И действительно, приехал он только после того, как умерли Л. Брежнев, Ю. Андропов, К. Черненко, а к власти пришел М. Горбачев».

Е. Чазов определяет эту цепь смертей как нелепые. Ю. Андропов, например, во время прогулки в Крыму присел на гранитную скамейку, почувствовал озноб, затем у него с невероятной быстротой развилась флегмона, пришлось делать срочную операцию, после чего вскоре наступил исход.

Черненко, опять же в Крыму, в конце августа 83-го съел недоброкачественную рыбу. Острейшая инфекция вызвала сердечную и легочную недостаточность. Словом, из больницы Черненко вышел полным инвалидом.

После смерти Ю. Андропова (февраль 1984 г.) на то время самым сильным лидером, могущим претендовать на правопреемство, оставался Д. Устинов. Он умер в конце того же года. Чазов пишет: «Смерть Устинова была в определенной степени нелепой и оставила… много вопросов в отношении причин и характера заболевания. Осенью 1984 года состоялись совместные учения советских и чехословацких войск… В них принимали участие Устинов и министр обороны Чехословакии генерал Дзур. После возвращения с маневров Устинов почувствовал общее недомогание, появились небольшая лихорадка и изменения в легких… Удивительное совпадение: приблизительно в то же время, с такой же клинической картиной заболевает и генерал Дзур… Устинов, к сожалению, в дальнейшем погиб от нарастающей интоксикации».

Наверное, уж этот случай почти одновременного заболевания двух военачальников с одинаковой клинической картиной нельзя

назвать «нелепой случайностью» или роком.

Скорее роком или превратностями судьбы можно было бы считать аварию, в которую попал сам Чазов. Но после всего сказанного почему-то вспоминается гибель Петра Машерова: ныне уже ясно, что это была не случайная автокатастрофа.

Упомянув о не очень мотивированных скачках в состоянии здоровья Л. Брежнева, которые отмечал Е. Чазов, когда периоды «неадекватности» астенического синдрома неоднократно перемежались у руководителя страны с периодами прояснения и проявлением незаурядной жизненной энергии, автор раздумий напоминает, что за рубежом разработана целая наука, прогнозирующая «закат и смену ответственных государственных деятелей… Насчитывает она немало лет. Не меньше лет насчитывает и наука устранения неугодных влиятельных лиц, которые способны мешать чьим-то замыслам и тем самым расчищать путь другим».

* * *

Конечно, неискушенному читателю легко вообразить лежащее на поверхности: нож, пулю, пластиковую мину и прочее в том же духе. Но американские исследователи в книге «ЦРУ и культ разведки» свидетельствуют, что, кроме убийств, спецслужбы в свою «программу» включили также воздействия, которые вызывают «лишение способностей», дегенерацию личности, ее дезинтеграцию, роботизацию, необратимые изменения психики, мышления, включая и оккультные методы влияния на мозг. Программа получила название «Сверхконтроль над разумом».

Далее автор уже без обиняков свидетельствует: «Ученым известна группа лиц в Москве, которая в последние годы напряженно трудилась над практическим применением контроля над сознанием. Продолжая исследования ЦРУ, она могла испытывать на населении воздействие мощных излучателей, угнетающих биологические возможности организма. Их существование – не секрет. Видимо, их применяют и сейчас. Эти излучатели, действующие в микродиапазоне, плюс «бесконтактное» влияние (автор имеет в виду экстрасенсов, получивших опасно неограниченную телевозможность для массовых экспериментов), а также психотропы… помогали «расчистке», готовили переворот, который большинство народа должно было воспринять в стадном неведении».

Словом, многие из «темных» мест начинают проясняться. А с

течением времени и вовсе станут ясными как божий день. В частности, и то, о чем спрашивает сам себя В. Асколонов: «Каким образом они (экстрасенсы то есть) получили возможность, особенно через телевидение, подвергать все население страны регулярному воздействию подсознательного, не поддающегося контролю внушения… Практически в течение года, причем решающего для судеб страны, нас успокаивали, приводили в инертное состояние маги и чудодеи, получившие самую широкую в мире аудиторию. Что они внедряли в подсознание людей?»

Уверен: ответ скоро будет получен. Ибо нет ничего тайного, которое не стало бы явным…

Горбачев и план «Лиоте» Филипп Бобков

План «Лиоте»

…Уже в 1950 году в директиве США СНБ 20-1 говорилось о том, что «психологическая война чрезвычайно важное оружие для содействия диссидентству и предательству среди советского народа; она подорвет его мораль, будет сеять смятение и создавать дезорганизацию в стране…»

Возникает вопрос: как этот план вообще мог появиться еще при жизни Сталина, когда, казалось бы, именно с психологической стороны разрушить веру советских людей в правильности их устройства жизни было просто невозможно? Ответ в слове «Лиоте». История такова: французский генерал по фамилии Лиоте во время войны в Алжире приказал своим войскам высадить деревья вдоль дорог. Он мечтал о прохладе и объяснял, что в тени деревьев можно будет спрятаться от палящего солнца Алжира. Его не понимали – эти деревья вырастут лет через 50, саженцы не дадут сейчас передышки от жары. Лиоте ответил, что на смену ему и его солдатам придут другие. Под кронами деревьев, в прохладе, они с благодарностью вспомнят о них.

Взяв эту историю как метафору, иностранные спецслужбы в 50-х годах разработали план под кодовым названием «Лиоте». Это был первый серьезный документ «холодной войны», он пришел из Англии, как и первый клич к этой войне (имею в виду, конечно же, речь Черчилля в Фултоне). План «Лиоте» предусматривал далекую перспективу – он не был рассчитан на скорую удачу, скорее, исходил из того, что говорит наша пословица: «Вода камень точит». Цель в плане была обозначена достаточно четко – постепенное изменение государственного строя в СССР, развал нашей страны.

Американцы пошли еще дальше, они разработали механизм длительного разрушения Советского Союза, он состоял из двух разделов. В первый входило ведение массированной, широкомасштабной работы, направленной на подрыв государственного строя изнутри. К этому разделу были привлечены ранее существовавшие и вновь созданные центры, которые выделили особо три направления: компрометация компартии как руководящего органа страны с целью полного ее развала и ликвидации; разжигание национальной вражды; использование авторитета церкви.

Во второй раздел входил так называемый «проект демократии», который предусматривал широкомасштабную помощь тем кругам в СССР и в странах Восточной Европы,

которые находились в оппозиции к правящему режиму. Помощь планировалось предоставлять в виде денежных средств, вооружения, типографского оборудования, предусматривалось необходимое снаряжение для подрывной деятельности и осуществления тайных операций, вплоть до физического устранения неугодных лиц.

Смерть Сталина послужила сигналом: английские и американские спецслужбы с большей уверенностью принялись реализовывать планы изменения государственного строя в нашей стране. Серьезные усилия предпринимались не только по линии разведок, но и по линии государственных структур. Сразу после смерти Сталина, летом 1953 года появилось первое послание президента США Эйзенхауэра к советскому народу, опубликованное в центральных газетах СССР, в том числе в ведущем в то время издании «Правда». Оно выдавало глубинные расчеты американских политиков, было одним из первых таких нажимов идеологического плана, когда начали пробовать, насколько теперь, после смерти Сталина, устойчива советская власть.

* * *

Удар Хрущева на XX съезде партии по эпохе Сталина открыл возможность Западу иными глазами взглянуть на, казалось бы, нерушимое государство, каким они видели СССР. Государственный секретарь США Джон Фостер Даллес в своей книге «Мир или война» (на русском языке она вышла примерно в 1957 году) сказал: «Мы истратили много миллиардов долларов за последние пять лет, готовясь к возможной войне с использованием бомб, самолетов и пушек. Но мы мало тратили на «войну идей», в которой терпим поражение, не зависящее, ни от какой военной силы». И до этого высказывания, и после ведомство его брата, тогдашнего директора Центрального разведывательного управления США Аллена Даллеса, на «войну идей» имело солиднейшие ассигнования, только «войной идей» называлось финансирование формирований, групп, и отдельных лиц, которые соглашались вести антисоветскую деятельность.

Сегодня уже не раз цитировалось высказывание этого главы ЦРУ о том, где они таких людей собирались искать: «… Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и

союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания…». И если вспоминать 90-е годы, то можно видеть, что все это было осуществлено…

Одновременно с громкими заявлениями начали создаваться специальные структуры в НАТО, в его координационных центрах появлялись подразделения по организации психологической войны, появилась широкая сеть целенаправленных радиостанций. Был создан комитет радио «Свобода», который полностью финансировал конгресс США. В этом комитете трудилось немалое число сотрудников американских спецслужб – они имели там официальные должности. Вещание было организовано на 22 языках (с учетом практически всех народов, населявших СССР и ряд социалистических стран). Деятельность этого радиокомитета шла по двум направлениям: с одной стороны, радиопропаганда, в которой умело использовались все промахи и просчеты лидеров партии и государства. Шло «промывание мозгов», и делались прямые призывы к открытой борьбе с существующим коммунистическим режимом.

С другой стороны, по существу, шла агентурная работа, поиск сообщников, объединение их в группы, оказание им материальной помощи, с тем чтобы они создавали внутри страны так называемые «очаги сопротивления», которые способны были бы в нужный момент выступить с поддержкой тех, кто возьмет на себя смелость начать открытую борьбу. В программе комитета говорилось о том, что его целью, наряду с прочим, является необходимость добиваться конструктивных изменений в СССР. Это был один из серьезных центров идеологической диверсии. Именно диверсии, а не только пропаганды…

Можно привести немало документов, раскрывающих деятельность американских и английских спецслужб, но сегодня их уже вполне достаточно обнародовано. В откровенности инструкциям американских спецслужб для своих адептов на территории СССР, не откажешь, там, к примеру, говорилось: «Каждому социальному бунту или недовольству необходимо немедленно придавать национальный характер. Национально-политические цели должны быть доминирующими мотивами, даже если первопричина была не в этом…».

* * *

Позже, уже при Брежневе, западные спецслужбы вбросили в

страну название «диссиденты». И это было не случайно – надо было найти красивую форму, маску, под которой можно было бы скрыть мотивы, а чаще цели тех, кто выступал в СССР против существовавшего конституционного строя, кто встал на путь сотрудничества с западными центрами «холодной войны». Даже ненавидевшие страну «наниматели» таких людей не скрывали презрительного к ним отношения, достаточно еще раз обратиться к цитате одного из таких специалистов-идеологов Алена фон Шарка, который достаточно цинично обнажал ситуацию: «Если государство Советский Союз предпримет какие-либо шаги против подобного рода отщепенцев (так именует автор диссидентов, действующих против строя своей страны. – *Ф. б.*), необходимо как можно шире афишировать эти меры как несправедливые, чтобы вызвать, с одной стороны, сочувствие к ним, к отщепенцам, а с другой стороны, недовольство коммунистической системой».

В 70-е и особенно в 80-е годы была сделана ставка на так называемое «правозащитное движение». Это отчетливо проявилось после Совещания по вопросам разоружения и безопасности в Европе, которое состоялось в Хельсинки в 1975 году. Достижение договоренностей о сокращении ядерных и обычных вооружений, прежде всего военных потенциалов США и СССР, и о нерушимости границ в Европе стало событием величайшей важности. Однако Запад компенсировал это условиями, заложенными в так называемую «третью корзину», – это раздел соглашений по правам человека (свобода слова, печати, передвижений и т. д.). Центры «психологической войны» не преминули этим воспользоваться. Под эгидой политического отдела посольства США, и в частности его сотрудника Ричарда Холмса, создавались «хельсинские группы» борцов за права человека в СССР, которые легализовали тех, кто вел незаконную деятельность против советской власти.

Это была серьезная и глубоко разработанная программа борьбы с Советским Союзом. Спецслужбы США получили практически легальную возможность поддерживать и руководить движением, направленным на перемену строя внутри СССР. Иметь отряды диссидентов, под вывеской борьбы за права человека.

Сохранилось множество документов, это подтверждающих. Вначале такую роль играли письма против отдельных правительственных решений и акций, затем возникла «Хроника текущих событий», вокруг которой стали сплачиваться «борцы за права человека в СССР», – за все платили специальные центры Запада. Позже (при том же финансировании и организации) стала распространяться программа «Демократическое движение в

СССР», а затем «Тактические основы демократического движения в СССР».

* * *

Представление о задачах и методах действия «диссидентов» и «правозащитников» дает выступление Ю.В. Андропова на Пленуме ЦК КПСС 27 апреля 1973 г.

Ю.В. Андроповым были приведены слова сотрудника американской разведки, одного из руководителей «Комитета «Радио Свобода»: « *мы не в состоянии захватить Кремль, но мы можем воспитать людей, которые могут это сделать, и подготовить условия, при которых это станет возможным».*

Далее Андропов изложил план ЦРУ в этом направлении: «На первоначальном этапе предусматривается установление контактов с разного рода недовольными лицами в Советском Союзе и создание из них нелегальных групп. На последующем этапе намечается консолидировать такие группы и превратить их в «организацию сопротивления», то есть в действующую оппозицию…».

Приведем еще один важный документ, направленный Ю.В. Андроповым в ЦК КПСС 24 января 1977 г.: «О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан»:

«По достоверным данным, полученным Комитетом государственной безопасности, в последнее время ЦРУ США на основе анализа и прогноза своих специалистов о дальнейших путях развития СССР разрабатывает планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию социалистической экономики.

В этих целях американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза.

ЦРУ разработало программы индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающей приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку. Кроме того, один из важнейших аспектов подготовки такой агентуры – преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства.

Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести

поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи. При этом ЦРУ исходит из того, что деятельность отдельных, не связанных между собой агентов влияния, проводящих в жизнь политику саботажа и искривления руководящих указаний, будет координироваться и направляться из единого центра, созданного в рамках американской разведки.

По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агентуры влияния будет способствовать созданию определенных трудностей внутриполитического характера в Советском Союзе, задержит развитие нашей экономики, будет вести научные изыскания в Советском Союзе по тупиковым направлениям. При выработке указанных планов американская разведка исходит из того, что возрастающие контакты Советского Союза с Западом создают благоприятные предпосылки для их реализации в современных условиях.

По заявлениям американских разведчиков, призванных непосредственно заниматься работой с такой агентурой из числа советских граждан, осуществляемая в настоящее время американскими спецслужбами программа будет способствовать качественным изменениям в различных сферах жизни нашего общества, и прежде всего в экономике, что приведет, в конечном счете, к принятию Советским Союзом многих западных идеалов».

ТриумФ «Лиоте». Горбачев и «перестройщики»

…Я начну с небольшого отступления. В 1974 году в Гаване шла международная встреча делегаций органов госбезопасности социалистических государств. Все были довольны инициативой кубинцев, такого рода мероприятие проводилось впервые. Обычно оперативные дела обсуждались на двусторонних встречах, а здесь предстоял предметный разговор широкого круга профессионалов о том, как странам социализма объединить свои усилия в защите от подрывной работы центров «холодной войны», обмен опытом и мнениями.

Заседания проходили в прекрасном зале Дворца революции. Настроение у всех участников было приподнятым, влияла торжественность и атмосфера близкого товарищества. Приятно было слушать руководителя кубинской делегации Амира Абрантеса, чувствовать убежденность в идеях социализма и непоколебимость в борьбе с противником, прежде всего со спецслужбами ближайшего соседа – США. Было очень интересно и важно прослушать выступления других делегаций, представляющих органы безопасности Польши, ГДР, Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Монголии и республик СССР.

Но сказать, что было просто интересно слушать высокообразованного, ясно мыслящего, мудрого политика, убежденного коммуниста, начальника контрразведки Чехословакии Мольнара, – значит ничего не сказать. Его выступление потрясло нас – это было очень серьезно. Он сказал следующее:

«Все выступавшие рассказали много интересного о положении дел на линии борьбы с идеологической диверсией противника. Опасность ее для всех понятна: противник ищет силы внутри наших государств и находит тех, кто идет на сотрудничество с ними, подрывает власть, борется с социалистическим строем. Все правильно…

Но хочу предупредить вас, настоящая опасность наступит тогда, когда на сотрудничество с противником пойдут представители властных структур, лица, стоящие у власти. Мотивы их сближения с противником могут быть разными. Это может быть стремление найти гарантии укрепления личной власти, слабая убежденность в социалистическом мировоззрении, научная неподготовленность…

Говорю это на опыте моей Чехословакии. Мы пережили то,

что творили руководители государства во времена Дубчека, то, что делал он сам. И органы государственной безопасности не могли препятствовать тому, что вело к гибели строя. Мы не могли выступить против власти, потому что народ верил власти, а не тем, кто выступает против нее. Тем более что они прикрывались клятвами в верности идеям Маркса и Ленина, утверждали на словах социализм, борясь с изъянами прошлого. Стать «переворотчиками» мы не могли.

Хочу предупредить и призвать вас подумать, как поступать в таких случаях. Одно дело подпольная борьба отдельных лиц или групповых формирований, которые вступили в сотрудничество с противником. И совсем другое, когда происходит изменение позиций руководителей партии и государства в сторону от социалистического пути развития. Ревизионизм охватывает высшие эшелоны власти…»

Можно представить, какое сильное впечатление произвело на всех это выступление. Многие были растеряны: как отреагируют на такое власти в социалистических странах? Особенно затревожились польские коллеги, – в их стране уже прорисовывались тенденции, о которых говорил Мольнар. Но все-таки применительно к СССР мне это казалось чудовищной фантастикой – в первой и главной стране социализма такого быть не может…

Потом, спустя много лет, выступление Мольнара в Гаване, его предупреждение не только вспоминалось, – осуществлялось на глазах, в СССР шла горбачевская «перестройка». Государство убивали, находясь в здравом уме и твердой памяти, первые лица страны и их ближайшие соратники – аналогов такому событию в человеческой истории нет. Не могу утверждать, были ли они агентами, но то, что их действия, в конечном счете, совпали с планами западных спецслужб и политиков, – очевидно.

* * *

Надо признаться, что когда пост Генерального секретаря ЦК КПСС занял в 1985 году Михаил Сергеевич Горбачев, у меня эта информация вызвала вздох облегчения. Горбачев производил впечатление здорового и цветущего человека, с живым умом и хорошим чувством юмора. Единственное, что напрягло через какое-то короткое время, – это то, что он снял из всех своих документов и выступлений имя Андропова. Произнес его только раз, на похоронах. Потом прибавились новые вопросы: люди, которыми он себя окружал и от которых избавлялся, кадровая

чехарда.

Перестройка, замысел которой стал очевиден лет через пять, явилась великим обманом. Печально, но надо признать, что в обмане участвовали и люди, беспредельно верившие, по традиции, воспитанной партией, своим вождям и лидерам. Опомнились потом, но поздно. К числу их отношу и себя. Как и другим, мне приходилось утверждать полезность и необходимость перестройки, голосовать за неизвестные мне реформы. Потому что все сознавали: страна действительно нуждается, как тогда говорили, в «свежем ветре перемен».

Однако скоро выяснилось, чем обернулась перестройка для нашей страны. Для понимания положения, в котором был тогда Советский Союз, с любезного разрешения писателя-историка Святослава Рыбаса, воспользуюсь материалами из его книги «Сто лет внутренних войн. Краткий курс истории России XX века».

«Общее состояние страны было очень сложным. В 1985 году началось обвальное падение мировых цен на нефть. Валютные поступления СССР, позволившие поддерживать стабильность, уменьшились в три раза. В 1986–1988 годах бюджет потерял около 40 млрд. долларов, экспорт советского оружия снизился на 2 млрд. долларов.

Чтобы увеличить объем ресурсов, обратились к бюджетному заимствованию: союзный бюджет в 1988 году был сверстан с дефицитом в 60 млрд. рублей, стала нарастать инфляция. Пришлось обратиться к зарубежным займам. К 1990 году государственный долг составлял 400 млрд. рублей (44 процента ВВП).

В 1989 году разразился валютный кризис. В начале 1990 года Внешэкономбанк СССР прекратил платежи иностранным фирмам за поставку в СССР товаров цветной и черной металлургии. 16 июня, выступая в Железноводске, Горбачев высказался о возможности пролонгировать возвращение внешних долгов. Это мгновенно отразилось на западных рынках, Банк Англии сразу занес СССР в «черный список» ненадлежащих должников. Кроме того, большинство западных стран стали увязывать предоставление кредитов «со скорейшим принятием в Советском Союзе реальной программы перехода к рыночной экономике с четким распределением компетенции центрального правительства и союзных республик». Это был первый звонок Москве, предупреждавший, что Запад не будет церемониться с СССР.

В январе 1990 года страны СЭВ перешли на взаиморасчеты в долларах (на этом советский мировой экономический проект закончился), товарооборот резко сократился и отлаженная

система промышленной кооперации стала разваливаться. Одновременно быстро разбухали денежные накопления населения в связи с неудовлетворенным спросом на товары народного потребления. Из 989 видов товаров в относительно свободной торговле находились лишь 11 процентов товаров. Из продаж исчезли телевизоры, стиральные машины, мебель, ученические тетради, карандаши, клеенки, лезвия для бритья, мыло, стиральный порошок.

Цепь непродуманных решений усугубляли финансовые проблемы государства. Сокращение производства спиртных напитков (в 1985 году продажа водки составляла 24 процента в товарообороте), принятие закона «О кооперации», позволяющего государственным предприятиям бесконтрольно переводить деньги из безналичного обращения в наличный, разбалансировало финансовую систему.

Получившие большие права предприятия поднимали цены на свою продукцию, а коммерческие банки (их было создано свыше тысячи) бесконтрольно обналичивали деньги, выводили их из-под государственного контроля. Через коммерческие банки ежегодно «отмывалось» 70–90 млрд. рублей. Через них «теневая» экономика, где тогда работало около 15 млн. человек, получила возможность быстро легализоваться. На заседании Политбюро 29 января 1990 года председатель правительства Н.И. Рыжков сказал, что в Верховном Совете действуют лоббисты «теневой экономики» и заявил, что переток денег из безналичного расчета в наличный «создает мощную инфляцию» (В Политбюро ЦК КПСС. По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова (1985–1991). М., 2008, с. 583).

Шахтерские забастовки 1989 года поставили советское руководство в безвыходное положение: рабочие потребовали кардинального улучшения снабжения товарами, но власть могла только поднять заработную плату, что еще больше разгоняло инфляцию и обостряло проблему дефицита.

На заседании Политбюро 16 февраля 1989 года председатель правительства СССР Н.И. Рыжков отметил, что превышение расходов над доходами составило 133 млрд. рублей. Эмиссия в 1988 году достигла 11 млрд. – больше, чем в любой другой год после войны. (В Политбюро ЦК КПСС. По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова (1985–1991). М., 2008, с. 521). На пленуме ЦК КПСС в сентябре 1989 года министр внутренних дел СССР В. Бакатин заявил, что за 8 месяцев текущего года «совершено полтора миллиона преступлений, из них 240 тыс. – тяжелых. Рост на 40 % беспрецедентно». (Там же, с. 532).

* * *

Горбачевская группа начала кампанию сокрушения «противников перестройки» в лице руководителей планово-распределительных органов (министров, старых членов ЦК, региональных руководителей). Были объявлены курс на «демократизацию» и «гласность». СМИ были переполнены развенчиванием советской истории, новой волной десталинизации.

После XIX партийной конференции (июнь 1988 года) перемены резко ускорились. Начата политическая реформа, которая должна была привести к созданию новой системы власти и слому существующего порядка управления. Отныне, как сказал на конференции Горбачев, во главе системы должна была стоять не партия, а «Совет народных депутатов как орган народовластия». Первые секретари райкомов, обкомов, ЦК должны были пройти через альтернативные выборы, чтобы возглавить Советы соответствующих уровней. Горбачев предупредил, что партия больше не будет пребывать «в условиях идеологического комфорта».

В марте 1989 года прошли альтернативные выборы народных депутатов, но многие партийные руководители не были избраны. На первом Съезде народных депутатов сформировалась оппозиционная идейно сплоченная и интеллектуально сильная Межрегиональная депутатская группа (МДГ). В нее входили академики А. Сахаров, Ю. Рыжов, адвокат А. Собчак, бывший первый секретарь Свердловского обкома партии и бывший кандидат в члены Политбюро Б. Ельцин и др.

На внеочередном Съезде народных депутатов СССР (март 1990 года) была отменена 6-я статья Конституции, законодательно закреплявшая руководство КПСС. Тогда же Горбачев был избран съездом Президентом СССР. Фактически произошло то, что вскоре получило название «самоубийство КПСС»: не создав действительно новой системы власти, она демобилизовалась. Это можно сравнить с отречением от престола Николая II, который глубоко заблуждался в способностях тогдашней оппозиции удержать власть. Но в случае с Горбачевым страна не находилась в длительной мировой войне, не было никакого непримиримого конфликта интересов в обществе и не было никакой «революционной ситуации». (Афганская война была болезненным, но локальным явлением.)

Как только КПСС стала уступать власть, она превратилась в живой труп, от которой надо скорее избавиться. Последовали односторонние решения прибалтийских республик о создании

независимых национальных государств. Началось бегство республиканских элит от центра, который представлялся источником слабости. 12 июня 1990 года Съезд народных депутатов Российской Федерации принял декларацию о государственном суверенитете России и верховенстве российских законов. Борис Ельцин, избранный председателем Президиума Верховного Совета РСФСР, стал лидером оппозиции. В СССР началось двоевластие. Российские власти первыми начали рыночные реформы, приняли ряд постановлений, ограничивающих действие законов СССР на территории РСФСР.

Особенно сильный удар получила союзная финансовая система после того, как российское руководство решило ограничить поступление налогов в центральный бюджет. С этого момента распад СССР был неизбежен. Вслед за Россией декларацию о независимости приняли 20 июня Узбекистан, 23 июня – Молдавия, 16 июля – Украина, 27 июля – Белоруссия. Карелия объявила о суверенитете 10 августа, затем Татарстан, Башкортостан, Бурятия, Абхазия…

Положение союзного руководства усугублялось с каждым днем. Оно в глазах общественности превратилось в реакционеров, не желающих улучшить жизнь народа либеральными реформами. Авторитетные представители интеллигенции выступили на стороне Ельцина, который в глазах большинства стал выразителем национальных интересов России». [Конец цитаты]

* * *

В дополнение ко всем этим фактам, изложенным историком, приведу один эпизод из моих личных воспоминаний. Это было на первом Съезде Совета народных депутатов РСФСР, избранных в 1990-м. Там был выдвинут план о суверенитете России. Даже само название звучало, мягко выражаясь, – странно. А провозглашалось верховенство российских законов над общесоюзным. Ни в одной стране мира не было такого. Как могут, например, законы Саксонии, Тюрингии или Баварии верховенствовать над федеральными законами Германии? Правда, в любом штате Америки существуют свои собственные законы, но они не противоречат Конституции США.

Если республика может не подчиняться конституционным законам СССР, не признавать и не выполнять их, значит, она может не признавать и самого СССР. В декларации также было сказано о том, что новый закон вводится в действие с момента его принятия. На этом особенно настаивал только что избранный

председатель Верховного Совета Борис Николаевич Ельцин. Понимая, что это практически означает отмену действующей Конституции РСФСР и грубейшее нарушение Конституции СССР, я понял, что надо срочно что-то предпринимать.

Стало еще тревожнее, когда кто-то из собеседников обратил внимание, что и в других выступлениях звучала идея расчленения Союза и выступающим никто не возражал. Просить слова? Съезд заведенный, взбудораженный – не поддержат, это все равно, что воду черпать решетом. Я предложил немедленно идти к Горбачеву, благо он находился близко, в Кремлевском дворце съездов, на учредительном съезде компартии РСФСР.

Собеседники согласились, хорошо понимая всю ответственность такого шага. Шел проливной дождь, но мы от волнения даже не замечали, что идем вдоль стен зданий под потоками воды с крыш.

Во Дворце съездов я попросил срочно разыскать Плеханова, начальника 9-го Управления КГБ, ведавшего охраной Политбюро. Попросил его, также срочно, пригласить из зала Крючкова, чтобы посоветоваться с ним перед тем как идти к Горбачеву. Плеханов привел сразу двоих – и Крючкова, и Горбачева. Мы показали проект декларации, объяснили, в чем суть тревоги. Горбачев прочитал, подумал и сказал:

– Ничего страшного не вижу. Мы уже многое обсуждали.

– Это же, по существу, отказ от властных полномочий Союза, – изумились мы.

– Да нет, это Союзу не угрожает… Но если вы не согласны, покиньте съезд. Такая демонстрация может быть только полезной… А причин реагировать на это союзным властям я не вижу, – сказал Горбачев.

Назад мы шли молча, не в силах что-либо осмыслить. Поразила двойственность ответа, хотя уже к тому времени мы не раз ее наблюдали. На каком-то этапе все стали замечать двойственность его поведения: одно произносилось в каком-то узком кругу, где вырабатывались политические решения, а прямо противоположное – внедрялось в практику. Я был на пленуме ЦК партии, лично слушал, что он говорил, вернувшись из ГДР – «мы эту страну в обиду не дадим». А дальше ФРГ растоптал, поглотил Восточную Германию – и Хонеккер, и все окружавшие его коммунисты попали в ситуацию репрессий. И Горбачев ничего не сделал для их защиты.

Примеров таких можно было привести огромное множество, и все-таки эта новая ситуация, проявляющая двойственность Горбачева, когда он, с одной стороны, говорит о том, что ничего опасного, а с другой – предлагает: «покиньте съезд», доводила до

абсурда сам смысл происходящего. А потом выплыло главное: верховенство законов России над советскими – это угроза СССР, шаг к развалу, неужели президент этого не понимает? Но такого быть не может. Значит, он допускает развал страны, расчленение.

* * *

Возникает закономерный вопрос: а что же делал в этих условиях КГБ? Почему органы госбезопасности не противостояли тем, кто, находясь у власти, предрешил гибель государства?

Как-то в Ленинграде (в 70-х годах) мне показали в архивах КГБ 200-страничный том, полностью написанный от руки и датированный 1915 годом. Это было произведение одного капитана жандармерии, который описывал ситуацию в социально-демократических кругах: большевиков, меньшевиков, социал-революционеров и т. д. Очень подробно и тщательно, что выдавало глубокое знание вопроса, офицер «охранки» описывал дискуссии «нигилистов», объясняя, как была разработана их стратегия. Самое важное: он писал черным по белому, что власти зря недооценивают личность Ленина! Он заканчивал пророческой фразой: «Сила, способная произвести смену политической власти в России, уже родилась». Как мы знаем, царский режим не воспринял этого предупреждения.

Руководители КПСС вели себя подобным же образом в то время, как их постоянно предупреждали о развитии угрожающих центростремительных тенденций в нашей стране. В перестроечные годы таких примеров было множество. За два года до развязывания событий в Нагорном Карабахе и до развязывания войны – назовем вещи своими именами – между Арменией и Азербайджаном я сам лично предупреждал секретаря КПСС Лигачева об опасности кровавого конфликта. Горбачев также ничего не вынес из ситуации, но продолжал свои двусмысленные высказывания – необдуманно привечал одних, отвергал других. Ситуация воспалялась, а Кремль продолжал повторять нам: «ничего страшного не происходит, не драматизируйте». В 1988 году во время погромов в Сумгаите и первых столкновений в Нагорном Карабахе Лигачев признался мне, что вспоминал о нашей встрече. К сожалению, уже было пролито немало крови…

И что было потом – общеизвестно: первые беженцы, тысячи трагедий…

Возьмем события в Тбилиси… Там поражали оценки, которые давались на основании абсолютно придуманных фактов. Поясню свою мысль. Когда произошла трагедия в Тбилиси, погибло 16

человек. Она была спровоцирована не теми людьми, которых затем обвинили. Ее организовали те, кто потом пришли к власти в независимой Грузии, плюс те силы, которые хотели столкнуть Патиашвили с центром.

Они родили версию о том, что гибель людей – от того, что солдаты били их саперными лопатками. И это все… Шеварднадзе прилетел туда, кстати говоря, с большим опозданием. И он начал эту линию проводить – лопатки, от лопаток погибли. Хотя от лопаток не погиб ни один человек, и даже раненных лопатками не было. Погибли все от удушья, от давки в толпе. Когда Шеварднадзе выступил с этими лопатками, я ему сказал, что он находится в большом заблуждении. А он: «Как заблуждение? Вот говорят люди». Я ему: «Хорошо, тогда покажем кинофильм, который снят на площади во время этой давки». – «Какой кинофильм? А кто вам дал право снимать?» Я ответил, что это наша обязанность – документировать такого рода события, иначе мне сейчас и разговаривать было бы не о чем. Привел его в комнату, где поставили аппаратуру, и показал все, что было на площади. Там никаких жертв лопаток не было.

Но тем не менее версию лопаток поддержали, она дошла до Съезда народных депутатов СССР. И остался один генерал Родионов, который смело доказывал, что это не так. Когда комиссия Собчака закончила свою работу, я позвонил ему и сказал, что хотел бы свидетельствовать комиссии. Собчак ответил: «Нет, мы завершили работу. У нас полная ясность». «А как с саперными лопатками?» – спросил у Собчака. Он вспылил и ответил: «Что вы? Какие лопатки?» Но спустя день об их применении на заседании Верховного Совета говорилось в полный голос, опираясь на выводы комиссии Собчака, в честь которого, как говорили тогда, и улицу в Тбилиси назвали. Истину продолжал отстаивать один генерал Родионов. Так дискредитировали советскую власть в присутствии лиц, возглавлявших в то время ее высший орган – Верховный Совет…

А на всякую информацию о действиях Запада, подталкивающего разрушительный процесс, о гибельных для страны внутренних сложностях у Горбачева был один ответ: «Комитет госбезопасности драматизирует обстановку».

* * *

В 90-х годах, когда стало очевидно, что сами лидеры ведут страну к краху, положение КГБ и армии было непростым – они подвергались большой дискредитации, разрушался их авторитет

среди населения. Народ не пошел бы за ними. К тому же органы КГБ, как и армия, не могли идти против власти – все было так, как это формулировал много лет назад Мольнар. Да и как могли органы, подчиненные власти, выступить против власти? Это – роль заговорщиков…

Вспоминается в этой связи рассказ маршала Манштейна об обстановке в Германии перед приходом Гитлера к власти. Армия не разделяла его идейных, расовых теорий, была готова выступить против фашизма. Но страна, народ в то время уже были зачарованы обещаниями Гитлера и армию, как пишет Манштейн, никто бы не поддержал. Она оказалась бы силой рвущихся к власти заговорщиков.

Другой вопрос – как мог мириться советский народ с тем, что его лишали страны? Одна из причин крылась в потере чувства реальной опасности «холодной войны». В годы Великой Отечественной войны широко звучала песня: «Вставай, страна огромная… Идет война народная…» Народ, практически весь как один, встал на защиту своей многонациональной Родины. Когда впору было петь «идет война холодная» – разлеглись, отстранилось не только государство, но и население. Мы слишком долго праздновали победу и без конца каялись.

Нас превратили в нацию грешников, которым бесконечно стыдно за своих предков и «преступное» государство…

Путч Горбачева в августе 1991 г Валентин Павлов

Август 1991-го начался 3-го числа расширенным заседанием Кабинета Министров СССР с участием руководителей правительств союзных республик под председательством Президента СССР. На повестке дня вопросы «О прогнозных оценках производства сельскохозяйственной продукции в 1991 году и обеспечении населения страны продовольствием», «Об обеспечении народного хозяйства топливом», «Об экономическом соглашении меду Союзом ССР и суверенными республиками», «Об организации Межреспубликанского комитета по иностранным инвестициям» и «О преобразовании ВДНХ СССР в акционерное общество «Межреспубликанский деловой выставочный центр».

От ведения этого заседания с такой повесткой Горбачев долго уклонялся. Неоднократные переговоры с ним, мои лично и особенно В. Щербакова, определенного докладчиком по антикризисной программе, долго не получали положительного эффекта. Кабинет Министров СССР в разном составе неоднократно рассматривал вышеуказанные вопросы. Всем было ясно, что требуются кардинальные политические решения. Поэтому Горбачев тщательно избегал аудитории, где он не смог бы в очередной раз одному сказать, что пошел сюда, а другому – туда, а сам, в конечном итоге, ушел бы домой, чтобы, встречаясь с политиками, давать поручения подготовить предложения руководителям экономики и, наоборот, – обещать хозяйственникам собраться и решить политические вопросы с государственным руководством республик.

На заседании, о котором идет речь, не подвергалась сомнению необходимость закупки зерна, прежде всего фуражного, за рубежом, необходимость регулирования платежного баланса для обеспечения процесса производства и потребления в рамках международного разделения труда. Все попытки найти решение порознь, в то время как экономика каждой республики и страны в целом была экономикой единого народнохозяйственного комплекса, были нереальны с точки зрения осуществления и чреваты разрушением. Наиболее активным и последовательным тараном сепаратизма выступало Российское правительство во главе с И. Силаевым. Было даже странно порой видеть и слышать, как, вроде бы, грамотные люди несли заведомую чушь, лишь бы не дать союзному правительству реально управлять экономикой и теми процессами, за которые оно несло ответственность перед

страной.

На заседании 3 августа 1991 года согласованное решение о совместной закупке хлеба и фуража, обслуживании внешних обязательств, создании запасов топлива на зиму сорвал в очередной раз И. Силаев. Он упрямо твердил одно: мы сами; сами продадим нефть и газ, лес и алмазы и купим себе хлеб, товары для населения, сырье, оборудование и полуфабрикаты, и вообще все, что нужно будет для села, промышленности и транспорта; сами заключим прямые договоры на поставку с другими республиками на взаимовыгодных условиях, сами окажем помощь, если сочтем необходимым, соседям; сами определим, сколько Россия должна дать средств Союзу и на какие цели.

Все доводы разума И. Силаев, как глухарь на току, отвергал с ходу. Он даже не понял тогда угрозы развала самой России, когда ему впрямую задавали вопросы о том, почему он так уверен, что среднеазиатские республики будут поставлять России хлопок, газ, а Казахстан – уголь, металлы и хлеб по действующим ценам за рубли, если РСФСР начнет продавать свою продукцию на экспорт за доллары; не пугает ли его инфляционное обесценение рубля в результате искусственно вводимой долларизации производства. «Нет, мы сами все сделаем и все сможем», – неизменно звучало в ответ. Итог известен – в России начался стремительный развал после августа 1991 года, а И. Силаев с товарищами срочно отбыл на западные хлеба, за счет все той же России.

Но в русле темы этой книги главным итогом заседания было два высказывания Горбачева: первое – о довольствии. «Нужны чрезвычайные меры – значит чрезвычайные. Заставляйте всех! И пусть не капризничают. Речь идет не о том, что мы отменяем реформы, не о том, что мы отменяем экономические отношения. Нет! Речь идет о том, что в чрезвычайных ситуациях все государства действовали и будут действовать, если эти обстоятельства диктуют чрезвычайные меры. У нас сегодня, я прямо скажу, чрезвычайно с продовольствием складывается». И второе – о финансах и рублях. «Поручить товарищу Павлову вместе с председателями правительств с привлечением всех необходимых экспертов, на основе сегодняшнего обсуждения и внести предложения на рассмотрение Совета Федерации».

Это резюме обсуждения свидетельствует о том, что Горбачев прекрасно отдавал себе отчет в последствиях противостояния и единственно возможном выходе из создавшегося кризиса в стране. Важно и то, что решения, дающие возможность увидеть свет в конце тоннеля, он принимать в этих условиях не собирался. Вновь было предложено договариваться, согласовывать, продолжать, уточнять и т. п. И это не было

случайностью.

* * *

Чтобы окончательно ответить на вопрос об ответственности Горбачева по статье закона, остается определиться в том, сознательно или неумышленно действовал Президент СССР. Я уже приводил, но и в данном контексте еще раз повторю, что ответил 14 сентября 1991 года Горбачев на вопрос Генерального прокурора СССР. И. Трубин в ответ на долгий монолог архиосторожно спрашивает: «Верховный Совет оказался отстраненным и почувствовал очень большую обиду?» Горбачев отвечает: «Я не могу с этим согласиться. Как он был отстранен, если в Ново-Огареве во всех заседаниях принимали участие Лукьянов, Нишанов, Лаптев? Это во-первых…»

Я тоже не согласен, больше того, уверен, что они во всех заседаниях не участвовали хотя бы потому, что были в разъездах. Но и при этом трое еще не делегация. Где же премьер-министр СССР, где председатели комитетов и комиссий? Ни много ни мало – девять отсутствующих против трех, указанных в качестве участников, архитрудно не заметить, даже если очень стараться.

«Во-вторых, Верховный Совет. Обсуждал проект Договора и высказывал свои соображения, которые были переданы в Ново-Огарево. Кстати, они этим не удовлетворились и еще подчеркивали какие-то моменты, то есть все было доведено».

Каково излагает! Логика, слово, мысль чего стоят!..

«Но я должен сказать – это же договор – такой компромисс и нахождение такой общей точки зрения, что во всем его объеме довольных не было. А что, я всем был доволен?»

Вот наконец-то он вымучил из себя ответ. Не выполнял он решение Верховного Совета СССР и не собирался, полностью понимая, что делает.

«Налицо все же процесс – тяжелый, трудный, но процесс консолидации, определенного взаимодействия (чего? сепаратистских сил? – *В. П.)* . И с этой точки зрения (надо понимать развала. – *В. П.)* я стремился к подписанию договора в середине или в двадцатых числах августа. Возвратившись из-за границы, А. Лукьянов в связи с этим пытался выяснить, чья это инициатива. Как видно, не всех это устраивало».

Значит, не всех. И то спасибо. Все-таки, оказывается, участвовавший во всех, как утверждает Горбачев, заседаниях в Ново-Огареве, Председатель Верховного Совета СССР тем не менее не знал, оказывается, многого, по его, Горбачева же,

словам. Во всем участвовал, все знал, а тут почему-то пытается выяснить происходящее.

«С этих позиций – я бы сказал – уехал я в отпуск, рассчитывая, что с подписанием 20 августа договора (но ведь подписывать должны были на съезде, назначенном на ноябрь-декабрь! – *В. П.)* мы выходим на новый этап. У меня была уверенность в том, что мы (опять думаю: кто это «мы», от чьего имени вещает? – *В. П.)* на правильном пути. Это позволяло мне отлучиться, я такой сделал для себя вывод».

Значит, Горбачев сознательно действовал с целью развала СССР как единого федеративного социалистического государства и потому предпринял меры по засекречиванию проекта Договора, устранению союзной делегации от работы над ним и его подписания. Больше того, он прямо признается, что «в результате дискуссий (где и с кем? – *В. П.)* были определены шесть республик, а Украина, Азербайджан, Туркмения – на второй этап, и согласие появилось».

Иначе говоря, шесть республик Горбачев уже тогда мимоходом отделил от СССР, не спрося ни народ, ни съезд, ни даже Верховный Совет СССР, а еще три – оставил на потом, как получится. Что же удивительного в том цинизме, с которым ставится точка, на союзной делегации, от которой одни помехи и возражения, да требования выполнить волю народа. И когда Генпрокурор РФ Степанков осмелился спросить: «Лукьянов оговаривал с вами дату его возвращения в Москву накануне подписания договора?», Горбачев разъяснил: «Он должен был приехать и участвовать. Это как бы была наша правительственная делегация. (Вот уж воистину, чтоб не сомневались и не вспоминали про делегацию вместе со всем Верховным Советом. – *В. П.)* . Но дата его приезда не обуславливалась, так как это не было существенным».

Проще и яснее сказать нельзя. Приедет – не приедет, согласен – не согласен, значения для Горбачева не имеет. Я так хочу, мне лично это надо. А цель для таких людей всегда оправдывает средства.

* * *

Но в тот момент, к сожалению, я еще не знал того, что происходило за моей спиной. Лишь через полтора года мне стало известно, что 13 января 1992 года на допросе в качестве свидетеля Ельцин говорил правду: «После подписания последнего варианта Союзного договора, разработанного в Ново-Огареве,

планировалось принятие новой Конституции Советского Союза. В соответствии с новой Конституцией не предусматривалось существование съезда народных депутатов, а предлагалось существование Верховного Совета, состоявшего из двух палат. При реорганизации власти и управления имелось в виду, что в основном будут координационные органы, но будет межреспубликанский экономический комитет и в этом комитете соответствующие отделы – департаменты по различным направлениям, которые будут заниматься вопросами бывшего правительства. В дальнейшем не исключался вариант создания настоящего Кабинета Министров. Министерства предполагалось в основном упразднить».

Это свидетельство прямо уличает Горбачева в том, что он тайно действовал в нарушение Конституции СССР и присяги Президента СССР. Налицо свидетельство о наличии антиконституционного заговора во главе с Горбачевым. Небезынтересно, что Ельцин, полагаю, вообще избегал называть Горбачева в качестве подлинного автора многих своих акций, осуществленных уже в качестве Президента Российской Федерации, – уполномоченные представители, мэры, префекты, диктаторские полномочия, либерализация цен и т. п.

Если говорить о практических шагах, то в рамках подлинного заговора готовились и акции по нейтрализации тех сил и конкретных лиц, которые могли, по оценке заговорщиков, воспрепятствовать им. По крайней мере, затруднить достижение главной цели – ликвидации единого федеративного государства. Тот же Ельцин говорит прямо и откровенно: «29–30 июля 1991 года я встречался в Ново-Огареве с Президентом СССР М. С. Горбачевым и Президентом Казахстана Н. А. Назарбаевым. На этой встрече обсуждался вопрос о замене некоторых высших руководителей Союза. В основном речь шла о Председателе Кабинета Министров СССР В.С. Павлове. Предположительно также о Председателе КГБ СССР В. А. Крючкове, но в отношении него утвердительного решения принято не было. Говорилось, что в дальнейшем может возникнуть эта проблема. В таком же совещательном духе речь шла и о министре обороны СССР Д. Т. Язове. Других кандидатур вместо них не обсуждалось. Вместо Павлова предлагалась кандидатура Назарбаева. В проекте договора не было предусмотрено поста вице-президента СССР, как я уже сказал, рассматривался вопрос о замене Павлова, обсуждался вопрос о слиянии Министерства иностранных дел СССР и Комитета внешнеэкономических связей СССР, упразднении по крайней мере 60–70 министерств, тогда все министры освобождались».

Спустя восемь месяцев, 13 августа 1992 года, допрошенный в качестве свидетеля Горбачев, отвечая на вопрос А. Фролова: «Имела ли место в конце июля 1991 года ваша встреча с Б. Н. Ельциным, Н. А. Назарбаевым и какие вопросы на ней обсуждались?», полностью подтвердил вышеизложенные показания Ельцина, сказав буквально следующее: «Да, такая встреча была в рамках работы над проектом Союзного договора. Речь шла о том, что необходимо сделать в первую очередь после его подписания и, в частности, о реформировании союзных органов. Обсуждался вопрос о премьер-министре в плане предложения этого поста Назарбаеву, шла речь о возможной замене. Прежде всего с учетом возраста, Крючкова и Язова, а также ряда других высших руководителей».

Хотел бы обратить внимание читателей на одно обстоятельство, имеющее значение для понимания происходившего в дальнейшем и к чему мы вынуждены будем еще не раз возвращаться, объясняя внутреннюю логику событий и их суть. Речь идет не о замене того или иного должностного лица, не справляющегося со своими обязанностями или уступающего в чем-то более достойным кандидатам, путем выдвижения. Нового кандидата для обсуждения и принятия решения в установленном законом порядке. Здесь речь идет о ликвидации конституционных органов – Съезда и Верховного Совета СССР, Кабинета Министров СССР, министерств, ведомств и замене должностных лиц путем подготовки и подписания нового Договора. Причем полномочий на это не было, и сами действия являлись нарушением законов СССР и прямых решений законодательной власти страны. Речь идет о замене не премьер-министра СССР В. С. Павлова, а политического противника разрушения Союза ССР. В связи с возможным поражением в открытой. Политической борьбе с ним принято решение о противоправном упразднении Кабинета Министров СССР вообще, с возможным в будущем восстановлением при другом составе и порядке формирования.

* * *

Но в тот момент это все еще было впереди. А пока в воскресенье, 4 августа 1991 года, я был приглашен на проводы в Форос семьи Горбачевых. Проводы были на удивление короткими. Без обычного обсуждения разных текущих задач, поручений, сообщений. Правда, я этому не придал никакого значения. Лето, выходной. Все устали. У кого Крым и море на полтора месяца, у кого дача и Москва-река хоть на полдня. Единственное, что

сказал Горбачев и что имело какое-то значение, относилось к Г. Янаеву: «Ты остаешься на хозяйстве». В практике нашей страны при временном отсутствии первого лица в государстве или первого лица высших органов власти и управления письменных документов об исполнении заместителем обязанностей никогда, по крайней мере на моей памяти, не издавалось. Этой фразы было более чем достаточно для всех присутствующих. Тем более что согласно Конституции СССР, ст. 127-4, «Вице-президент СССР… замещает Президента СССР в случае его отсутствия…» После взлета президентского самолета все разъехались отдыхать.

В понедельник, 5 августа 1991 года, я продолжал вести работу по подготовке и проведению уборки урожая, стабилизации топливно-энергетического комплекса, валютного положения и экспортно-импортных операций, организации разработки плана и бюджета на 1992 год, занимался другими делами из повседневной экономической жизни. Параллельно началась проработка вопросов, вытекающих из прошедшего расширенного заседания Кабинета Министров СССР. Дел хватало. В свете ответственности за их решение начались проработки подготовки моего посещения Кузбасса, Караганды и целины. Это были одни из ключевых пунктов решения задач топлива, хлеба и валюты, и я полагал необходимым побывать там лично и оперативно решить на месте или возвратившись в Москву – те вопросы, которые тормозили дело и мешали нормализации жизни людей. Мне удалось многое увидеть и понять во время визита в Карелию, Якутию, на Камчатку и Сахалин. К сожалению, много меньше удалось успеть сделать из того, что было надо по жизни. Утешение, от того что не я виной тому, слабое. И вот тут-то и появился на сцену проект Договора о Союзе суверенных государств, исполненный Горбачевым со товарищами.

Антиконституционная и антигосударственная суть проекта Договора была настолько очевидна, что уже 10 августа 1991 года за № ПВ-6098 мною был подписан документ следующего содержания: «Президенту СССР товарищу М. С. Горбачеву Постановлением Верховного Совета СССР от 12 июля с.г. «О проекте Договора о Союзе суверенных государств» утверждена Союзная делегация, полномочная для подписания Договора. Полагал бы необходимым до начала подписания Договора собрать Союзную делегацию для обсуждения проекта Договора. В предварительном порядке направляю имеющиеся у Кабинета Министров СССР предложения и замечания по проекту Договора. В. Павлов».

К письму были приложены на четырех страницах «Предложения и замечания Кабинета Министров СССР к проекту

Договора о Союзе суверенных государств».

Позволю себе напомнить читателю, что официальная публикация проекта Договора в средствах массовой информации состоялась только 16 августа 1991 года, то есть в пятницу, а 20 августа Горбачев собирался уже начать подписание. Притом и эта публикация, так сказать, на выходные, состоялась вынужденно. Она вообще не планировалась по сценарию. Ей предшествовало начало публикации проекта в газете «Московские новости» 15 августа 1991 года в порядке так называемой «утечки информации». Последовал скандал «в благородном семействе». Горбачев был взбешен, но поезд уже ушел. Пришлось согласиться напечатать, в принципе, но не слишком широко и без анализа в средствах массовой информации.

Отослав Горбачеву и Лукьянову свои замечания и предложения 10 августа 1991 года, я официально направил членам Президиума Кабинета Министров СССР и большой группе министров, возглавлявших основные, ведущие отрасли экономики и сферы деятельности, полученный от Горбачева проект Договора о Союзе Суверенных Государств и поручил им в ближайшие дни сообщить свои возможные замечания и предложения. Одновременно была создана параллельно действующая группа специалистов из аппарата Управления делами Кабинета Министров СССР, Министерства юстиции СССР и других органов для более тщательной проработки проекта Договора, сбора, изучения и обобщения возможных замечаний и предложений от членов Президиума, министерств и ведомств. Я не считал для себя возможным, в силу самого характера документа, единолично принимать по нему решения. Свое назначение членом Союзной делегации в качестве Премьер-министра СССР я рассматривал как доверие возглавляемому мной органу исполнительной власти, с одной стороны, и с другой – не считал возможным одному человеку, какой бы пост он ни занимал и какими бы званиями ни обладал, принимать решения, касающиеся всей страны и каждого ее гражданина в отдельности, без совета и обсуждения, без участия коллективного разума.

В связи с этим уже 13 августа было принято решение о вынесении вопроса об отношении Кабинета Министров СССР к присланному Горбачевым проекту Договора о Союзе Суверенных Государств на рассмотрение Президиума Кабинета. Повестка с указанием темы и даты заседания была уже разослана всем участникам 16-го числа. Сам факт рассылки означает, что заседание и его тема были определены заранее, а не накануне в пожарном порядке. В этом легко убедиться, заглянув в документы Управления делами, спросив людей. Даже без специальных

вопросов В. Щербаков в своих свидетельских показаниях говорит, что он лично получил повестку за два дня до заседания, а В. Догужиев, выйдя из отпуска 16 августа 1991 года, уже имел официальное приглашение на заседание с повесткой дня «О проекте Договора».

* * *

Столь прозаические вещи приходится затрагивать в связи с тем, что следствие, фабрикуя свое обвинение, не затруднило себя даже элементарной проверкой фактов и документов, не говоря уж об их объективной оценке. Более года официальная версия гласила – заговор состоялся 17 августа 1991 года во время встречи на объекте «АБЦ» КГБ СССР. Она перекочевала и в книгу В. Степанкова и С. Лисова, их интервью и статьи. Между тем, принятая позже официальная версия гласила, что так называемый заговор состоялся 5 августа 1991 года, а лично я вступил в него 16 августа 1991 года во время визита В. Крючкова с 17 до 18 часов. Эта произвольная дата требует изменить всю последующую версию событий, но нет ни фактов, ни времени. В итоге остается утверждать, что я, якобы будучи одним из организаторов заговора, уже 5 августа получил проект Договора, сознательно задержал его, никому не показывая, до 10-го числа и только тогда написал резолюцию. Прямо экстрасенс, ясновидящий, который уже 5-го знал, что, опять же по версии следствия, 16-го будет вовлечен В. Крючковым в заговор и тут же активно в него включится, дав указание своему помощнику, и тоже, кстати, заранее, с утра, подготовить проект Заявления Кабинета о невозможности подписания проекта Договора. Как будто не было никакой подготовки и других документов. Правда, совсем непонятно, почему же проект Заявления никому не раздали и на Президиуме не обсуждали. И Павлов молчал, ни на кого не давил…

Тем не менее, вывод следствия более чем оригинален – Президиум решил единодушно подписать Договор, чем сорвал злые умыслы премьер-министра. Между тем в действительности Президиум Кабинета Министров СССР 17 августа 1991 года, рассмотрев вопрос о Договоре о Союзе Суверенных Государств, принял решение из двух пунктов. Первый гласил: «…одобрить в принципе текст Договора о Союзе Суверенных Государств. Отметить, что в нынешней крайне сложной политической и социально-экономической ситуации подписание Союзного договора и его четкое исполнение будут иметь важное значение

для стабилизации обстановки в стране, формирования обновленной Федерации суверенных республик».

Отразив таким образом в первом пункте отношение к Договору, во втором Кабинет четко изложил свое отношение к содержанию конкретного проекта, подготовленного Горбачевым.

Вместе с тем, как показал состоявшийся на заседании обмен мнениями, ряд предусмотренных Договором положений требует дополнительной проработки и уточнения:

а) особую озабоченность вызывает то обстоятельство, что в нем не нашли должного решения такие жизненно важные проблемы, как продовольственное обеспечение в стране, снабжение народного хозяйства и населения топливом, тепловой и электрической энергией, функционирование единой финансово-банковской системы.

Президиум Кабинета Министров СССР считает, что исключение из сферы ведения Союза полномочий по координации и объединению усилий республик в указанных областях может привести к тому, что республики вынуждены будут в одиночку решать такие сложнейшие проблемы, хотя в нынешних условиях они практически к этому еще не готовы. Более того, такой подход противоречит сути рыночной экономики, выдвинутому самой жизнью требованию о сохранении и дальнейшем развитии единого экономического пространства;

б) не нашли надлежащего отражения в тексте Договора вопросы реализации полномочий, отнесенных к ведению Союза в сфере принятия и исполнения союзных законов, а также формирования федеральной системы правоохранительных органов. Не устранены и существующие ныне условия противопоставления законов Союза и республик;

в) крайне важным представляется создание более надежной, устойчивой финансовой базы для формирования союзного бюджета;

г) требуют уточнения положения Договора о собственности. Президиум Кабинета Министров СССР считает, что объекты, закрепляемые за Союзом образующими его государствами, должны рассматриваться как союзная собственность;

д) особого внимания требует отработка механизма реализации Договора, и прежде всего в переходный период. В этой связи необходимо предусмотреть, что республики берут на себя обязательства не принимать до подписания Договора в союзных органах односторонних решений об изменении системы управления союзным хозяйством;

е) учитывая возможность различного толкования многих положений Договора, важно выработать четкие определения

содержащихся в нем терминов и понятий.

Учитывая вышеизложенное, Президиум поручил Юридическому отделу Кабинета Министров СССР, т. Цыганенко, и Минюсту СССР, т. Вышинскому, в суточный срок подготовить конкретные предложения о внесении поправок и дополнений в текст Союзного договора, а в качестве варианта – проект соответствующего протокола, который должен стать неотъемлемой составной частью указанного Договора, обязательной для исполнения. Заместителям премьер-министра СССР, министрам и руководителям ведомств, принимавшим участие в заседании, поручалось до конца дня сформулировать свои соображения по всем указанным вопросам и представить их в Кабинет Министров СССР.

Забегая вперед могу сказать, что указанные физические и юридические лица эти поручения выполнили точно и в заданные сроки. Тут же после окончания обсуждения и принятия решения члены Президиума договорились о том, что его, это решение, надо вынести на рассмотрение Кабинета в полном составе. Президиум, учитывая важнейшее значение принятия на съезде проекта Договора для судеб государства и населения, счел свои полномочия недостаточными и необходимым прибегнуть к совету в полном конституционном составе в качестве коллективного органа.

Как видно из самого решения, Президиум Кабинета Министров СССР ни в коей мере не решал Договор по Горбачеву. Он уже не в первый раз высказался за подписание Договора, но не такого, а принципиально другого – федеративного, того, за который народ недвусмысленно проголосовал на референдуме 17 марта 1991 года. Что касается Заявления Кабинета, то оно просто в тот момент не требовалось по логике событий. Ведь Кабинет исходил из того, что Президент СССР и руководители республик не меньше нас уважают законы, решения референдумов, съездов и Верховного Совета СССР и не могут быть инициаторами и организаторами антиконституционных действий. Именно в расчете на это мы договорились, что я найду способ довести до Горбачева подготовленные замечания, предложения и проекты документов еще до подписания Договора и буду аргументированно отстаивать наши позиции как член союзной делегации.

Горбачев, улетая, говорил на аэродроме, что он вернется 18-го вечером или 19-го утром, так как он еще не определился, а мы узнаем о его решении через В. Болдина. Это же он подтвердил при телефонном разговоре со мной, обещал встретиться и обсудить мои замечания заранее. Так что суточный срок на

доработку документов диктовался прежде всего ожидавшимся его возвращением. Необходимость же столь принципиальной позиции обуславливалась наличием огромной разрушительной силы заряда, который был горбачевским проектом здания общесоюзной и российской государственности, национального мира, спокойствия и безопасности граждан, их экономического благополучия.

Такая оценка проекта Договора по Горбачеву не есть результат моего личного мнения или мнения членов Президиума Кабинета, министров и других должностных лиц, которых в псевдодемократической прессе обычно облыжно обвиняют в необъективно по причине приверженности к благам и привилегиям, стоящими, дескать, за их должностями. Хотя в жизни все наоборот, прежде всего как раз обвинители и есть те, кто этими благами, привилегиями и т. п. услугами «со стороны» пользовался и пользуется более всего и всех. Предложенный Горбачевым проект Договора рассматривала группа из 15 экспертов и единодушно высказалась о том, что те серьезные замечания, которые он у них вызвал, ставят под сомнение правовую значимость самого Договора. Они признали документ внутренне противоречивым, нелогичным и не имеющим значения правопреемственного.

* * *

Внешне для широкого круга читателей может показаться, что речь идет о вопросах второстепенных. Однако, с точки зрения реального государственного строительства, именно они, эти вопросы, имеют решающее значение. Среди них проблема правопреемственности одна из важнейших. Но горбачевский проект не гарантировал ее сразу в нескольких сферах.

Эксперты признали, что, во-первых, не обеспечивается правопреемственность финансов. Не оговорена функция Госбанка СССР как единого эмиссионного центра. Не определены права и обязанности национальных банков по отношению к Госбанку СССР, за ним не закреплена монопольная функция резервирования активов и авуаров национальных банков, право быть единственным, кто наделяет полномочиями, открывает и закрывает банки, выступает представителем в сфере мировых финансовых отношений.

Отсутствие правопреемственности в сфере финансов не может устроить мировое сообщество, а это, в свою очередь, означает, что по отношению к каждому из создающих

неправопреемный Союз государств будет реализован принцип «финансовой мышеловки». На современном этапе общественной жизни мне уже нет нужды приводить доказательство своей правоты. Читатель сам знает, как это происходило на практике после августа 1991 года, знает и результат.

Второе, на что указывала экспертиза, это необеспеченность декларативно провозглашаемых в проекте Договора прав личности. Эксперты прямо говорили, что в СССР социальные права защищаются конкретным документом – бюджетом СССР, а утверждающий его Верховный Совет СССР и есть субъект социальной защиты гражданина СССР. Для гарантий защиты социальных прав и исполнения бюджета создается и – наделяется полномочиями единая налоговая служба СССР. Что касается юридических прав, то их гарантируют в СССР единая юстиция и единая федеральная безопасность с соответствующими механизмами – Минюстом, общесоюзными органами, аналогичными ФБР и т. д. Все это в проекте Горбачева отсутствует, а вне этого права не гарантированы. И, наконец, гражданские права гарантируются единым гражданским законодательством, единым для СССР, со своим механизмом – Гражданским кодексом и Верховным судом СССР, который должен по мировым нормам рассматривать иски типа «республика против СССР», «СССР против республик», «Петров и республика против СССР», «СССР и Петров против республик» и т. п. Этого проект также не имел.

О правоте постановки такого вопроса сегодня можно спросить у безработных, беженцев, пенсионеров, военнослужащих и многих, многих других, на деле столкнувшихся в послеавгустовские дни с проблемой защиты своих прав, – к кому, куда идти, что просить и что он может. Тысячи и тысячи людей и судеб, вопросов и просьб без ответа…

Третье. Экспертное предупреждение состояло в том, что вне признания этого Договора верховной законодательной властью СССР этот документ нелегитимен для мирового сообщества. Эта принципиально важно потому, что ходившие в прессе высказывания, инспирируемые зачастую самим Горбачевым, о возможном подписании Договора типа «9 + 0» означали не более чем фикцию. В действительности вопрос о ликвидации Союза ССР в тот период не ставило на повестку дня ни одно республиканское руководство. Народы всех республик не поддерживали такие замыслы никогда.

Четвертое замечание обращало внимание на то, что, как ни странно, на фоне шума о мировом сообществе, общечеловеческих ценностях и т. д. в проекте Горбачева вообще отсутствовало

обращение к мировым нормам, ссылка на мировые документы, понятия международного права конкретно не использованы.

Пятое. Проект оставлял никак не решенным вопрос о выходе республик из Союза. Сейчас всем ясно почему. Но эксперты уже тогда обращали внимание на то, что для мирового сообщества возникает опасная казуальность. Сегодня, скажем, вышла, не рассчитавшись по мировым обязательствам СССР, Эстония, завтра – Армения, послезавтра – Украина. А кто будет платить? В результате после распада СССР Россия, объявившая себя плательщиком по всем обязательствам, за весь Союз, погрузилась в трясину долгов иностранным государствам.

И, наконец, шестое. Я позволю привести дословно: «… Признав Федерацию, договор на деле создает даже не конфедерацию, а просто клуб государств. Он прямым путем ведет к уничтожению СССР, в нем заложены все основы для завтрашних валют, армий, таможен и др. Проводя эту линию тайно, неявно, он – вдвойне опасен, поскольку размывает все понятия в такой мере, что возникает государственный монстр».

Полагаю, что хоть в какой-то мере смог раскрыть причину столь острой политической борьбы вокруг Договора. Не за Договор или против, за Горбачева или за Ельцина, «демократию» или тоталитаризм шла бескомпромиссная борьба, а за единую страну и достойную жизнь для ее собственного народа – хозяина, с одной стороны, за удельные княжества и захват принадлежащего народу национального достояния, с другой.

* * *

После завершения заседания Президиума Кабинета Министров СССР 17 августа 1991 года я пришел к себе и попросил вызвать машину, чтобы ехать на дачу. Было уже около 16 часов, суббота. Во время моего ожидания и сборов позвонил В. Крючков. После взаимных любезностей он пригласил меня заехать ненадолго на его дачу, чтобы в узком кругу обменяться информацией и мыслями о состоянии экономики и общественно-политической ситуации, так как положение очень тяжелое и ухудшается оно слишком быстро.

Встреча на объекте «АБЦ» КГБ СССР заслуживает особого внимания. О ней, в основном со слов В. Степанкова и Е. Лисова, проправительственной прессой в целом написано, пожалуй, даже больше, чем о так называемом «штурме Белого дома». Ведь с самого первого дня и почти до сегодняшнего дня меня и моих коллег обвиняют в том, что именно там, на этом объекте, 17

августа 1991 года и был организован заговор, составлены планы, поставлены задачи, распределены роли и силы для их реализации. Но ни конкретизировать обвинение, ни представить каких-либо доказательств следствие так и не смогло. Все попытки запутать обвиняемых и большинство свидетелей, заставить их оговаривать друг друга провалились.

В предъявленном мне обвинении от 5 декабря 1991 года в заговоре с целью захвата власти Е. Лисов утверждал, что 17 августа 1991 года мною на конспиративном объекте «АБЦ» КГБ СССР в г. Москве был разработан план захвата власти в стране, в соответствии с которым было намечено: «Президента СССР, находившегося на отдыхе в Форосе (Крым), изолировать на даче и лишить связи с внешним миром, предъявив ультиматум: либо немедленно ввести в стране режим чрезвычайного положения, либо уйти в отставку. При отказе президента выполнить указанное требование – осуществить его дальнейшую изоляцию, представить больным и поэтому неспособным к руководству, обязанности Президента СССР возложить на вице-президента СССР Янаева, образовать для управления страной Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР с передачей ему полномочий высшего органа власти, ввести в стране чрезвычайное положение. Для осуществления намеченного плана было принято решение о направлении в Форос к Президенту СССР группы участников заговора в составе Бакланова, Шенина, Болдина, Варенникова, Плеханова, Генералова с задачей изолировать президента и поставить перед ним требования заговорщиков».

Об «изоляции» вы уже могли прочитать раньше. Теперь настала очередь несуществующих «планов», иных мистификаций.

В ходе предварительного следствия с самого первого дня я утверждал, что никаких планов захвата власти и изоляции Президента СССР не разрабатывал и мне об этом ничего не известно, требовал исключить эти пункты из предъявляемого мне обвинения как надуманные и абсурдные. Все мои ходатайства по этому вопросу остались не разрешенными следствием. Обычная, к сожалению, практика, ибо мотивированные постановления следствием, как правило, не выносились. Никаких доказательств в ходе следствия также предъявлено не было, следственных действий не производилось. Больше того, 10 января 1992 года письмом № 18/6214-91 следствие само подтвердило, что никаких «документов на этот счет в распоряжении следствия не имеется».

В ответ на мою жалобу от 23 декабря 1991 года о том, что предъявленное мне обвинение надуманно и носит неконкретный характер, в связи с чем следствие нарушает уголовно-

процессуальное законодательство, уклоняется от его конкретизации, нарушая мое право на защиту, перекладывает на обвиняемого задачу доказательства его невиновности, Генеральный прокурор РСФСР Степанков, наиглавнейший страж соблюдения презумпции невиновности по отношению к любому и каждому гражданину Российской Федерации, 4 февраля 1992 года письмом № 34п-55-92/6214-91 известил меня, что с обосновывающими обвинения доказательствами я могу непосредственно познакомиться в ходе выполнения требований от 201 УПК РСФСР. Другими словами, тебе дали 125 томов «дела», читай и ищи доказательства собственной вины сам на себя. Нам, строителям правового демократического государства, тобой заниматься недосуг. Посиди пока на нарах, подумай, время есть.

Что же я нашел, когда ознакомился со всеми материалами дела относящимися к встрече 17 августа 1991 года. Убедился лишь в том, что имеющееся в постановлении от 5 декабря 1991 года о привлечении меня в качестве обвиняемого описание сущности так называемого плана захвата власти не более чем плод фантазии. Ко мне, к моему посещению объекта «АБЦ» КГБ СССР никакого отношения не имеет.

* * *

Присутствовавшие на этой встрече свидетели показали следующее:

Егоров Алексей Георгиевич: «Впервые к разработке проблемы чрезвычайного положения в стране я был привлечен в декабре 1990 года (т. 7, л. д. 7). Примерно 15–16 августа с. г…Крючков на этот раз поручил нам подготовить документ о первоочередных мерах экономического, социально-политического и правового характера, которые следует реализовать в условиях чрезвычайного положения… (т. 7, л. д. 10).

Встреча носила неофициальный характер, и разговор велся свободный. Начал его Павлов. Он сказал, что только что закончилось заседание Президиума Кабинета Министров СССР, обстановка в стране сложная, крайне тяжелое положение с уборкой урожая, топливом, стране грозят голод и холод…пора принимать решительные меры, вводить чрезвычайное положение… В целом все согласились с тем, что надо вводить чрезвычайное положение (т. 7, л. д. II).

Крючков достал из своей папки тот проект документа, который я и Жижин готовили перед встречей и, обращаясь к

участникам, предложил ознакомиться с мерами, которые необходимо осуществить, вводя чрезвычайное положение. Хочу отметить, что на этой встрече документ еще не обрел название: «Постановление № 1 ГКЧП». В тот момент мы его условно называли документом о неотложных мерах по стабилизации экономической и политической обстановки в стране (т. 7, л. д. 12).

«…Павлов высказался, что надо применить правовые меры самого жесткого характера. Грушко возразил, что меры, предусмотренные документом, выведены на основе Конституции СССР и Закона о чрезвычайном положении и более жестких мер предусмотреть нельзя, достаточно этого» (т. 7, л. д. 12).

«Прямо (на этой встрече) не велось речи о создании ГКЧП и составе его участников, во всяком случае я такого не слышал» (т. 7, л. д. 13).

Вот ведь незадача. Свидетель не слышал, а следователи услышали. «На ужине в целом никаких вопросов существенных в плане введения ЧП не было, только в конце Крючков поднял проблему, что надо переговорить с Ельциным и лидерами других республик, чтобы они поддержали решение о введении ЧП» (т. 7, л. д. 14).

Это уже, конечно, по В. Степанкову, преступно – он же утверждал, что мы нарушали суверенитет республик.

«Крючков высказал предложение слетать к Президенту и убедить его временно передать свои полномочия Комитету по чрезвычайному положению, а самому отдохнуть в отпуске… Однако у остальных было отрицательное мнение по этому предложению (т. 7, л. д. 11–12).

Я не слышал, чтобы на совещании шла речь об изоляции Президента в случае, если он не одобрит намерение собравшихся лиц (т. 7, л. д. 78).

По смыслу беседы я понял, что задачей лиц, которые должны лететь к Президенту, было, во-первых, сообщить ему о необходимости ввести в стране чрезвычайное положение, убедить его подписать Указ о введении ЧП, а во-вторых, если это не найдет у него поддержки, то согласиться временно передать полномочия Янаеву или группе лиц. Крючков предложил срок на один месяц, а другие, по-моему, Павлов и другие возражали и говорили, что это не пойдет. Как их нужно понимать – я не знаю… на этой встрече не было определенного четкого плана-инструкции посланникам к Горбачеву, шел разговор, обменивались мнениями и конкретно план не был принят» (т. 7, л. д. 79).

Следователь: «Установлено, что лицам, назначенным лететь к

Президенту, были даны четкие инструкции: предложить Президенту уйти в отставку, а в случае его отказа объявить его больным, изолировать его в Форосе, путем замены и усиления охраны, отключения связи. Вы подтверждаете это?»

Ответ Егорова А. Г.: «Нет, такой постановки не было, во всяком случае, я не слышал. Как я уже сказал, не было выработано четкого плана, шло обсуждение: реплики, предложения, возражения, как я понял, лица, назначенные лететь к Президенту, должны были, прежде всего, убедить Президента в необходимости самому ввести чрезвычайное положение, ну то есть как я ответил на предыдущей встрече».

Следователь: «Следствие располагает данными о том, что все же на этой встрече план был решен конкретный: в случае отказа Президента уйти в отставку или заявить о своей болезни. Вы должны были об этом знать, то есть Вами оглашался на этой встрече проект заявления Президента об уходе в отставку и, как альтернативный вариант, уход по его болезни. Вы подтверждаете это?»

Ответ Егорова А. Г.: «Нет, такого не было. Я категорически совершенно искренне говорю, что я не зачитывал какой-либо проект заявления Президента об уходе в отставку или по болезни. Речи «об изоляции Президента» при мне не было. Я не могу объяснить, откуда появились данные о том, что я зачитывал подобные документы. Я читал часть проекта, который лег в основу постановления № 1 ГКЧП, и ничего больше» (т. 7, л. д. 79, 80).

Следователь: «Из материалов дела видно, что Вами и Грачевым был изготовлен Указ от имени Президента СССР с заявлением об уходе его в отставку. Этот документ оглашался на встрече 17 августа на объекте «АБЦ». С этим документом летала делегация 18 августа в Крым к Горбачеву. Подтверждаете ли Вы это?»

Ответ Егорова А. Г.: «Нет, мы такого документа не готовили и я не слышал, чтобы он оглашался на встрече на объекте «АБЦ». Ничего об этом документе я не слышал».

Объективным может быть только один вывод: несмотря на грубые попытки следствия навязать свидетелю Егорову А.Г. ответ, который бы подтвердил выдумку обвинения, что прямо говорит об обвинительном уклоне следствия, свидетель на допросах 6 сентября, 17 октября и 16 декабря 1991 года последовательно, без колебаний заявляет, что ни об изоляции, ни об уходе в отставку Президента СССР на встрече 17 августа 1991 года даже речи не было, не то что разработок каких-либо планов захвата власти. Обещанные на допросах следователями материалы свидетелю не

предъявлялись и в деле также отсутствуют. Обсуждение же необходимости введения чрезвычайного положения, мероприятий, которые нужно было бы осуществить при его введении, предложения поехать с личным докладом по этому вопросу к Президенту СССР не являются уголовным преступлением, а составляют часть моих служебных обязанностей. Наконец, даже название ГКЧП тогда не существовало.

* * *

Свидетель Ачалов Владислав Алексеевич: «17 августа в конце рабочего дня, примерно в 17 часов… Павлов стал рассказывать о состоявшемся заседании Кабинета Министров СССР. Он обрисовал обстановку в стране крайне сложную, я бы сказал сложнейшую, особенно региона Урала, Якутии, Челябинска, и выделил две проблемы – энергетическую и продовольственную. Здесь же Павлов стал перечислять, кто и как выступил, особенно в защиту союзного договора, и в конце подытожил, что всего было два выступления на этом совещании в защиту союзного договора. В конце Павлов подвел резюме, что надо лететь и договариваться с Горбачевым, но о чем договариваться, он не говорил» (т. 94, л. д. 3, 4).

Следователь: «Расскажите подробнее о совещании

17.08 на даче КГБ».

Ответ Ачалова В. А.: «Разговор шел в беседке. Павлов рассказал о тяжелом экономическом положении в отдельных районах страны, и затем речь зашла о необходимости введения чрезвычайного положения, говорили о необходимости решить это с М. С. Горбачевым, для чего поехать к нему и уговорить ввести чрезвычайнее положение. От МО Язов предложил лететь Варенникову, тот согласился. После этого мы уехали. Разговора о том, что делать в случае отказа М. С. Горбачева от введения чрезвычайного положения, – не было.

…Ни об изоляции Президента, ни об отстранении его от власти никакого разговора не было. О вводе войск также речь не шла, ни о каком совещании у меня и согласовании действий с офицерами КГБ разговора не было».

Вывод также однозначен – показания 24 августа и 11 октября 1991 года подтверждают одно: ни слова об отстранении, изоляции или отставке 17 августа 1991 года на объекте «АБЦ» КГБ СССР не говорилось.

* * *

Присутствовавшие обвиняемые по делу по поводу встречи 17 августа 1991 года показали следующее:

Грушко Виктор Федорович.

Следователь: «Поясните подробно, как проходила встреча известных лиц на объекте «АБЦ» 17 августа с. г. Какова была тема встречи, кто, в какой последовательности и о чем на ней говорил, какие были приняты решения?»

Ответ Грушко В. Ф.: «Разговор за столом был неофициальный, то есть не было порядка выступлений, какойто последовательности, были реплики, возражения, отвлечения на посторонние темы, не было обозначено конкретной темы, говорили сбивчиво, перебивая друг друга. Как я понял, основной вопрос, который и занял большую часть времени, – это вопрос, что надо лететь к Президенту СССР в Крым, довести до него трагичность обстановки в стране и побудить принять решительные меры, то есть предложить ввести в стране чрезвычайное положение, и если эта идея не найдет у него поддержки, то побудить временно передать свои полномочия Янаеву по болезни, а потом, когда будет введено чрезвычайное положение, вернуться к своим обязанностям. Никакого злобного умысла в отношении Президента не вынашивалось, поэтому решили, что ехать к Президенту должны наиболее близкие к нему люди, которые могли убедить его. Как таковой вопрос о введении чрезвычайного положения не ставился… Не говорилось на этой встрече о создании ГКЧП, по-моему, такого наименования еще придумано не было, и тем более, не было речи о насильственном отстранении от власти Президента. Это ни у кого из присутствующих и в мыслях не было, ведь собрались верные и близкие Президенту люди, которые хотели помочь ему справиться с ситуацией (т. 4, л. д. 91).

…Крючков сказал, что он знает охрану и он примет меры… В чем эти меры заключались, Крючков не сказал (т. 4, л. д. 92).

…Павлов четко сформулировал мысль о том, что надо лететь к Президенту, иначе наступит крах. Он также говорил о катастрофическом положении в экономике: гибнет урожай, нарушены хозяйственные связи и т. п., говорил, что каждая республика «тянет на себя одеяло», и что при таком положении может наступит хаос. (т. 4, л. д. 92).

Тема о том, что надо поставить в известность о принятых решениях Лукьянова, Бессмертных и Янаева, на встрече не обсуждалась. Также не было разговора о том, что надо решить вопрос о применении войск и распределении сил ведомств» (т. 4,

л. д. 93).

Следователь: «Была ли речь о том, что подписание союзного договора приведет к развалу Союза, кем и на какой стадии она велась?»

Ответ Грушко В. Ф.: «Это говорил Павлов, в том плане, что надо лететь к Президенту до подписания Союзного договора, так как после его подписания это теряет смысл, будет поздно. О том, что нельзя допустить подписания договора, не говорилось».

Следователь: «Из материалов дела видно, что на этой встрече Вами и Егоровым оглашались перед участниками проекты Обращения к советскому народу, заявление Советского руководства, постановление № 1, а Егоровым, кроме того, проект заявления Президента об уходе в отставку и, как альтернативный вариант, проект его заявления о передаче полномочий Янаеву по болезни. Что Вы можете пояснить?»

Ответ Грушко В. Ф.: «Нет, не оглашались ни один из документов, как я уже сказал. Такие документы, как проекты заявлений Президента об уходе в отставку или о передаче полномочий Янаеву, нами не готовились» (т. 4, л. д. 93).

…Нет, на встрече не велось каких-либо разговоров о применении войск, и я не слышал… чтобы Крючков и Язов говорили об этом» (т. 4, л. д. 94).

…Вопрос о введении чрезвычайного положения на встрече на объекте «АБЦ» не в том плане, что он был решен еще ранее, а что он обсуждался еще ранее. Когда Крючков на встрече говорил, что Плеханов по прибытии в Форос «примет меры», я понял, что Плехановым будет обеспечен проход на дачу прилетевшим и организована встреча с Горбачевым. Ни об изоляции, ни об отключении связи Крючков не говорил» (т. 4, л. д. 95).

Вывод также не вызывает сомнений – следствие говорит о несуществующих материалах, провоцируя допрашиваемого на желаемый ответ, но ответы определенно свидетельствуют, что никто никаких планов 17 августа на объекте «АБЦ» не разрабатывал и об отставке, изоляции президента разговор не вел.

* * *

Болдин Валерий Иванович: «17 августа мне в больницу позвонил Крючков и пригласил. Когда я туда приехал, речь зашла о положении с подписанием Союзного договора, состоянии экономических связей, и в этой связи было предложено доложить обстановку Президенту и выехать для этого на юг, в Крым, где в

это время на даче в Форосе находился Президент СССР Горбачев М. С.» (т. 76, л. д. 213).

…Здесь обсуждался вопрос о развале государства, о необходимости принятия мер кардинальных – о сохранении Союза» (т. 76, л. д. 223).

Следователь: «Валерий Иванович, скажите, 17.08.91 на базе КГБ, где Вы тоже были, был ли разговор о том, чтобы сменить охрану на даче Президента, если он откажется с предложениями приехавших к нему лиц?»

Ответ Болдина В. И.: «При мне такого разговора не было» (т. 76, л. д. 231).

Следователь: «Валерий Иванович, скажите, на этой встрече не обсуждался вопрос об отставке Президента, если он не согласится с принятием тех соображений, которые Вы назвали?»

Ответ Болдина В. И. «Вопрос об отставке Президента вообще не обсуждался».

Следователь: «Скажите, не обсуждались ли вопросы на этой встрече об изоляции Президента?»

Ответ Болдина В. И.: «В моем присутствии таких вопросов не обсуждалось» (т. 76, л. д. 238).

Добавить к ответам В. Болдина 23 августа, 2 сентября, 2 и 10 октября 1991 года нечего и никаких комментариев не требуется.

* * *

Варенников Валентин Иванович.

Из собственного заявления следствию: «Анализируя встречу 17 августа, чистосердечно заявляю, что я не мог себя считать вступившим в заговор: на встрече никакого разговора о захвате власти не было, наоборот, говорилось об укреплении существующей власти и стабилизации обстановки; находясь среди руководителей, которые уже обладают огромной властью (плюс говорили о Янаеве и Лукьянове), я не видел во всем этом заговор. Это были озабоченные обстановкой руководители нашего государства.

Не говорилось и об отстранении Президента, а рассматривался вопрос о временной передаче его полномочий вице-президенту (в связи с состоянием его здоровья и тяжелой ситуацией, в какой оказался М.С. Горбачев, – имелась в виду обстановка в стране).

Хочу особо подчеркнуть, что речь шла именно о временной передаче функции, а не об отстранении…

Почему возникла эта идея о временной передаче функций. В

свое время ВС СССР предвидел возможную тяжелую ситуацию в государстве, дал все необходимые полномочия. Президенту, чтобы он мог оперативно пресекать тяжелые тенденции (в т. ч. вводить президентское правление и т. д.). Но М. С. Горбачев своевременно этим не воспользовался, а сейчас ему выступать с чрезвычайными шагами поздно. Поэтому было решено ему помочь. А дальше он должен был продолжать свою деятельность, но уже в новых стабилизационных условиях.

…17 августа вообще ничего не говорилось о захвате власти, о перевороте и т. п. Никто в моем присутствии не говорил и о замене законно избранных руководящих деятелей государства» (т. 103, л. д. 174, 175, 176).

Следователь: «Не связано ли включение Плеханова, командующего охраной Президента, с его последующей изоляцией?»

Ответ Варенникова В. И.: «Возможно, вопросы изоляции Президента участниками совещания ранее прорабатывались и в связи с этим какая-то задача Плеханову ставилась, но мне об этом ничего не известно»(т. 93, л. д. 249).

Следователь: «Когда вам стало известно, что будет отключена связь на даче Президента СССР Горбачева?»

Ответ Варенникова В. И.: «Если на совещании 17.08.91 на объекте КГБ обсуждался вопрос об отключении связи у Горбачева, то я этого не уяснил для себя… О том, что планируется изоляция Президента, я не понял, это не вытекало из разговора» (т. 102, л. д. 116).

Следователь: «Скажите, Валентин Иванович, об изоляции Президента в Форосе что-либо говорилось?»

Ответ Варенникова В. И.: «Я лично этого не слышал, так как в ходе беседы мы отдельные моменты разбирали по группам. К примеру, я иногда беседовал с Павловым, который сидел справа через кого-то, о проблеме уборки урожая, так как округа подчинялись мне и военнослужащие помогали решать эту проблему» (т. 102, л. д. 135).

…Содержание разговора на объекте «АБЦ» КГБ не может быть для меня свидетельством того, что якобы это был заговор (т. 102, л. д. 215).

…Никаких документов не видел, в руках не держал, и никто их не зачитывал. Исключением было «Обращение к народу» – отдельные фрагменты работник КГБ зачитывал. Но они были патриотической направленности (т. 102, л. д. 216).

…Ни одно из перечисленных («намеченных») мероприятий, а также ни одно из перечисленных требований в моем присутствии нигде не обсуждалось (т. 102, л. д. 217).

…ГКЧП был создан до моего участия в беседе 17 августа (т. 102, л. д. 219).

…Никаких, тем более заранее выработанных, ультимативных требований ни я, ни кто-либо из других присутствующих лиц в Крыму Президенту не предъявлял» (т. 102, л. д. 220).

Все приведенные показания 23, 24, 29 августа, 26 октября, 5 и 29 ноября 1991 года, как и другие показания Варенникова В. И., четко подтверждают как раз обратное утверждению обвинения – никаких планов захвата власти, заговора, отставки и изоляции Президента СССР 17 августа 1991 года на объекте «АБЦ» КГБ СССР не обсуждалось.

* * *

Бакланов Олег Дмитриевич.

Следователь: «16 августа вы у Крючкова в здании КГБ были?»

Ответ Бакланова О. Д.: «Видимо, был такой факт, этого я отрицать не могу».

Следователь: «Что это была за встреча, по каким вопросам?»

Ответ Бакланова О. Д.: «Возможно, это и был разговор о том, что надо было ехать и договариваться с Горбачевым по поводу сложившейся ситуации. Видимо, это происходило 16-го числа, а не 17-го, как я говорил раньше» (т. 21, л. д. 69).

Следователь: «Когда обсуждался вопрос о том, что Президента нужно изолировать?»

Ответ Бакланова О. Д.: «Этого я не знаю» (т. 21, л. д. 71).

Следователь: «А каково Ваше отношение к тем конкретным действиям, которые изложены в обвинении?»

Ответ Бакланова О. Д.: «Я могу сказать следующее: 17 августа 1991 года план захвата власти я не разрабатывал».

Следователь: «А в этот день кто-то из других такой план разрабатывал?»

Ответ Бакланова О. Д.: «Это мне не известно» (т. 22, л. д. 1)

Следователь: «В каком виде оговаривалась на этом совещании 17 августа ваша предстоящая поездка в Форос к Горбачеву?»

Ответ Бакланова О. Д.: «По этому вопросу во время этой встречи никакого разговора не было».

Следователь: «Как долго Вы находились в этот день на объекте «АБЦ»?

Ответ Бакланова О. Д.: «Не более часа-полутора».

Следователь: «Что происходило на этом объекте во время встречи?»

Ответ Бакланова О. Д.: «Я уже давал показания об этом. Шел разговор о тяжелом положении в стране, что необходимо принимать какие-то меры. По этому вопросу Президент занимает позицию очень пассивную, и надо было какие-то конкретные предложения выработать вместе с Президентом, чтобы выйти из этой ситуации. Был просто обмен мнениями».

Следователь: «А шла ли речь на этом совещании о замене Президента, о предложении ему уйти в отставку?»

Ответ Бакланова О. Д.: «Нет, не шла. И в Форосе Горбачеву никто из нас никаких требований не предъявлял и ни к чему не склонял».

Следователь: «А о введении в стране режима чрезвычайного положения или в отдельных ее местностях, об этом речь шла?»

Ответ Бакланова О. Д.: «Нет, не шла».

Следователь: «А о возможности изоляции Президента?»

Ответ Бакланова О. Д.: «Нет, не было».

Следователь: «Документы какие-то везли с собой?»

Ответ Бакланова О.Д.: «У меня никаких документов не было. И ни у кого из товарищей я каких-либо документов не видел».

Следователь: «ГКЧП имел какое-то отношение к вводу войск в Москву?» (т. 22, л. д. 97).

Ответ Бакланова О. Д.: «Этот вопрос на ГКЧП не обсуждался».

Следователь: «Такого разговора не было где?»

Ответ Бакланова О. Д.: «Нигде. Ни на ГКЧП, ни в индивидуальных разговорах» (т. 22, л. д. 110, 111).

* * *

Крючков Владимир Александрович: «Поехали Бакланов, Болдин, Варенников В. И., начальник сухопутных войск, Шенин О. С. с целью переговорить о трудностях в стране с Горбачевым, показать, что кризис усиливается и что осень и зиму мы нормально не переживем» (т. 2, л. д. 3).

Цель: доложить обстановку в стране, показать, что становится все хуже и, учитывая, что М. С. Горбачев не идет на меры чрезвычайного характера, попросить его сделать это и. о. Президента Янаеву Г. И. Сам Президент должен был бы остаться в стороне, хотя бы несколько дней» (т. 2, л. д. 39).

Следователь: «А в случае его несогласия?»

Ответ Крючкова В. А.: «В случае его несогласия мы должны были обсудить вопрос по возвращении наших товарищей (т. 3, л. д. 6).

…Это очень важно: что никогда, ни в ходе ни одного

разговора никто не поднимал вопроса о том, чтобы лишить власти» (т. 2, л. д. 14).

Следователь: «Когда и от кого исходило высказывание о необходимости заменить Президента СССР?»

Ответ Крючкова В. А.: «Вопрос о необходимости замены Президента СССР М.С. Горбачева не стоял, и его никто не ставил» (т. 2, л. д. 161).

…Хотел бы еще раз подчеркнуть, что вопрос о замене Президента СССР не стоял…» (т. 2, л. д. 163).

* * *

Язов Дмитрий Тимофеевич.

Следователь: «Поясните, все-таки заговор как таковой был? Был ли сговор?»

Ответ Язова Д. Т.: «…Что касается меня, то я считаю, что заговора не было» (т. 99. л. д. 118).

Следователь: «А по-русски можете сказать, а? Если не согласится, то какие действия должны быть у группы? Как вы обговаривали?»

Ответ Язова Д. Т.: «Не обговаривали вопрос. Какие действия группы должны быть, не обговаривалось. Я же Вам говорил» (т. 99, л. д. 121).

Следователь: «Нет, 17-го встречались на объекте. Ачалов был?»

Ответ Язова Д. Т.: «Да».

Следователь: «Там решался вопрос?»

Ответ Язова Д. Т.: «Да. Никто же не знал, что он будет изолирован».

Следователь: «Только имелось в виду, что если нет, то…»

Ответ Язова Д. Т.: «Даже это не говорилось. Об этом даже там конкретного разговора не было» (т. 99, л. д. 174).

Следователь: «Дмитрий Тимофеевич, Вы говорили о том, что 16-го числа по линии КГБ к технической работе был привлечен Грушко, а от Вашего ведомства Ачалов?»

Ответ Язова Д. Т.: «Ачалов, дня за два».

Следователь: «От Вас какая конкретная была поставлена задача?»

Ответ Язова Д. Т.: «Речь шла о юридическом, так сказать, решении, о законности решения такого вопроса.

…На встрече 17.08.91 на объекте «АБЦ» не обсуждался вопрос, как поступать членам группы, которая должна поехать к Президенту, в случае его отказа ввести в стране чрезвычайное

положение. Насколько я помню, в тот вечер разговоров по поводу объявления Горбачева больным, в случае его отказа от введения чрезвычайного положения, не было».

…Хочу отметить и то, что 17.08.91 на встрече также не обговаривались вопросы об образовании для управления страной государственного комитета по чрезвычайному положению (т. 99, л. д. 240).

…Заговора с целью захвата власти не было. При мне также вопросы не обсуждались… В моем присутствии вопрос о замене Президента на вице-президента Янаева не обсуждался… (т. 99, л. д. 242).

…Должен отметить, что все указанные документы я впервые увидел на встрече в Кабинете Павлова 18.08.91. Тогда же только узнал об образовании ГКЧП и о его составе, а тем более что я являюсь его членом».

Очевидно, что ответы Д. Т. Язова не вызывают никаких сомнений в неправомерности утверждения следствия о том, что якобы 17 августа 1991 года на объекте «АБЦ» разработан план захвата власти, приняты решения об отстранении и замене Президента СССР, лишении его связи, изоляции и т. д.

* * *

Шенин Олег Семенович: «Вскоре подъехал Павлов В.С. Он сделал информацию о рассмотрении Союзного договора на Кабинете Министров СССР… Настаиваю на том, что вопросы, как вводить ЧП, кто будет этим заниматься на отдельных направлениях, какие силы будут включены, не обсуждались (т. 70, л. д. 39).

…Мне не известен никакой план по захвачу власти в СССР. При мне никогда, нигде не обсуждался вопрос о замене законно избранных высших государственных деятелей другими лицами (т. 70, л. д. 40).

…Я настаиваю и утверждаю, что 17.08.91 никаких преступных планов по захвату власти, как об этом домыслили и сочинили органы следствия на листе № 2, с моим участием не разрабатывалось. Никаких планов на встрече при мне не составлялось, никаких документов не готовилось и не рассматривалось (т. 70, л. д. 152).

…Присутствовавшие на встрече 17.08.91 пришли к выводу о необходимости поездки в Форос к Президенту СССР, доложить ему крайне критическое положение. Речь на встрече шла именно о введении ЧП в стране» (т. 70, л. д. 153)

* * *

Я понимаю, что утомил читателя. Но для меня было главным убедить не речами и домыслами, а фактами, что заговор, если был таковой, то не со стороны ГКЧП. Видимо, эти документально зафиксированные на допросах показания повлияли на решение В. Степанкова отменить 12 августа 1992 года постановление своего заместителя Е. Лисова от 23 декабря 1991 года, в котором тот, будучи руководителем следственной бригады, признал, что предварительное следствие не нашло фактов, которые объективно составляют по своему содержанию преступление, квалифицируемое ст. 64 УК РСФСР «Измена Родине», и за отсутствием состава преступления уголовное преследование в этой части прекратить.

Вместо него было предъявлено обвинение в заговоре с целью захвата власти, как самостоятельное преступление в соответствии с Законом СССР о государственных преступлениях. Но все, что Вы, уважаемый читатель, прочли выше, не требует объяснений по части заговора. Можно добавить лишь то, что комментарии к Уголовному кодексу РСФСР гласят: «характерным для заговора является наличие у его участников цели изменить существующий советский государственный и общественный строй. Однако как заговор с целью захвата власти следует квалифицировать и действия тех лиц, которые из карьеристских побуждений сорганизуются для замены неконституционным путем законно избранных или назначенных руководящих деятелей государства».

Говорить об изменении советского строя и связывать это со мной, когда на весь мир от имени ГКЧП объявлялось, что на всей территории страны верховенство имеют Конституция СССР и Законы СССР, несерьезно.

О карьеристских соображениях говорить смешно, ибо власть, и достаточно большая, у меня была. Видимо, это тоже учли наши бойкие писатели – прокуроры, и тогда… Е. Лисов заболел, дело принял А. Фролов, его надежный заместитель. Шустрый заместитель, не имея ни одного нового факта, не проведя с моим участием ни одного следственного действия, согласно указанию Генпрокурора РФ В. Степанкова от 12 августа 1992 года прерывает ознакомление с делом, возобновляет следствие и 25 августа предъявляет уже однажды отмененное обвинение в измене Родине, а 7 сентября, так ничего и не добыв и не сделав, закрывает следствие с этим обвинением. Заодно организацию заговора почему-то переносят на 5 августа 1991 года. Почему не на 1990 год?..

Даже жалобы и ходатайства обвиняемых не рассмотрели к

тому времени. Опять куда-то торопились. Им некогда, следовательно, сойдет и так. Например, сами признают, что 5 августа меня нигде на встречах ни с кем не было, но я, тем не менее, остаюсь организатором.

Но самое «пикантное» заключается в том, что как только А. Фролов сделал безусловно грязное дело, Е. Лисов выздоровел. Вся его дальнейшая деятельность выразилась в подписании обвинительного заключения по обвинению, которое он сам же и признал безосновательным.

Ведь вновь приняв дело к производству, он даже следственной бригады не создал и сам не появлялся ни разу. О морали говорить здесь не приходится, а с юридической точки зрения правомерность такого поведения я оценивать не компетентен. Заявленные мной отводы ему и В. Степанкову они же сами рассмотрели и признали необоснованными. Единственное, что мне оставалось в той ситуации, – отказаться вообще знакомиться с их стряпней до суда, что я и сделал, как и многие мои коллеги.

* * *

О событиях 18 августа 1991 года и последующих дней много сказано и написано. Это, с одной стороны, облегчает мою задачу, а с другой – осложняет опасностью повторения широко известных фактов. Поэтому постараюсь касаться лишь фрагментов, не известных широкому читателю, либо тех, что, с моей точки зрения, освещены необъективно или ошибочно.

Сам день я провел на даче с семьей. Сын с семьей закончил отпуск и собирался улетать. Собирали вещи, организовали прощальный обед (оказался символичным). Но внутреннее беспокойство меня не покидало. Я так и не могу точно по сей день объяснить причину его появления. Но оно возникло и усиливалось. Мое знание прошлого и анализ поведения Горбачева в разных ситуациях к спокойствию не располагали. Тогда я решил позвонить А. Лукьянову и Г. Янаеву и уточнить, будут ли они вечером на встрече с уехавшими в Форос. При этом А. Лукьянову я прямо говорил, что, не исключено, Горбачев вернется в Москву вместе с поехавшими, так как в разговоре со мной он говорил о вечере 18-го или утре 19 августа как дате встречи для предварительного обсуждения проекта Договора по моим и Президиума Кабинета замечаниям и предложениям.

Янаев и Лукьянов подтвердили, что будут. Это немного успокоило, но не до конца. Примерно в 18 часов позвонил В.

Крючков и сказал, что полетевшие возвращаются, надо бы собраться. С учетом времени полета после 20 часов я прибыл в Кремль. Из доклада приехавших товарищей однозначно следовало, что Горбачев выбрал свой обычный метод поведения – вы делайте, а я подожду в сторонке: получится – я с вами, нет – я ваш противник и не в курсе дела. Об этом свидетельствовали и ссылка на его самочувствие, и пожелания успеха накануне, и «делайте как хотите сами», под предлогом завершения врачебных процедур, целый час заставил приехавших к нему ожидать приема, и картинные печаль и тревога мадам…

Все это вместе взятое, переданное нам прибывшими, свидетельствовало о том, что Горбачев решил повторить сценарий чрезвычайного положения в Москве весной 1991 года. Разница была лишь в том, что я не мог вторично, что называется, «играть втемную», не собирался. На этот раз первыми Горбачев подставлял А. Лукьянова или Г. Янаева. Не потому, что так складывались его личные симпатии. Ему если не антипатичны, то уж глубоко безразличны всегда были все. Он рассматривал нас лишь по одному критерию – выгодно лично ему или нет и где больше навар можно иметь. Поэтому обсуждение началось с вопроса, кто берет на себя подписание документов о введении ЧП. Лишь после жаркой дискуссии по этому вопросу, когда Г. Янаев подписал Указ о временном исполнении обязанностей Президента СССР, двинулась работа по другим документам. Важно отметить, что само название ГКЧП появилось именно в тот временной отрезок. По сути, его привезли из Фороса, так как Горбачев, обращаясь к прибывшим, спрашивал о комитете – что за комитет, кто его создал и т. п. – и тут же сам написал практически персональный состав. Даже А. Лукьянова предусмотрительно вписал, под знаком вопроса.

Что касается введения чрезвычайного положения, то, как признало само следствие, ГКЧП его не вводил, ибо «по совету Лукьянова эта формулировка была изменена на «в отдельных местностях СССР», что соответствовало закону.

Встреча началась после 20 часов 18 августа 1991 года и закончилась около 3 часов 19-го. Документы были закончены разработкой примерно в 24 часа, и только после этого к чаю и кофе принесли бутылку виски. Это документированный факт. Привожу его лишь потому, что не перевелись еще лица, надеющиеся выдать действия членов ГКЧП как какое-то сборище подвыпивших мужичков – не очень умные, не очень трезвые, не слишком храбрые. Свидетель И. В. Довиденко на допросе показал следующее: «…Приблизительно в 21.00 была первая подача на совещание. Подавали мы вдвоем… Во время подачи чая в зале…

обстановка была обычной. На столе находились документы, пепельницы. Вторая подача состоялась приблизительно в 24.00… Когда мы зашли, на столе появилась бутылка виски. Третья подача была приблизительно в 3.00. Были ли среди них лица в нетрезвом состоянии или они были уставшими, я точно сказать не могу, потому я этого не понял» (т. 54, л. д. 271).

Человек, обслуживающий стол, профессионал, будучи там, на месте «действий», не понял, а прокуроры и следователи спустя месяц поняли. Вопрос только один – сами или кто подсказал? Зачем?..

Закончу же это показаниями А. Бессмертных и словами О. Бакланова 21 ноября 1991 года. А. Бессмертных на допросе сказал: «В.С. Павлов вел в основном разговор об экономическом положении страны, говорил о развале, хаосе… Когда я в конце уже решился уйти, то Павлов сказал мне: «Пойми, все, что мы делаем, это не ради себя» (т. 124, л. д. 195).

Отношение же к Горбачеву в этой ситуации лучше всех выразил Бакланов словами, обращенными к Г. Янаеву, смысл которых состоял в том, что вопрос о том, болен Президент, не болен, чем болен, не главный, выздоровеет и приедет, а страну спасать надо независимо от чьегото желания участвовать или отсидеться…

* * *

Считаю, что нужно разъяснить вопрос о появлении бронетехники на улицах Москвы. Следствие упорно твердило о том, что этот вопрос был обсужден и решен 18 августа в соответствии с предварительно достигнутым 17 августа соглашением на объекте «АБЦ». Что касается 17-го числа, необоснованность этого достаточно освещена в ранее приведенных мной показаниях всех, кто присутствовал тогда там. Я свидетельствую, что когда О. Бакланов, О. Шеин и другие говорили на допросах о том, что 18 августа будущий ГКЧП ввод войск в Москву не обсудил и решений на этот счет не принимал, то они говорили чистую правду.

Вынужден потревожить память глубокоуважаемого В.Г. Пуго. Дело в том, что он, говоря о криминогенной ситуации в Москве, подчеркивал явную недостаточность своих сил и технических возможностей для гарантий спокойствия и безопасности граждан, объектов хранения ценностей, производства и торговли. И в этой связи говорил о том, что в случае необходимости оказания помощи при возникновении экстремальных ситуаций в городе он

просил бы армию оказать помощь в той мере и в том порядке, как это уже неоднократно делалось в разное время в Москве и других городах. Вот почему указания маршала Д. Язова, имеющиеся в распоряжении следствия, гласят о выдвижении воинских частей к Москве, а не в Москву. Тот, кто знает город, легко поймет значение таких мест, как аэродром Тушино, Теплый Стан, Ходынка, – это так называемая «парадная площадка». Это именно те места, где воинские части, прибывающие для участия в парадах, находятся на временной дислокации. Командующий Московским военным округом генерал-полковник Н. Калинин в собственноручно написанном заявлении следователю В. Гусеву 30 сентября 1991 года сообщал: «Мне была поставлена задача в готовности ввести в Москву 2 мсд и 4 тд и совместно с УВД города обеспечить поддержание общественного порядка в городе и охрану в нем важных объектов… Выход частей предусматривалось осуществить первоначально в районы парадной площадки и Теплого Стана…» (т. 107, л. д. 28). Было ли в этом что-то новое, необычное, связанное именно с «созданием ГКЧП?

Тот же Н. Калинин еще 18 сентября 1991 года свидетельствовал на допросе у следователя В. Фокина: «Командующим Московским военным округом я назначен в феврале 1989 года, за это время… войска в Москву вводились раз 5 по различным причинам» (т. 107, л. д. 25). Это же подтверждают и многие другие допрошенные военнослужащие. Начальник штаба Московского военного округа генерал-лейтенант Л. Золотов вспоминал 24 сентября 1991: «9.IX. 1990 года… В этот день все практически начиналось точно так, как и ввод войск в гор. Москву 19 августа 1991 года» (т. 107, л. д. 99).

Тогда возникает логичный вопрос: где Тушино и где Садовое кольцо, Белый дом и т. п. Зачем были нужны войска именно в тех районах Москвы, где они фактически находились? Ответ на этот вопрос, на мой взгляд, содержится главным образом в показаниях П. Грачева, Ю. Скокова, Е. Подколзина. Так, Ю. Скоков 26 октября 1991 года рассказывал о том, что «…мы договорились прежде всего об одном: чтобы мы начали контактировать с армией, решая проблемы социальной устроенности армии, чтобы иметь какие-то четкие взаимоотношения с военными, первоначально хотя бы на личном уровне. А дальше – в зависимости от развития событий… Мы с Грачевым договорились, что мы с Ельциным заедем в Тульскую дивизию, где у них специальный полигон… Во время визита… там были и генералы Лебедь и Грачев. С этого времени (июнь 1991 г.) Ельцин был с нами обоими знаком» (т. 93, л. д. 136).

По словам Т. Митковой, «Грачев лично организовал тогда воздушный праздник для Ельцина… Грачев говорил, что там он познакомился с Ельциным и у них установились очень хорошие, теплые отношения» (т. 93, л. д. 258).

Ну а теперь слово самому П. Грачеву: «В 19 часов 18 августа Язов вызвал меня к себе и сообщил, что делегация находится в Форосе, ведутся переговоры с Президентом СССР, видимо, они будут успешными и Горбачев даст «добро!»…В 4 часа ночи 19 августа Язов вызвал меня на связь и объявил, что все вопросы в Форосе решены и вводится чрезвычайное положение. В 6 часов утра следует ждать об этом сообщения…»

Итак, «добро» из Фороса получено. А что же в Москве? «После 6 часов утра 19 августа (с дачи из «Архангельского») мне позвонил по телефону в кабинет Б.Н. Ельцин и спросил меня (почему, скажем, не Язова? – *В. П.)* , что происходит. Я ему объяснил, что введено чрезвычайное положение, войска идут из Тулы к Москве в Тушино (заметь, читатель – не в Москву, а к Москве, в Тушино. – *В. П.)* , а дальше будут действовать по указанию министра обороны СССР. На это Б. Н. Ельцин мне ответил, что это авантюра, настоящая провокация. (Позволю себе напомнить о вышеприведенных откровениях Г. Попова по изучавшимся им сценариям «путча». – *В. П.)* Он ответил, чтобы я выделил личный состав ВДВ для охраны «Белого дома». Я пообещал ему выдвинуть подразделения ВДВ к «Белому дому» для его охраны. В 8 часов утра ко мне приехал помощник советника Б.Н. Ельцина Портнов (и остался до 22.VIII.91 г.), и мы договорились с ним о взаимодействии. Около 8 часов этого же дня мне позвонил Ачалов и передал указание взять под охрану Госбанк, Госхранилище, радио и телевидение. При этом я сказал Ачалову, что беру под охрану «Белый дом» и Моссовет. Он с этим согласился и сказал, чтобы я так и действовал, но при этом двигались войска осторожно и не подавили людей. О просьбе Ельцина взять под охрану «Белый дом» Ачалов знал. После этого я поставил задачу Лебедю выделить для охраны указанных объектов по батальону ВДВ, а батальон для охраны «Белого дома» приказал вывести лично, о чем доложить Президенту России» (т. 109, л. д. 38,39).

От себя могу добавить лишь то, что указание было выполнено с перевыполнением. Встретив на марше войска Тульской дивизии, командование ВДВ вывело в Москву к «Белому дому» батальон и роту разведки, плюс часть войск к Моссовету. Вот почему для многих членов ГКЧП появление войсковой бронетехники в городе 19 августа 1991 года было неприятной неожиданностью. Я лично, прибыв в 14 часов с дачи в здание Кабинета Министров СССР на

Пушкинской улице, вовсе не пришел в восторг, когда обнаружил бронетехнику.

* * *

Вскоре после приезда я по соглашению с Г. Янаевым выехал в Кремль. Там у вице-президента обсуждался вопрос о проведении пресс-конференции. Она, естественно, была теперь, после появления бронетехники в городе, вдвойне необходима. Но я отказался в ней принять участие по двум причинам: первая – мне нужно было проводить в 15 часов Валютный комитет (пришлось перепоручить это дело В. Щербакову, хотя он к этому был вовсе не готов. Я вынужден был по телефону разъяснять ему нашу позицию и решения, которые требуется провести на заседании), а затем заседание Кабинета Министров. Это заседание в той ситуации ни перенести, ни передоверить кому-либо его ведение я не мог. Беда стояла у порога, и мне она была более объемно и четко видна, чем любому другому члену Кабинета. На повестку дня заседания Кабинета Министров СССР было вынесено обсуждение решения Президиума Кабинета об отношении к горбачевскому проекту Договора о Союзе суверенных государств.

Чувствовал я себя очень плохо. Бессонная ночь и нервные перегрузки последнего времени, особенно субботы и воскресенья, не могли пройти бесследно. Пришлось прибегнуть утром к помощи врача. Небезынтересен будет тот факт, что проводимая В. Степанковым и Е. Лисовым выдержка из допроса моего лечащего врача Д.С. Сахарова изложена ими так, как ее записал следователь: «Где-то около семи утра мне позвонил охранник премьер-министра и попросил срочно приехать. Павлову, сказал он, плохо. Я приехал. Павлов был пьян. Но это было не обычное простое опьянение. Он был страшно взвинчен до истерики. Я стал оказывать ему помощь…» (стр. 109. В. Степанков, Е. Лисов, «Кремлевский заговор». Изд-во «Огонек», 1992).

На этом показания обрываются. И не случайно. Вопервых, показания гласят: «Но это было уже не простое опьянение». Кто из «писателей», любому понятно зачем, вписывает от себя «обычное»? Дальше идет: «Он был страшно взвинчен». Кто и зачем приписывает Сахарову слова о моей якобы истерике? Следующих дальше слов «Я стал…» вообще нет в протоколе. А есть – «19-го я подлечил его, к обеду он был готов ехать и мы уехали на Пушкинскую» (т. 59, л. д. 16).

Кроме того, писатели от прокуратуры молчат, что, прочитав запись следователя, врач Д. Сахаров, не один день проведший в

госпиталях действующей 40-й армии в Афганистане, собственноручно дописал: «Хочу дополнить, что пациент 19.08.91 днем принимал рудотель и транксен. Прием алкоголя мог усугубить состояние». Вот так с действительностью у наших писателей от прокуратуры. И приведенный выше пассаж – это не единственный пример. Далее (стр. 132) они заявляют о том, что после вечернего разговора с Д. Т. Язовым по телефону «дальнейшему участию премьер-министра в заговоре помешал тяжелый запой». Между тем в деле лежит официальная справка Кунцевской больницы о моем состоянии здоровья, где при детальнейшем изложении заболеваний об алкоголизме нет даже намека. Кстати, в упоминаемых показаниях Д. Сахарова на вопрос следователя врач также прямо отвечает, что алкоголиком В.С. Павлов не был. Зачем же тогда и кому понадобилось столь беспардонно пытаться замарать мое имя, прибегая к явной подтасовке фактов и их искажению?

От В. Степанкова и Е. Лисова ответа по существу мне добиться почти ни разу не удалось, а уж там, где явная ложь, да еще публичная, чего же ожидать. Пришлось мне по этим вопросам отдельно, не ожидая окончания суда по всему делу, обратиться в гражданский суд с иском об оскорблении чести и достоинства. Суд – не арестованный В. С. Павлов, бывший премьер-министр СССР, которого В. Степанков и Е. Лисов уже, видно, списали, ему, мол, никогда «не подняться», и потому, очевидно в погоне за гонорарами, как писатели, позволяют себе вещать «о тяжелом запое», а в обвинительном заключении на стр. 124, т. 4, один подписывает, другой утверждает написанное: «после чего, в силу развития гипертонического кризиса, вплоть до провала заговора находился на постельном режиме». Куда дальше, господа законники…

* * *

Так чем же закончилось заседание 19 августа? По версии следствия – ничем, призывы и требования премьера не получили завершения и оформления. И вновь неправда. В деле лежат документы и показания свидетелей, подтверждающие факт принятия решения и доведения его до исполнителей на местах. Правда, раз факт противоречит написанному в прокуратуре обвинению, то он вроде бы и есть, но для прокуратуры его как бы и нет. А ведь речь идет о том, что хотя Кабинет формально не собирался больше и его решения не оформлялись, но премьер-министр СССР свое решение принял: продиктовал по телефону

заведующему Секретариатом В. Бацанову телеграмму министерствам и ведомствам и приказал довести ее немедленно до министров, а им собственно до предприятий для исполнения. Вот она: «В. С. Павлов поручает Вам связаться с руководителями подведомственных Вам предприятий и информировать их о том, что Правительство, как исполнительная власть, и другие союзные органы управления продолжают работать и выполнять возложенные на них функции.

ГКЧП в СССР намерен, как известно, обратиться за подтверждением полномочий к ВС СССР, который соберется 26.VIII с. г. и будет решать возникающие вопросы. Наша главная задача – обеспечивать нормальный ход производственного процесса и выполнения имеющихся заданий» (т. 57, л. д. 185).

В деле есть не только телеграмма, передававшаяся из Кабинета Министров СССР, но и экземпляры, изъятые в министерствах и на предприятиях, то есть полученные и принятые ими. Так что не только знали о существовании этого решения в прокуратуре, но и проверяли его подлинность и факт поступления даже по предприятиям. Но эта «деталька» не потребовалась – не та была задача, не тот заказ у следствия…

После окончания заседания Кабинета Министров СССР я прошел к себе в кабинет вместе с В. Щербаковым, где мы примерно час обсуждали сложившуюся ситуацию. К тому времени у меня уже были не подозрения, а твердая уверенность, что нас расчетливо предали и притом заранее. Главное в тот момент было постараться найти пути сберечь структуры и кадры, преданные единству страны, ее федеративному устройству и национальным интересам. Не случайно первый удар М. Горбачева был направлен именно против меня как премьер-министра СССР. Его указ от 22 августа 1991 года об освобождении меня от должности незаконен как по юридической процедуре, поскольку Верховный Совет дал свое согласие на такое действо лишь 25 августа 1991 года, так и «в связи с возбуждением Прокуратурой СССР уголовного дела за участие в антиконституционном заговоре». В действительности же не было вплоть до 28 августа против меня лично такого дела, а Прокуратура СССР вообще его никогда так не возбуждала.

Тем самым М. Горбачев своим указом дал прямую директиву прокуратуре, какое дело и против кого возбуждать. Факт, прямо скажем, беспрецедентный для так называемых строителей правового общества и гуманистов, приверженных общечеловеческим ценностям. Вот потому-то следствие, понимая всю абсурдность обвинения в измене Родине в отношении всех нас вместе и каждого в отдельности, так и не могло отойти от

заданной линии вплоть до отставки М. Горбачева с поста президента и развала СССР при его участии и благословении.

Позже Горбачев критиковал Ельцина, Кравчука, Шушкевича за Беловежскую Пущу, пытался возложить на ГКЧП ответственность за развал страны. 13 августа 1992 года на допросе он вещал: «Срыв его подписания (Договора, о сути которого смотри ранее) в результате заговора прямо обусловил те процессы дезинтеграции, которые в конечном счете привели к распаду Союза ССР. Это одно из самых тяжелых последствий августовских событий. Я высказываю свое субъективное мнение, оно изложено в «Заявлении Президента СССР и высших руководителей союзных республик», подписанном наряду со мной руководителями десяти республик» (т. 130, л. д. 146).

И вновь ложь. Притом настолько грубая, легко изобличаемая, что закрадывается невольное подозрение… Ну не считает нужным человек, считающий себя недосягаемым для других людей интеллектуалом, заглядывать в документы, прежде чем на них ссылаться. Но ведь были помощники. Целый Фонд сидел, да и «демократические» собратья были недалече. Ведь так называемый допрос не только шел в помещении Фонда, но и печатался там. Следовательно, было время спросить, проверить, прежде чем подписывать, даже если в тот же день.

Ведь в Заявлении, на которое ссылается Горбачев, дословно написано следующее: «Мы констатируем, что срыв заговора, победа демократических сил нанесли серьезный удар по реакционным силам и всему тому, что сдерживало процесс демократических преобразований. Тем самым создан исторический шанс для ускорения коренных преобразований, обновления страны». Вот ведь незадача – оказывается, констатировали, что «процесс пошел» именно тот, которому мешали, который сдерживали члены ГКЧП и их единомышленники. И если потом М. Горбачев «прозрел», что это были «процессы дезинтеграции», так кто же тогда, как не он, их создатель и вдохновитель.

А что касается срыва подписания Договора, то далее в Заявлении говорится: «В этих условиях (когда, наконец, создан «исторический шанс». – *в. П.*) законно избранные высшие руководители страны в лице Президента СССР, президентов и председателей Верховных Советов республик в целях недопущения дальнейшего распада структур власти и до создания новой политической, государственной системы отношений… согласились с необходимостью: 1) подготовить и подписать всеми желающими республиками Договор о Союзе суверенных государств, в котором каждая из них сможет

самостоятельно определить форму своего участия в Союзе» (т. 130, л. д. 148).

* * *

Вот так Горбачев писал тогда. Кто же тогда кроме Горбачева виновен в том, что он не захотел (или ему не позволили) опереться на те руки, которые могли не допустить «распада структур власти». Чего же удивляться, что желающих сберечь такого политика, даже как свадебного генерала ССГ и СНГ, не нашлось. Единожды предавший, кто же тебе поверит…

А ведь Горбачев предавал не раз и не одного. То, что известно мне и написано в этой книге, лишь малая часть истории подлинной жизни и деятельности М. Горбачева. Ведь молчат пока такие люди, которым есть что сказать о Горбачеве в значительно большем объеме и в более неприглядном, конечно с точки зрения порядочного человека, свете. Но они же не будут молчать всегда. А Горбачев своим бесконечным, неудержимым потоком лжи сам дергает за усы спящего тигра. Но пусть не забывает – спящий еще не значит убитый.

По ст. 64 «а» УК РСФСР «Измена Родине» Горбачева уже осудил народный трибунал. А ведь недалеко уже и до народного суда…

Приложения

Портрет Горбачева, команда предателей, масоны Олег Платонов

Читая труды выдающихся людей современности, с горечью понимаешь и осознаешь ту тошнотворную политическую обстановку в предразвальный период страны, когда кучка политических негодяев и предателей во главе со ставропольским цудой, играя судьбами миллионов людей, готовила крах Союза. Они за спиной у народа были заняты своим черным делом. Лишь потом, когда развал страны был уже предопределен, а сам его организатор был вытурен из Кремля своим соперником, он, на досуге, на весь мир (показало шведское TV) запел: «Мы не сеем, мы не пашем, мы валяем дурака…» Валял бы он дурака всю свою жизнь – и народ не вымирал бы миллионами. Так ведь нет же: все эти дегенераты-выродки как бешеные прут во власть. Жить в покое они не могут и, дорвавшись до власти, не дают спокойно жить людям.

На заседании Политбюро 11 марта 1985 года генсеком избрали М. С. Горбачева. С инициативой этого первым выступил А. А. Громыко. Заседание прошло по давно заведенному образцу. Дружная похвала переплеталась с откровенной лестью новому «хозяину». А сам Горбачев заверил членов Политбюро, что выше всего ценит «коллективность и единство» и будет стремиться наладить «дружную работу» и атмосферу взаимопонимания. «Нам не нужно менять политику, – заявил он на этом заседании. – Она верная, правильная, подлинно ленинская политика. Нам надо набирать темпы, двигаться вперед, выявлять недостатки и преодолевать их, ясно видеть наше светлое будущее».

В тех тяжелых условиях, в которых оказалась наша страна в начале 80-х годов, трудно было найти более неподходящей личности на роль национального лидера, чем Горбачев. Он был абсолютно чужд русскому народу и русской культуре. Лишенный национального сознания и, более того, агрессивно враждебный всему, что составляло национальную суть России, ее традиции и основы, Горбачев представлял собою идеального космополита. Политикан в американском смысле этого слова, Горбачев, по мнению его космополитических сотрудников, был личностью, мыслящей по-западному, и именно поэтому легко нашел общий язык с такими известными антирусскими деятелями, как Тэтчер и Буш, Коль и Миттеран.

По большому счету, неумный, ограниченный, поверхностно образованный (а фактически малообразованный, особенно в области политики и экономики), до глупости тщеславный, до

безрассудства злопамятный, Горбачев стал довольно легкой добычей западных политиков, умело игравших на всех перечисленных выше слабостях советского лидера. Позднее, уже втянутый в работу мондиалистских структур, он полностью показал свое настоящее политическое ничтожество, став своего рода послушным рядовым «нового мирового порядка».

Не обладая даже зачатками национального русского сознания, этот манкурт проявил себя идеальным проводником космополитических идей и взглядов. Причем в силу уже отмеченной ограниченности и малообразованности Горбачев, выступая с тезисами о «новом политическом мышлении», не мог осознать, что, по сути дела, повторяет идеологические азы космополитизма и мондиализма. В силу этих своих особенностей Горбачев стал для нашей страны роковой фигурой, особенно опасной в период резкого усиления тайной войны Запада против России.

Типичный аппаратчик, Горбачев разделял людей не столько по убеждениям, сколько по отношению к себе. Даже став фактически вторым лицом в партии, Горбачев продолжал делить людей на «лично» преданных и неверных. Как вспоминал В. И. Болдин: «Все, кто помогал К. У. Черненко как генсеку или был в контакте с другими секретарями ЦК, членами Политбюро ЦК, заместителями председателя Совмина СССР, не содействовавшими возвышению Михаила Сергеевича, зачислялись в противники. И спустя годы он помнил их колебания, и мало кто смог вернуть его признание».

В политике Горбачев придерживался принципа «разделяй и властвуй». В Политбюро на идеологическую работу он поставил – Е.К. Лигачева и А.Н. Яковлева – людей, которые находились в состоянии постоянной конфронтации и ненавидели друг друга. Как пишет руководитель аппарата Горбачева Болдин, «генсек не без умысла сталкивал своих соратников, исходя из того, что в этой борьбе они ослабят друг друга… будут ручными. Наблюдая за этой борьбой, Горбачев тихо и счастливо смеялся». Каждый из боровшихся формировал лагерь своих сторонников. Однако объективно усиление позиции шло в пользу Яковлева.

«На словах М.С. Горбачев был поборником принципа сокращения аппарата управления, а на деле расширял вокруг себя чиновничью челядь, мощно и эффективно использовал ее возможности в борьбе с политическими противниками. Он считал себя олицетворением порядочности и законности, но не гнушался никакими методами, чтобы все знать о своих политических противниках, соратниках и окружении, контролировал их действия. Выступал за скромность в быту и слыл противником

привилегий, сохранив для себя весь набор бесплатных и льготных благ, которые существовали во времена застоя».

Хотя Горбачев находился всегда на полном обеспечении и ни в чем не нуждался во время поездок за рубеж, он приказывал выписывать и себе, и своей жене огромные командировочные, за счет которых делались личные закупки, приобретались дорогие наряды и драгоценности. Впрочем, стяжательство и алчность к вещам наблюдались у Горбачевых еще в ставропольский период их жизни. Бывшие работники Ставропольского крайкома, где М. С. Горбачев был секретарем, вспоминают его прозвище Мишка-пакет за склонность принимать подношения. Жена будущего генсека не брезговала посещать торговые базы, отбирая себе лучшие товары.

* * *

Зловещие события перестройки можно было предвидеть, потому что в самом начале правления Горбачева главным партийным идеологом страны стал радикальный русофоб, много лет связанный с ЦРУ, А. Н. Яковлев. В качестве секретаря ЦК он курировал идеологию и культуру, а через год стал членом Политбюро.

По данным КГБ и военной разведки, которыми они располагали уже в середине 80-х годов, А. Н. Яковлев был связан с ЦРУ еще с момента учебы в Колумбийском университете США. Горбачев и представители высшего руководства знали об этом, но ничего не предпринимали. Только в 1991 году было ограничено количество документов, направляемых лично Яковлеву.

15 января 1988 года в газете «Правда» по указаниям Горбачева и Яковлева публикуется большая статья советника, а впоследствии помощника Горбачева Г. Шахназарова «Мировое сообщество управляемо». В этой статье советник генсека излагал азы мондиалистской, масонской идеологии. Шахназаров пересказал главные программные понятия ведущих центров мондиализма – Бильдербергского клуба, Трехсторонней комиссии и Совета по международным отношениям.

Статья призывала к созданию наднационального правительства, которое бы управляло мировым сообществом, как бы указывало направление перемен и стало сигналом космополитическим и мондиалистским силам как внутри страны, так и за рубежом…

У Горбачева контакт с масонством произошел, по-видимому, во время его отдыха в Италии, где тогда напористо и очень

инициативно действовали подконтрольные ЦРУ масонские ложи, ставившие своей целью сдерживание коммунизма (в частности, знаменитая ложа «Пропаганда-2», возглавляемая агентом ЦРУ Л. Джелли). Контакты А. Н. Яковлева с масонством относятся ко времени его пребывания в США и Канаде. Они, безусловно, не ограничиваются встречами с масоном П. Трюдо.

Первые опубликованные известия о принадлежности М. Горбачева к «вольным каменщикам» появляются 1 февраля 1988 года в немецком малотиражном журнале «Мер Лихт» («Больше света»). Аналогичные сведения публикуются в нью-йоркской газете «Новое русское слово» (4 декабря 1989), там даже были приведены фотографии президента США Буша и Горбачева, проделывающих руками типичные масонские знаки.

Однако самым веским свидетельством принадлежности Горбачева к масонству становятся его тесные контакты с руководящими представителями мирового масонского правительства и вступление в члены одной из главных мондиалистских структур – Трехсторонней комиссии. Посредником между Горбачевым и Трехсторонней комиссией выступал известный финансовый делец, масон и агент израильской спецслужбы «Моссад» Д. Сорос, образовавший в 1987 году так называемый «Фонд Сороса – Советский Союз», из которого позднее вырос советско-американский фонд «Культурная инициатива», имевший откровенно антирусский характер.

В число функционеров и активистов «Фонда Сороса» вошли известные русофобы Ю. Афанасьев, главный редактор журнала «Знамя» Г. Бакланов, идеолог разрушения русских деревень Т. Заславская, скандально известный адвокат А. Макаров.

Из средств Сороса оплачивалась антирусская деятельность политиков, сыгравших трагическую роль в судьбе СССР, и в частности Ю. Афанасьева. В 1990 году фонд финансировал пребывание в США группы разработчиков программы по разрушению советской экономики «500 дней» во главе с Г. Явлинским, а позднее и членов команды Гайдара (когда они еще не были в правительстве).

За счет Сороса финансировалась антирусская деятельность органов печати и телевидения, велась подготовка специалистов «независимого телерадиовещания».

Наблюдая за многосторонней антирусской деятельностью «Фонда Сороса», поражаешься не только ее масштабам, но и тщательной проработке конкретных мероприятий. В результате этого возникает чувство, что за спиной Сороса стоит огромная и очень влиятельная организация. Не удивлюсь, если через сколько-

то лет мы узнаем, что «Фонд Сороса» являлся подставной организацией, через которую американское правительство руками ЦРУ вкладывало деньги в разрушение русского государства.

* * *

Вступление Горбачева в состав членов Трехсторонней комиссии (возглавляемой Д. Рокфеллером, исполнительный директор З, Бжезинский) следует отнести к январю 1989 года. Встреча главных архитекторов советской перестройки и «братьев», работавших на «благо» «Архитектора Вселенной» и нового мирового порядка, состоялась в Москве. Трехстороннюю комиссию представляли ее председатель Дэвид Рокфеллер (он же руководитель Совета по международным связям), Генри Киссинджер (руководитель «Бнай Брит»), Ж. Бертуан, В. Жискар д'Эстен, Я. Накасонэ и У. Хайленд.

Со стороны новообращаемых в веру мировой закулисы кроме М. Горбачева присутствовали А. Яковлев, Э. Шеварднадзе, Г. Арбатов, Е. Примаков, В. Медведев и некоторые другие. В результате секретных переговоров были выработаны соглашения о совместной деятельности, характер которой в то время был мало кому ясен. Однако все стало понятно в конце того же года, когда в том же составе своих соратников, что и на встрече с делегацией Трехсторонней комиссии, М. Горбачев встретился на острове Мальта с президентом Д. Бушем.

Многие специалисты склонны считать, что Мальта стала местом роковых договоренностей Горбачева с Бушем, которые вскоре привели к крушению СССР и катаклизмам в странах Восточной Европы. Заключение важной договоренности именно на Мальте, столице ордена мальтийских рыцарей, кавалерами которого являются члены Трехсторонней комиссии и Бильдербергского клуба, как бы символизировало новый этап отношений между мировой закулисой и согласившихся на предательство Родины руководителями КПСС.

(Из кн. О. Платонова «История русского народа в XX веке», т. 2, гл. 58)

Обобщенный портрет Горбачева Владимир Лисичкин и Леонид Шелепин

О раскаяниях А. Громыко по поводу «избрания» Горбачева Генсеком

Всю оставшуюся жизнь А.Громыко переживал, что именно он выдвигал Горбачева.

В. Крючков вспоминает:

«Мне известно, что, когда началось обсуждение кандидатуры на пост лидера партии, Громыко первым назвал Горбачева. Он начал с того, что хватит играть в игры, что среди руководства есть молодой, энергичный человек и надо выбирать его. Позиция Громыко предопределила ход обсуждения, его поддержали другие, вопрос был решен. Известно мне и другое. Вскоре Громыко стал высказывать сожаление по поводу внесенного предложения об избрании Горбачева на пост лидера партии. В конце своей жизни он уже громко сетовал по этому поводу, считая, что крупно ошибся, обманулся в Горбачеве. Чувствовал себя виноватым в том, что из-за человека, которого он предложил и на кандидатуре которого настоял, в стране начались процессы, опасные для государства и общества».

О продвижении НАТО на Восток

На вопрос корреспондента журнала «Штерн» о продвижении НАТО на Восток он ответил: «Да, при воссоединении Германии Запад обещал не продвигаться на Восток. Затем СССР развалился, и Запад забыл свое джентльменское слово». Поразительно и другое, продав и перепродав всех и вся, господин Горбачев говорит о… «джентльменстве».

Горбачев лицемерит, а точнее говоря, лжет. В 1990 году при переговорах с западными руководителями, прежде всего с президентом США Бушем, Горбачев, по сути, подтолкнул НАТО к продвижению на Восток. Вот как об этом повествует американский журналист К. Уолш:

«В июне 1990 года во время визита Горбачева в США за чашкой чая в кабинете президента Буша в присутствии советников обоих президентов и глав дипломатических посольств советский лидер заявил как бы мимоходом, что согласен признать членство объединенной Германии в НАТО, если этого захочет немецкий народ. Присутствующие были потрясены».

Уолш отмечает, что Буш даже попросил Горбачева повторить

то, что он сказал. После этого остальное было делом техники, закрепившей полную капитуляцию, полный отказ от потсдамских соглашений, от наших прав и ответственности в отношении Германии. В сентябре 1990 года в Москве был подписан договор об урегулировании отношений с Германией, а в октябре того же года состоялся торжественный акт ликвидации ГДР, а по существу, позорный акт сдачи ГДР.

О выводе советских войск из Восточной Европы

Ясно, что за процесс вывода советских войск из Восточной Европы и оставленное там имущество и недвижимость можно было получить, если бы этот процесс протекал в соответствии с принятыми юридическими нормами, десятки миллиардов долларов.

Западная группа войск (ЗГВ) построила в Германии полностью или частично 777 военных городков, 5269 складов и баз, 3422 учебных центра и полигона, 47 аэродромов, 20 тысяч квартир. Горбачев соглашался с оценкой имущества ЗГВ в 30 млрд. марок; в 1992 году российское правительство снизило эту сумму до 10 млрд. марок.

А 16 декабря 1992 года в совместном заявлении Б. Ельцина и Г. Коля было сказано: «Недвижимое имущество, построенное за счет средств бывшего СССР на земельных участках, являющихся германской собственностью, передается германским властям… Стороны отказываются от предъявления друг другу претензий…».

О Нобелевской премии мира Горбачева

Горбачев в обмен на прозападный имидж и Нобелевскую премию в одночасье приблизил НАТО к границам России на сотни километров по всему периметру. Зато и гонорар его соответствующий: лекция самого знаменитого ученого, писателя или политика из России стоит не более 1000 долларов, а лекция Горбачева – 10 000 долларов. Так сказать, прозападный имидж в действии.

(Из интервью А. Зиновьева альманаху «Восток» (август 2003 г.):

«…Потом появилась книжка «Катастройка» – я так и назвал ее, я ввел это понятие «катастройка», да, в употребление. И мне был задан вопрос, это напечатано было в российской прессе, – можно ли остановить вот эту катастройку, так сказать? Я сказал: «Можно». – Как? – Очень просто: надо для этого взять, скажем, Горбачева, Яковлева и других, повесить в 24 часа как предателей. Повесить как предателей по закону военного времени, поскольку идет война. Но была же, появилась в «Известиях» статья, которая называлась «Философ-вешатель».

Крах политического пигмея

«С каким куражом стащила-таки Горбачева камарилья Ельцина, – рассказывает Н. Байбаков. – В моей памяти чрезвычайная сессия Верховного Совета РСФСР 21 августа 1991 года, где председательствующий Б. Ельцин предоставил слово Президенту «уходящей» страны М. Горбачеву. Депутаты встретили его свистом и топотом, грубыми выкриками – и так до конца его выступления. Горбачев стоял бледный и упорно продолжал свою речь с надоевшими объяснениями, но его не слушали. Вот сошел он с потным лицом с трибуны, и стали депутаты задавать вопросы, а было их много – напористых, злых вопросов. Ответы же Горбачева своей трусливой невразумительностью вызвали шум, гвалт, свист и негодование. Дошло до того, что Ельцин сказал: «Товарищи, для разрядки. Разрешите подписать указ о приостановлении деятельности российской компартии». И тут в зале начался массовый психоз. Овации, крики «Браво!», «Ура!». Ельцин под гвалт и шум подмахнул и указ об опечатании всех зданий, принадлежащих КПСС.

А что Горбачев? Он сидел с неподвижным лицом. Генеральный секретарь партии, которую на его глазах закрывали, не встал на защиту партии, которой был обязан всем, в том числе и восхождением на олимп власти. 25 августа 1991 года вечером по радио и телевидению было зачитано заявление Горбачева о том, что он слагает с себе полномочия Генерального секретаря и рекомендует ЦК самораспуститься. Последняя точка была поставлена. Все остальное явилось следствием».

Так бесславно закончилась политическая карьера бывшего помощника комбайнера, ставшего со временем лауреатом Нобелевской премии, первым и последним президентом страны, которую он сам и разрушил.

Из главы СССР – в клоуна и шоу-бизнесмена

Немецкая газета «Ди Цайт» о Горбачеве: «Горбачев сумел, в конце концов, полностью проиграть наследство Сталина, и сегодня над ним, как над Иванушкой-дурачком, издевается большинство русских, ибо он ни за что ни про что спустил мировую державу, которую русские строили на протяжении веков, да еще и пояс безопасности вокруг нее»…

Н. Зенькович пишет: «Экс-президент СССР выступает в роли, невиданной для прежних руководителей некогда великой державы, да и, пожалуй, для своих зарубежных коллег тоже. Он дал согласие быть обозревателем ряда газет, выходящих в разных странах мира. В частности, удалось узнать, что колонка Горбачева будет появляться в итальянской «Ла Стампа», лондонской «Гардиан», американской «Нью-Йорк Таймс».

Решение отставного президента обратиться к столь необычному для крупного государственного деятеля занятию многие наблюдатели в Москве объясняют следующими мотивами, которыми он поделился со своими приближенными людьми. Михаил Сергеевич посетовал, что в стране, которой он руководил в течение шести с половиной лет, прожить на пенсию практически невозможно. «Надо, надо зарабатывать доллары!» – восклицает он, потрясенный магазинным хамством и скудостью семейного бюджета.

Вот и зарабатывает. «Уставший от политики Михаил Горбачев, – сообщает лондонская «Санди таймс», – по всей видимости, осваивает новую карьеру – актерскую. Отец гласности выступил в главной роли в многодолларовом клипе, рекламирующем сеть ресторанов «Пицца хат». Согласно сценарию, он предлагает кусочек пиццы, а обедающие кричат: «Да здравствует Горбачев, который принес нам «Пиццу хат»! Однако вряд ли эту рекламу увидят на экранах России, замечает газета. При рейтинге популярности в 1 процент подобное представление Горбачева было бы трудноперевариваемой пищей для его собственной страны».

«Впрочем, как выяснилось в дальнейшем, экс-президент достаточно быстро пришел в себя и показал свои другие таланты. Вот что пишет газета «Аргументы и факты»: «Огромный сольный концерт именинника Иосифа Кобзона почтили своим вниманием звезды политики, бизнеса, эстрады: Лужков, Вольский, Владиславлев, Громов, Аушев, Моисеев, Соколов, Пастухов, Вайнберг, Дурова, Юрьева, Долина, Толкунова, Градский, Винокур, Лещенко и др.

На фоне чудесного пения Кобзона и тысяч роскошных цветов особо выделялся наш экс-президент Горбачев. Публика, узнав, что он с супругой в зале, устроила ему бурную овацию. Ободренный Михаил Сергеевич поднялся на сцену, но стал говорить не об именинике, а о том, что «Союз можно было сохранить» и что он «все анализирует»…

При всей теплоте и доброжелательности, публика каждую фразу Горбачева встречала смехом. Будто на сцене не сам экс-президент, а его пародист, и от исключительно удачной «похожести» зал покатывался со смеху.

Так что, поднявшись на сцену как политик, Михаил Сергеевич спустился с нее как талантливый эстрадный артист. И снова – под овации зала».